

АЙН РЭНД

Муж,
которого
я купила

От автора бестселлера «Атлант расправил плечи»

AYN RAND

**THE HUSBAND
I BOUGHT**

АЙН РЭНД
МУЖ, КОТОРОГО
Я КУПИЛА

Астрель
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44
P96

Подписано в печать 01.02.2012. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Bookman». Усл. печ л. 20,16. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1285

Ayn Rand «THE EARLY AYN RAND»

Перевод с английского А.В.Молоткова, А.Л.Караваевой,
Т.А.Неретиной

Дизайн обложки — дизайн-студия «Графит»

Рэнд, А.

P96 Муж, которого я купила /Айн Рэнд: – М.: Астрель, 2012. – 319, [1] с.

ISBN 978-5-271-38484-4 (Астрель)

ISBN 0-452-28154-7 (США)

В далеком 1926 году, двадцати одного года от роду, Айн Рэнд приехала в Америку как обычная эмигрантка из России, она едва могла говорить по-английски, и вряд ли кто-то мог поверить, что спустя незначительное время она напишет свои лучшие книги, демонстрируя великолепное владение языком и умение донести до читателя сложнейшие философские идеи.

Какие темы волновали юную Айн Рэнд, когда она лишь училась писательскому мастерству?

Книга «Муж, которого я купила» — это сборник произведений писательницы, расположенных в хронологическом порядке с самого раннего периода ее творчества. Они публикуются впервые. Среди них рассказы «Ночной король», «Муж, которого я купила», «Ее вторая карьера», а также отрывки, не вошедшие в окончательную версию романа «Мы живые».

Книга позволяет проследить путь становления и развития литературного таланта Айн Рэнд от первых опытов до работ, позднее принесших ей славу.

Сборник «Муж, которого я купила» представляет собой 1-ю часть книги «The early Ayn Rand».

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

© Estate of Ayn Rand, 2005
© Текст, Айн Рэнд, 2005
© ООО «Издательство Астрель», 2011
© Молотков А., перевод, 2011
© Караваева А., перевод, 2011
© Неретина Т., перевод, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора английского издания книги The early Ayn Rand	7
МУЖ, КОТОРОГО Я КУПИЛА (Перевод А. Молоткова)	15
НОЧНОЙ КОРОЛЬ (Перевод А. Молоткова)	67
ХОРОШАЯ СТАТЬЯ (Перевод А. Молоткова)	87
ЭСКОРТ (Перевод А. Молоткова)	149
ЕЕ ВТОРАЯ КАРЬЕРА (Перевод А. Караваевой),	157
КРАСНАЯ ПЕШКА (Перевод А. Караваевой, Т. Неретиной, А. Молоткова)	205
МЫ ЖИВЫЕ (Перевод А. Молоткова)	302
НЕТ	306
ВИКИНГ КИРЫ	314

«Писателями не рождаются, ими становятся — говорила Айн Рэнд. — А точнее, они сами себя создают». И эта потрясающая коллекция ее ранних работ, включающая в себя никогда не публиковавшийся рассказ «Ночной король», является лучшим тому подтверждением. В этих произведениях нам предоставляется возможность узнать больше не только о многообещающей философии, которая закрепит за Айн Рэнд титул мастера индивидуализма, но и о том, как она стала писательницей, чей непревзойденный стиль поднял ее на один уровень с самыми выдающимися деятелями американской литературы.

Леонард Пейкофф проработал с Айн Рэнд тридцать лет; он ее законный наследник и распорядитель ее наследством.

Предисловие редактора английского издания книги The early Ayn Rand

В далеком 1926 г. Айн Рэнд, 21 года от роду, была простой эмигранткой из России, приехавшей в Америку бороться за существование вместе с первым рассказом на чужом для нее языке. Тогда она едва могла изъясняться на английском, а о выражении сложных философских идей и о создании убедительных образов не могло быть и речи.

Но уже в 1938-м, спустя двадцати лет, она напишет «Источник», в котором продемонстрирует свое отличное владение литературным языком, полное соответствие эстетическим требованиям жанра и четкое определение сути своей философии. Такой прогресс свидетельствует о недюжем стремлении к интеллектуальному и духовному развитию.

Эта книга являет собой сборник работ Айн Рэнд, расположенных в хронологическом порядке с самого раннего периода ее творчества. Я принял решение о его публикации, рассчитывая на то, что почитателям мисс Рэнд будет интересно узнать, какие этапы она

прошла на пути развития своего литературного таланта. Теперь у них всех есть возможность погрузиться в самостоятельное изучение этих этапов.

Лишь одну из работ («Подумай дважды»)¹ можно считать законченным произведением. Другие же предлагаются вашему вниманию скорее как те грани ее творчества, которые позволяют пролить свет на развитие личности Айн Рэнд как писателя в наиболее острый период своего формирования. Ни один из этих незаконченных рассказов не был издан, и сама мисс Рэнд также не намеревалась публиковать их.

В романах взрослой Айн Рэнд нашли отражение лучшие из жизненных ценностей, которые во многом уникальны для нашей эпохи. «Источник» и «Атлант расправил плечи» поднимают оригинальные и глубокие по смыслу философские темы, подающиеся в облачении логичных и небанальных сюжетных ходов. В них мы находим тот возвышенный образ человека, каким его видит Айн Рэнд, — положительным героем, преисполненным силой и целеустремленностью, чистотой помыслов. Ее персонажи не просто идеалисты, а те, кто находят в этом счастье, уверенные в себе, невозмутимые, сумевшие обрести гармонию с окружающим миром.

Эти книги написаны в таком стиле, где ради достижения наибольшей достоверности точно просчитываются все детали и нюансы. Но в то же время этот стиль остается живым, будоражащим воображение, чувственным и колоритным.

Как философия Айн Рэнд опровергает наличие дихотомии между телом и разумом, так и ее искусство отмечает ложные альтернативы и противопоставления, порождаемые той же мнимой дихотомией. Ее романы служат прекрасным подтверждением тому, что в од-

¹ См. в книге Айн Рэнд «Подумай дважды». М.: Астрель, 2012.

ном произведении могут сочетаться такие, казалось бы, разные понятия, как философия и детектив, искусство и развлечение, моральные ценности и материальные, разум и чувства.

И тем не менее прошло немало времени до той поры, когда она смогла все это выразить на бумаге. Она развивала свои способности постепенно и кропотливо, усердно трудясь день за днем.

Какие же темы волновали ее в бытность юной девушкой, еще до того, как она могла задаться более глубокими вопросами этики и эпистемологии? Какие сюжеты она придумывала до того, как начала рассуждать в своих романах об обществе в целом, обо всем мире? О каких персонажах писала за много лет до создания образов Говарда Рорка и Джона Голта? Как она писала все эти годы, в то время, когда лишь училась, шаг за шагом, писательскому мастерству?

Ответы на эти вопросы кроются в одиннадцати разделах на страницах лежащей перед вами книги. Все они наглядно показывают, как развивала свой талант Айн Рэнд в каждой отдельной взятой составляющей полноценного произведения, будь то глубина поднимаемой темы, изобретательность в сочинении сюжетных перипетий или проработывание образов персонажей. А главное, они демонстрируют взросление ее стиля, прошедшего долгий путь от ломаного английского в «Муже, которого я купила» до той поэтической мощи, что явилась нам в «Источнике».

Развитие творчества мисс Рэнд можно условно поделить на три этапа, каждый из которых отражен в соответствующей части данного сборника.

В первой части охвачен период 20-х гг.¹, ее самое раннее творчество на английском языке. Рассказы

¹ В данном издании рассказы публикуются в хронологическом порядке без деления на части (примеч. ред.).

этого периода можно охарактеризовать как попытку набить руку, как пробу пера, результат которой не был предназначен для публикации.

Вторая часть отражает ее творчество периода 30-х гг., и в ней мы встречаем первые профессионально написанные произведения. В число этих работ включены: расширенный синопсис оригинальной картины «Красная пешка», два отрывка из рукописи «Мы живые», которые позднее были вырезаны из финальной версии, а также ранний сценарий пьесы («Идеал»), который хоть и являлся законченной работой, тем не менее вступил в разногласия с точкой зрения самой мисс Рэнд, позднее переосмыслившей свои взгляды.

И наконец, в третьей части представлены работы взрослой Айн Рэнд, периода конца 30-х гг.

В их число входят интригующая постановка, философский детектив «Подумай дважды» и два набора отрывков из рукописи «Источника», вырезанных перед самой публикацией произведения. В одном из этих отрывков рассказывается о первом любовном романе Рорка, случившемся до его встречи с Доминикой.

Один из ранних рассказов не был включен в этот сборник, как и несколько сценариев к фильмам (где мисс Рэнд адаптировала работы других писателей) из того времени, когда она пребывала в Голливуде. Не включены сюда и некоторые сценарии для немого кино, а также вариант произведения «Мы живые», написанный специально для постановки на сцене.

За исключением упомянутых выше работ, все остальное творчество Айн Рэнд в то или иное время было опубликовано. Не существует и отрывков из романа «Атлант расправил плечи», подходящих по размеру для публикации.

Большая часть произведений, включенных в этот сборник, не редактировалась или же вовсе не была до-

статочно проработана самой писательницей. Тем не менее — это все та же Айн Рэнд, которую мы знаем, что, несомненно, явилось еще одним доводом в пользу публикации этой книги. Ведь, несмотря на все изъясны, на то, что ей еще многому предстояло научиться, даже в этих работах четко выражено ее видение человека и жизни в целом. Облекая эти образы в словесную оболочку, мисс Рэнд заставляет поверить в их реалистичность, чувствовать происходящее и сопереживать. Для полюбивших ее творчество читателей уже этих поводов достаточно, чтобы немедленно приступить к изучению ее ранних работ.

Впервые я встретился с Айн Рэнд в 1951 г., у нее дома, в Калифорнии. В то время она работала над романом «Атлант расправил плечи», а я был простым студентом медицинского университета, которому очень понравился ее знаменитый «Источник». Я страстно хотел задать ей терзающие меня вопросы касательно этой книги. Эта встреча изменила мою жизнь.

Айн Рэнд разительно отличалась от всех, кого мне доводилось встречать раньше. Ход ее мыслей был в высшей степени оригинален, а о проблемах интеллектуального характера никто, кроме нее, и не мог так высказываться. Более того, ее разъяснения были не только просты и логичны, но и убедительны, а потому казались очевидными. Страсть же, с которой она излагала свои идеи, излучаемая ею целеустремленность и вовсе позволяли верить в то, что можно изменить ход истории.

Ее яркие, внимательные глаза заглядывали мне прямо в душу и ничего не упускали, как и она сама в продуманных, научно выверенных ответах на мои вопросы. Тем вечером она убедила меня в том, что философия действительно является наукой со вполне объективными и обоснованными ответами на поставленные перед ней вопросы. Такая наука движет

миром независимо от того, соглашаются с этим люди или нет. И вот уже вскоре я бросил медицину и решил, что хочу связать свою карьеру и жизнь с философией.

Спустя годы я сблизился с мисс Рэнд и негласно стал ее учеником, а затем начал писать и читать лекции, в основе которых лежали ее идеи. Вдвоем мы регулярно обсуждали их, нередко по двадцать часов без перерыва. От нее я узнал о философии больше, чем в университете за те 10 лет, которые потратил, чтобы получить докторскую степень.

Вскоре после нашей встречи мисс Рэнд предложила мне прочесть две ее пьесы, которые вошли в настоящий сборник, — «Идеал» и «Подумай дважды»¹. Она была довольна обеими и надеялась найти продюсера, который поставил бы их на сцене (вероятно, именно поэтому она никогда не стремилась опубликовать их). Также мне довелось прочесть тогда рассказ «Хорошая статья» и выслушать анализ этого произведения от самой мисс Рэнд, которая считала его достойной пробой пера начинающего автора, хотя и признавала, что он не лишен изъянов. Ни одно из других произведений, включенных в данный сборник, мне не довелось прочесть при жизни Айн Рэнд, хоть я и не раз слышал от нее о некоторых работах, которые она называла «давней историей». Я был просто поражен тем, как много неопубликованных творений удалось обнаружить среди так называемого ею «мусора» после смерти писательницы.

Из всего этого разнообразия я бы особо выделил три любимых мною произведения: «Веста Данинг»² — за мастерский слог, «Викинг Киры» — за легкий флер

¹ См. в книге Айн Рэнд «Подумай дважды». М. : Астрель, 2012.

² См. там же.

сказочного романтизма, и «Муж, которого я купила» — за редкую возможность получить представление о том, что творилось в душе Айн Рэнд в тот ранний период, когда ее познания в философии, равно как и в области английского языка, не были столь обширны, но искреннее стремление к высшим духовным ценностям стало очевидным. Именно эти три произведения, в купе с другими обнаруженными работами, убедили меня, как распорядителя литературным наследием писательницы, в том, что все это достойно издания отдельного сборника.

Однако тем, кто мало знает об Айн Рэнд, я бы рекомендовал начать знакомство с ее творчеством с романов, и если они — а главное, идеи, заложенные в них, — заинтересуют вас, то можно обратиться затем к ее исследованиям теоретического характера, вроде: «Добродетель эгоизма» (на тему этики), «Капитализм: неизвестный идеал» (о политике) или же «Романтический манифест» (об эстетике). И только после этого, если захотите, вы сможете в полной мере насладиться произведениями, которые предлагаются в настоящем сборнике.

Если кто-либо из читателей захочет узнать больше о других опубликованных произведениях мисс Рэнд, о лекционных курсах или иных публикациях, в основе которых лежат ее оригинальные взгляды на основные вопросы философии, а также о материалах, которые еще не опубликованы (дневники, письма, лекции), — предлагаю вам написать по адресу: Objectivism EA, P.O. Box 177, Murray Hill Station, New York, NY 10137. Искренне сожалею, что из-за огромного количества входящих писем отвечать на них лично не представляется возможным. Однако все обратившиеся в свое время получают материалы из различных источников, которые в итоге помогут им выбрать правильное направление для дальнейших самостоятельных

поисков необходимой информации об Айн Рэнд и ее творчестве.

Долгое время Айн Рэнд была горячо любима широкой публикой. Теперь вам предстоит познакомиться с неизвестными ранее произведениями различных периодов творчества писательницы. Искренне надеюсь, что вам они понравятся так же, как понравились и мне.

Леонард Пейкофф. Нью-Йорк

МУЖ, КОТОРОГО Я КУПИЛА

Предисловие редактора ¹

Когда в феврале 1926 г. Айн Рэнд приехала из России в Соединенные Штаты Америки, ей был всего двадцать один год. Погостив несколько месяцев у родственников, живших в Чикаго, она направилась напрямиком в Голливуд. Хоть она и изучала английский еще в России, познания ее были невелики, и поначалу она занималась написанием сценариев к немым кинофильмам. Судя по всему, «Муж, которого я купила» — это уникальный пример ее прозаического творчества того периода, не относящего к сценариям. Также, это ее первый рассказ на английском языке.

Мисс Рэнд прекрасно отдавала себе отчет, что эта история является лишь пробой пера (как и все ее остальные произведения 20-х гг.), и в том, что оно было написано на тогда еще чужом для нее языке. Она не только никогда и не намеревалась опубликовывать его, но и не стала ука-

¹ Здесь и далее имеется в виду редактор английского издания книги «The early Ayn Rand» Леонард Пейкофф.

зывать свое авторство (хотя еще перед отъездом из России придумала себе имя «Айн Рэнд»). Она подписала его псевдонимом, который использовала лишь единожды за свою литературную карьеру: Аллен Рейнор.

Спустя много лет Айн Рэнд попросят прочесть лекцию на тему того, какие ориентиры лежат в основе ее литературных произведений. «Главной темой и целью моего творчества, — ответила она, — является отображение образа идеального человека. Живописание морального идеала — вот что есть моя абсолютная и конечная цель...» («Романтический манифест»).

Тем не менее, она не считала себе готовой к этому вплоть до романа «Источник»; она знала, что ей еще предстоит многому научиться, как писателю и как философу. Но что она представляла возможным для себя в это время, так это изображение женских чувств по отношению к идеальному мужчине, то чувство, которое она позже охарактеризовала как «культ человека». Она сама с детства испытывала эту сводящую с ума страсть, как правило, к образам благородных героев из произведений эпохи Романтизма.

Такие понятия, как «поклонение», «почитание», «вознесение» и подобные им привыкли ассоциировать с эмоциями, относящимися к чему-то сверхъестественному, находящемуся за гранью этого мира. Но, как считает Айн Рэнд, они скорее принадлежат к религии или мистицизму, которые

вмещают в себе высшие моральные понятия, поддающиеся словесному описанию... Такие понятия дают названия наличествующим в действительности эмоциям, хоть никакого сверхъестественного измерения для них не существует; подобные эмоции ощущаются приносящими радость и облагораживающими, без всяких самоуничижительных определений, свойственных религии. Что же тогда в действительности является источником этих сигналов? Вся эмоци-

ональная сфера человеческих стремлений к моральному идеалу... Это высочайшая ступень людских эмоций, которая должна быть высвобождена из мрака мистицизма и перенаправлена в нужную сторону — к самому человеку.¹

«Культ человека» подразумевает под собой бесспорное стремление к ценностям и к олицетворению личности успешной и благодетельной. Это скорее метафизически-этическое чувство, подвластное обоим полам, объединяющее всех, «кто видит огромный потенциал в человеке и стремится его реализовать» и адресованное тем, кто «посвятил себя экзальтации чувства самопознания человека и святости его счастья на земле».

Когда женщина с таким складом характера видит, как ее самые сокровенные ценности воплощаются и приобретают очертания в каком-то конкретном человеке, то культ человека преобразуется в романтическую любовь. В этом и заключается особенная черта романтической любви, как ее представляет Айн Рэнд: это объединение абстрактного с конкретным, идеала с действительностью, разума и физической оболочки, возвышенной духовности и отчаянной страсти, благоговения и сексуальности.

Главными героями ранних произведений Айн Рэнд становились преимущественно женщины, и одной из черт их характеров всегда было это поклонение человеку. Образы этих персонажей, до появления в ее творчестве Говарда Рорка, были проработаны лишь поверхностно. Но сколько бы неточностей и ошибок ни было допущено писательницей в языковом и литературном планах, чувства женщины к герою были уже великолепно мотивированы.

Даже в этой первой истории, она следует пути красноречивых описаний для раскрытия животрепещу-

¹ Айн Рэнд «Источник».

щей темы (особенно в прощальной сцене). Даже на столь раннем этапе она с умом использует тот драматичный стиль с употреблением кратких предложений, который прославит ее в «Источнике».

Генри из этого рассказа является ранним предшественником Лео (Мы живые), Рорка, Франциско или Рердена (Атлант расправил плечи). Те из читателей, что знакомы с упомянутыми персонажами, с легкостью увидят некоторые из их черт в Генри. Основной упор, правда, делается на ответную реакцию Ирэн, которая с лихвой описывается за весь рассказ в одной строке: «Когда я устаю, то сажусь на колени перед столом [на котором стоит фотография Генри] и смотрю на него».

На поверхности история выглядит обыденной. Могу представить, что кто-то воспримет ее как трагедию нелюбимой жены, «эгоистично» решившей удалиться из жизни своего мужа. Но на самом деле, в произведение заложен совсем иной смысл. Ирэн вовсе не самолюбивая супруга, а страстная ценительница; ее решение оставить Генри было принято не из самопожертвования, а из самосохранения и желания подтвердить существующие для нее ценности. Она не может впустить в свою жизнь на место Генри никого другого, с кем бы ее отношения не были столь же преисполнены воплощением разделенных с ним ценностей.

Ирэн так же не обрисовывает свои страдания как путь к трагическому концу. Счастье ее жизни состоит в осознании самого факта существования Генри, в том, что она была с ним, и что она будет любить его всегда. Даже в агонии безответной любви она обращает свое внимание целиком и полностью на ценности, а не на боль. Это особенно заметно на примере ее отчаянного стремления уберечь свой идеал от страданий, защитить его ради ее собственного блага, хоть она и оставляет его, сохранить свои ценности целыми, божественными, нетронутыми печалью потери. « Генри,

ты должен быть счастлив, ты должен быть сильным и замечательным. Оставь удел страданий тем, кто не может от этого удержаться. Ты должен с улыбкой идти по жизни... И никогда не думать о тех, кто на это не способен. Они того не стоят».

События, описанные в рассказе, тривиальны, но их значения и причины воплощают в себя всю суть творчества Айн Рэнд, являясь более чем необычными. Это становится возможным благодаря невероятной серьезности той страсти, которая овладела Ирэн. Вот что преобразует во всем остальном обычную историю о любви.

Конечно же, есть в рассказе и грубые ошибки. На некоторых важных акцентах не заостряется должного внимания, о них просто вскользь упоминается в процессе повествования. В целом, это полная противоположность более зрелой литературе Айн Рэнд. В столь тщательно расписанные моральные устои небольшого городка с трудом верится, учитывая то действие происходило около шестидесяти лет назад. В довершении ко всему, явно бросается в глаза неосведомленность автора о некоторых особенностях английской грамматики, идиом и словаря; в результате, диалоги зачастую звучат натянуто и недостаточно правдоподобно. Я взял на себя смелость исправить самые серьезные ошибки, что касается грамматики, а также убрать из текста некоторые очевидные варваризмы, но в целом постарался передать текст в печать в целостности и сохранности, отдавая должное Айн Рэнд как писателю, достойно прошедшему и этот период развития своих умений. Те читатели, которые уже ознакомились с ее романами, сами поймут, насколько она преуспела в этом.

Некоторых из нас может заинтересовать, по какой причине Айн Рэнд решила связать свою идею поклонения человеку с историей о неразделенной любви. Мое предположение тут заключается, в том что именно эта составляющая рассказа была автобиографичной. Еще

в России Айн Рэнд, будучи студенткой, была влюблена в молодого человека, впоследствии ставшего прообразом Лео. Она помнила этого молодого человека, помнила о своих чувствах к нему всю жизнь. Их отношениям, тем не менее, не было суждено сложиться — то ли по личным причинам, то ли по политическим (вероятно, он был сослан в Сибирь), наверняка я этого не знаю. Но в любом случае, легко представить, что она чувствовала тогда, одна в незнакомой стране, на пороге новой жизни, и почему ее внимание было заострено на своеобразном прощальном жесте этому молодому человеку, которого она теряла навсегда. И даже, если точнее, она обращала все внимание на свои чувства к этому человеку и на ощущение его безвозвратной утраты.

Леонард Пейкофф

Мне не следовало рассказывать эту историю. Тем, что это все-таки произошло, я обязана лишь своему умению хранить молчание. Я пережила такие мучения, которые и не снились какой-либо другой женщине, а все для того, чтобы сохранить свой секрет. И вот теперь я решила о нем поведать.

Возможно, этого делать не стоило, но во мне еще теплится надежда. Последняя, единственная надежда. У меня больше нет времени. Когда для тебя больше нет смысла жить и ничто тебя здесь не удерживает, кто посмеет винить тебя в том, что ты решила воспользоваться этим шансом... пока конец не настал? Поэтому я и взяла в руки перо.

Я любила Генри. До сих пор люблю. Вот все, что я знаю и могу сказать о себе. Это был мой единственный смысл жизни. Конечно, на Земле нет такого человека, который бы никогда не влюблялся. Но немногие знают, сколь далеко любовь может простираться, выходя за все рамки и преграды, за предел сознания и даже за границы человеческой души.

Я никогда не вспоминала о том, как встретила его. Это для меня абсолютно не имеет значения. Мне было суждено его встретить, и так оно и случилось. Я никогда не думала и о том, как и когда полюбила его, или как

поняла, что мои чувства взаимны. Все, что я знаю, — это то, что его имя навсегда вписано в историю моей жизни: Генри Стеффорд.

Он был высок, строен и красив, до ужаса красив. Его амбиции были огромны, но сам он никогда и не думал признавать это. Всю жизнь он страстно стремился к чему-то, что далеко не всегда имело определенные очертания, но даже не задумывался об этом. Он был великолепным примером для восхищавшегося им общества, а сам в это время смеялся над ним. Немного ленивый, такой скептический и безразличный ко всему. Высокомерный и заносчивый в своих собственных глазах, он казался пускай ироничным, но искренне великодушным для всех остальных.

Разумеется, в таком маленьком городке, как наш, Генри Стеффорд был объектом охоты для всех девушек в округе и всяких доморощенных соблазнительниц. Он без стеснения флиртовал с ними всеми, заставляя их рвать на себе волосы от злости.

Его отец оставил ему в наследство крупное предприятие. Генри умело управлял им так, что оно приносило ему наибольшую прибыль при наименьших затратах. Он и дела всегда вел с той же неподражаемой улыбкой равнодушной вежливости, которая играла на его лице как при общении со светскими дамами, так и при чтении какого-нибудь бестселлера с середины.

Мистер Барнс, пожилой юрист и по совместительству мой друг, как-то сказал с присущим ему задумчивым взглядом в неопределенную даль: «Этот невозможный человек... Я завидую той, кого он полюбит. И я сочувствую той, на ком он женится».

В тот момент не он один как раз бы мог мне завидовать, ведь Генри Стеффорд любил меня. Мне был двадцать один год, и я только что окончила один из лучших колледжей. Я вернулась в свой маленький родной городок, в красивое поместье, перешедшее мне по на-

следству после смерти родителей. Это был большой и богатый дом с необыкновенной красоты садом, лучшим в городе. У меня было внушительное состояние и совсем не было близких родственников. И по правде, я уже привыкла сама управлять своей жизнью, спокойно и уверенно.

Раз уж я решила рассказывать все начистоту, то тут мне следует добавить, что я была красива и умна. Тот, кто умен, всегда каким-то образом это понимает сам. Все в нашем маленьком городе считали меня безупречной девушкой, которой суждено безоблачное будущее, хотя и не слишком любили из-за моего чрезмерно волевого характера и решительности.

Но я любила Генри Стеффорда, и для меня это было важнее всего остального на свете, смыслом моей жизни. У меня ни разу не возникало даже мысли о том, что его место в моем сердце может занять кто-либо другой. Наверное, глупо любить человека так самоотверженно. Но я бы и слушать не стала, скажи мне кто такое. Об этом не могло быть и речи, ведь он мой смысл жизни...

А Генри Стеффорд любил меня, вне всяких сомнений. Это было первым в его жизни событием, над которым он не улыбался.

— Представить не мог, что окажусь таким беззащитным перед любовью, — бывало, говорил он. — Представить не могу, чтобы ты принадлежала не мне, Ирэн. Ведь я всегда добиваюсь того, чего желаю, а желаннее тебя для меня нет ничего на свете!

Он покрывал мои руки поцелуями, от кончиков пальцев до плеч... А я смотрела на него, и у меня внутри все замирало. Каждое его движение, его жесты, звук его голоса — все в нем заставляло меня трепетать. Когда тобой овладевает такая страсть, то подчиняет себе без остатка, до самого последнего вздоха. Она заставляет пылать без огня и все еще пламенеет даже

тогда, когда уже нечему остается гореть... Но тогда, ох как же счастлива, как счастлива я тогда была!

Один из наших дней запомнился мне сильнее всех остальных. Лето было в самом разгаре, и солнце светило столь же ярко, сколь бесконечно лазурна была вода в океане. Вдвоем мы катались на качелях, оба во всем белом, крепко держась за веревки обеими руками и раскачиваясь что есть сил из одной стороны в другую. Мы двигались так быстро, что вскоре веревки стали потрескивать, не выдерживая столь сильного натяжения, а я уже тяжело дышала... Вверх и вниз, снова вверх и вниз! Моя юбка задралась выше колен и развевалась, как легкий белый флажок на ветру.

— Быстрее, быстрее, Ирэн! — кричал он.

— Выше, Генри, выше! — вторила ему я.

Рукава его белоснежной рубахи были закатаны по локоть, обнажая загорелые руки, которыми он крепко держался за веревки, выталкивая себя вперед легкими, грациозными движениями сильного тела. Ветер трепал его волосы...

И на такой дикой скорости, под палящими лучами солнца, я видела и чувствовала лишь одного его на свете.

И вдруг, не сговариваясь, когда качели подняли нас особенно высоко, мы одновременно спрыгнули с наших сидений. Разумеется, все ноги и руки после падения у нас были в ссадинах и царапинах, но нас это совершенно не заботило. Я была в его объятиях, а он неистово целовал меня с таким безумным упоением, что недавний прыжок уже казался нам обоим безобидной шалостью. Для нас это было не впервой, но именно этот раз я никогда не забуду. От его жарких объятий у меня голова шла кругом, и я думала, что вот-вот потеряю сознание. Я так крепко ухватилась руками за его сильные плечи, что мои ногти, должно быть, вонзились в него до крови. Я целовала его в губы и в шею, туда, где рубашка была распахнута.

Он был единственным из нас в тот миг, кто смог промолвить, а точнее, прошептать, едва слыша себя самого:

— Навсегда... скажи, Ирэн, что это навсегда...

На следующий день я его не увидела. С осязаемым беспокойством я ожидала его до ночи, но он так и не пришел. И через день его по-прежнему не было. В тот же день мне позвонил один мой знакомый, донельзя самоуверенный и бестактный сердцеед, беспрестанно пытавшийся добиться моей руки. Он говорил не умолкая обо всем, что ему приходило в голову, и как-то невзначай обронил: «Кстати, Генри Стеффорд серьезно влип... говорят, какие-то нешуточные проблемы с его бизнесом».

В следующие дни мне довелось открыть для себя ужасную правду — Генри был разорен. Он не просто потерял все, но и оказался в серьезной долговой яме. В этом не было его вины, хоть он и всегда вел свой бизнес достаточно беспечно. Всею виной были обстоятельства, и это было известно всем, но только все равно ситуация выглядела так, будто он тому причина. И это был непоправимый удар по его репутации, по его имени, по всему его возможному будущему.

Наш маленький городок стоял на ушах. Были люди, которые сочувствовали Генри, но большинство из жителей лишь злобно радовалось его несчастью. В действительности они всегда его не любили, хоть и всегда демонстративно восхищались им. Возможно, именно это заискивание в итоге и взрастило такую неприязнь. «Хотел бы я посмотреть, какую гримасу он теперь скорчит», — ухмылялся один. «Вот стыдоба!» — в унисон причитали другие.

Мне тоже довелось выслушать много чего нелюбопытного. Неудивительно, что меня также невзлюбили, ведь сам Генри меня выбрал. «Все никак в толк не

возьму, да чего ж он нашел в этой Ирэн Уилмер?» — как-то озвучила общее мнение почетная соблазнительница номер один нашего городка, Пэтси Тилленс. А вскоре и мисс Хьюз, весьма уважаемая дама и мать троих, пока еще не вышедших замуж дочерей, с обворожительной улыбкой сообщила мне: «Я так рада, что ты вовремя от него ушла, дорогая... Я всегда думала, что он никудышный человек». Пэтси, находившаяся поблизости и пудрившая свой носик, не преминула поинтересоваться: «А ты уже подыскала себе кого-нибудь еще по вкусу?»

Я не обращала на все это внимания и нисколько не обижалась. Я лишь пыталась прощупать ситуацию и понять, насколько все это на самом деле тяжело для Генри. Но лишь одно высказывание из уст угрюмого бизнесмена, которого я давно уважала, все для меня прояснило. «Он человек чести», — объяснял этот мужчина своему другу, не подозревая, что я его слышу. — Но в данной ситуации он может разве что честно пустить пулю себе в висок, и чем скорее, тем лучше». И тут я для себя все решила. Накинув платок на шею, я помчалась к его дому.

С дрожью я смотрела на него, с трудом узнавая. Он сидел за своим рабочим столом, с каменным выражением лица и безразличными, неподвижными глазами. Одна из его рук висела плетью вдоль тела, пальцы ее едва ощутимо подрагивали.

Он не заметил, как я вошла. Лишь когда я опустилась у его ног и уткнулась лицом ему в колени, он вздрогнул и обратил на меня внимание. Затем подхватил меня под руки и заставил подняться на ноги.

— Иди домой, Ирэн, — сказал он холодным, бесцветным голосом, — и никогда не возвращайся.

— Ты... ты меня не любишь, Генри? — невнятно спросила я.

В его голосе перемешалось страдание со злостью, когда он ответил:

—Теперь уже между нами ничего не может быть... Неужели ты не понимаешь?

Я поняла. Но улыбнулась просто так, веселья ради. Потому что это выглядело слишком неестественным для того, чтобы быть правдой. Деньги! Между нами встали деньги, и они делали вид, будто могут украсть его у меня! Я как-то устрашающе рассмеялась, но как иначе себя вести в ситуации, когда что-то намеревается лишит тебя твоего смысла жизни, единственной цели в ней, твоего бога... лишь потому, что у бога нет денег?

Он и слушать меня не хотел, но я заставила его. Я потеряла счет тому, сколько часов я умоляла и упрашивала его. А он все отказывал. Временами он был мягок и просил меня забыть его, временами черствел и вновь становился холодным, попросту поворачиваясь ко мне спиной, не слушая меня и приказывая уйти. Но я видела в его глазах ту страстную любовь и то отчаяние, которые он так пытался сокрыть от меня. Я оставалась. Я падала перед ним на колени, целовала его руки.

—Генри... Я не могу жить без тебя, Генри... просто не могу! — молила я сквозь слезы.

Потребовалось много времени для того, чтобы его завоевать. Но я была в отчаянии, а оно всегда пробьет себе путь. Наконец он сдался и согласился... И когда он держал меня за руки, покрывая мое лицо поцелуями, мокрыми от слез, когда он прошептал: «Да... Ирэн... да» — и губы его задрожали, я совершенно точно знала, что он любит меня. Что из-за этой безграничной любви у него такие темные, переполненные эмоциями глаза.

И город будто взорвался от неожиданных новостей. Никто этому сперва не поверил, а когда же у них уже не оставалось выбора — их ужасу не было предела. Даже мисс Хьюз примчалась, чтобы увидеться со мной, со всей искренностью восклицая:

— Но... как ты можешь выходить за него, Ирэн! Это же глупо! Нет, Ирэн... это просто безумие!

Больше она и не могла подобрать этому никаких определений.

— Да девчонка свихнулась! — заявила ее подруга, мисс Броган, которая была не столь корректна.

Мистер Дейвис, давний друг моих родителей, пришел поговорить и попросил меня как следует подумать над тем, что я делаю. Он посоветовал мне не выходить замуж за Генри и напомнил, что если я потрачу наследство на то, чтобы оплатить долги мужа, то останусь практически без гроша в кармане, а кто знает, как у меня сложится будущее? Я лишь смеялась над всем этим. Ведь я была так счастлива!

Наиболее дальновидным из всех оказался мистер Барнс. Он долго и многозначительно взирал на меня из-под толстых стекол своих очков и наконец с печальной улыбкой человека, умудренного жизнью и большим опытом общения с другими людьми, сказал:

— Боюсь, ты будешь несчастна, Ирэн... Вряд ли счастье может сосуществовать с такой страстью.

А затем он повернулся к Генри и сказал ему необычно суровым для себя голосом:

— Вот теперь будьте поосторожней с собой, Стеффорд.

— Думаю, было излишне напоминать мне об этом, — холодно ответил Генри.

Мы поженились. Некоторые говорят, что безупречное счастье на бренной земле недоступно. Но у нас оно было. Было бы даже чересчур скромно назвать это счастьем — мир слишком мал для того, чтобы в нем нашлось определение для чувства, подобного этому.

Я была его супругой, и более не Ирэн Уилмер, а Ирэн Стеффорд. Едва ли я могу описать, что со мной было в первое время после свадьбы. Я ничего не помню, а ес-

ли мне кто-то и задает такой вопрос, то у меня на него лишь один ответ: «Генри!» Он был со мной, и более ничего я не замечала. Мы продали все, что у меня было, его долги были уплачены, а сам он спасен. Мы могли жить только друг для друга, ведь более ничто не могло нас потревожить, в самом диком райском уголке на свете, который только могли вообразить для себя двое безумно влюбленных.

Но все же день, когда нам пришлось задуматься о будущем, настал. Мы отдали все имевшиеся у меня деньги, продали мое поместье и фамильные драгоценности. Потому нам все же пришлось задуматься о поиске работы. У Генри было образование инженера, и он устроился на работу. Это была не такая уж и престижная должность, но совсем неплохо для начала, учитывая и то, что по специальности он до этого никогда не работал.

Так мы и зажили, арендовав небольшую квартиру. Я изо всех сил пыталась поставить Генри на ноги, стремясь придать его жизни вкус и облик. Я помогала ему с работой. Порой у него не хватало силы воли выполнять все обязанности с надлежащей ответственностью. Часто он просто ложился на диван, бросив работу на полпути, складывал ноги на стол, брал в руки какую-нибудь странную книжку и курил. А я всегда помогала ему заставлять себя работать и становиться все успешнее и успешнее.

Я никогда не позволяла ему считать меня его дружкой, хорошим товарищем, готовым сделать за него всю работу. Я была его госпожой, его женщиной, а он — моим любовником. Мне удалось создать вокруг себя определенный ореол отчужденности, который помогал мне казаться для него в какой-то мере недоступной. Ему никогда не случалось наблюдать за тем, кто выполняет за него всю работу по дому. Я была для него настоящей королевой в доме, неким мифическим

существом, которым он никогда не мог обладать целиком и полностью, той, кого он никогда не мог назвать своей собственностью или прислугой. У нас не существовало быта, если можно так выразиться, мы его не замечали. Мы были любовниками, и между нами пылала неугасающая страсть. Только она, ничего лишнего.

Наша жизнь для него была романом. И я помогала ей быть всякий раз другой, необычной, волнующей. Каждый день. Каждый миг. Дом для него не был местом, где он отдыхал, ел и спал. Он был полным великолепия дворцом, где ему суждено было сражаться, побеждать и завоевывать в тихой, волнующей кровью игре.

— Кому такое могло прийти в голову, Ирэн! Создать настолько неповторимую женщину, как ты! — бывало, говорил он, оставляя пылающие следы от поцелуев на моей шее и плечах.

— Если я жив, то только благодаря тому, что ты со мной! — но я молчала в ответ и никогда не выказывала, как сильно его обожаю. Не следует позволять мужчине видеть, что он для тебя стал воплощением самой жизни. Но он знал это, он чувствовал...

Светское общество, по первости с таким неодобрением встретившее нашу свадьбу, вскоре стало к нам более благосклонно. Но все то начало нашей совместной жизни, когда нам приходилось сражаться, работать и переносить одиночество, я вела его по пути к лучшему будущему, я одна! И я горжусь тем, что все эти годы меня одной хватало для того, чтобы заменять ему весь мир!

У нас часто гостил мой лучший друг мистер Барнс, внимательно следя за тем, как складывается наша жизнь. Он наблюдал за нашим невозможным, невероятным счастьем, которое заметно радовало его, но в то же время заставляло задумываться. Однажды он спросил меня:

— Как ты думаешь, что случится, если он вдруг перестанет тебя любить?

Мне пришлось собрать все силы в кулак, чтобы заставить свой голос ответить на это:

— Никогда больше так не говори. Есть настолько ужасные вещи в мире, о которых не стоит даже заикаться.

Шло время, а наши чувства становились все сильнее и сильнее, нисколько не увядая и не надоедая нам. Мы понимали каждый взгляд друга, каждое движение. Длинные вечера мы коротали в его рабочем кабинете у горящего камина. Я сидела на подушках, он клал голову мне на колени, и мы целовались, а отблески огня играли на наших лицах в полумраке.

— Никогда не устаю удивляться тому, насколько двое могут быть созданы друг для друга, Ирэн, — говорил в такие моменты он.

И так мы жили четыре года. Четыре идеальных года безумного счастья. Много ли на свете тех, кто бы мог этим похвастаться? В конце концов, думаю я иногда, есть ли у меня вообще право считать себя сейчас несчастной? Я заплатила ужасную цену за свою жизнь, но мне также посчастливилось познать необыкновенное счастье. И цена эта не была слишком высокой. Она была справедливой. Потому что у меня были те дни, и они были всецело моими.

Общество приняло нас обратно, возможно, с еще большим восхищением, чем ранее. Генри повсюду слыл самым известным, самым желанным гостем. Его карьера шла на взлет, и хотя он по-прежнему пока еще не зарабатывал огромных денег, его имя всегда было на слуху, как одного из потрясающих инженеров. А когда человек столь интересен и необыкновенен, как он, то общество может простить ему отсутствие больших денег...

Но затем это все-таки случилось... У меня хватило сил пережить это, должно хватить сил и написать об этом...

В городе появилась новая девушка, которая тут же влилась в наше общество. Ее звали Клэр ван Дален. Она была в разводе и только что закончила свое путешествие по Европе, а после решила навестить живших здесь дальних своих родственников, приехав прямиком из Нью-Йорка. Я увидела ее в первый же вечер, когда о ней заговорили в обществе, на танцевальной вечеринке.

Тело ее было подобно античной статуе. У нее была бесподобная кожа и темно-красные губы. Ее роскошные черные волосы были разделены пробором посередине, она носила длинные изящные серьги. Все ее движения были настолько неторопливыми, спокойными и плавными, будто бы ее тело вообще не имело костей. Руки ее вились, как шелковые ленты, а одежда хоть и была проста, но выглядела на миллион. Она была непревзойденно, ошеломляюще прекрасна.

Наше светское общество пребывало в бурном восторге, они никогда не видели женщину такой ослепительной красоты. Она была галантна и грациозна в общении со всеми, но ее улыбка выдавала женщину, привыкшую и даже уставшую от такого внимания — высокомерная и безразличная.

Генри смотрел на нее... слишком долго и пристально. Тот взгляд, которым он провожал каждое ее движение, был преисполнен странного восхищения, слишком искреннего для него. Этим вечером он танцевал с ней несколько раз.

Когда вечеринка уже подходила к концу, группа молодых людей прямо таки накинулась на мисс ван Дален — каждый жаждал проводить ее до дому.

— Что же, мне придется выбирать, — молвила она со снисходительной улыбкой, полной неземного очарования.

— Так выбирайте же из всех присутствующих! — предложил один из ее новоиспеченных ярых поклонников.

— Из всех? — переспросила она, по-прежнему улыбаясь, выдержала паузу и сказала: — Тогда это будет мистер Стеффорд.

Генри не просил, чтобы его удостоили такой чести, и это явно застало его врасплох. Но отказать он уже не мог. Домой меня отвез мистер Барнс.

Когда Генри вернулся, я спросила его, что он о ней думает, на что мне был дан краткий и безразличный ответ:

— Да, она весьма интересная женщина.

Но мне было ясно, что на самом деле он куда более впечатлен ею, на что я предпочла не обращать внимания.

Когда настал день следующей вечеринки, Генри дал мне понять, что не горит желанием туда идти. Он устал, у него много работы.

— Ну, Генри, они же ждут нас, — взмолилась я. — Сегодня будет много интересных людей: мистер и мисс Харвингс, мистер и мисс Хьюз, мисс Брукс, мисс ван Дален, мистер Барнс...

— А знаешь, что... думаю, нам и правда стоит сходить, — вдруг согласился он.

Этим вечером Генри танцевал с Клэр ван Дален чаще, чем с кем бы то ни было. У ее платья был достаточно глубокий вырез со спины, и я видела, как иногда он прикасался пальцами к ее шелковистой коже. Меня поразило то, как неотрывно она смотрела ему в глаза... За столом они сидели рядом — хозяйка поспешила удовлетворить желание мисс ван Дален.

После этого вечера Генри не пропустил ни одной вечеринки, на которой она появлялась. Он катал ее на своем автомобиле, звонил родственникам, у которых она остановилась. Он умудрялся оказываться в

театрах в те вечера, когда она туда приходила. У него был странный взгляд — взволнованный и чего-то страстно желающий. Дома он был вечно занят, работал с удвоенной скоростью, а затем спешно куда-то уезжал.

Все это происходило у меня на глазах, и я была просто поражена. У меня не возникало каких-либо подозрений, потому что вещь, которую я могла бы предположить, была настолько мне омерзительна, что мое сознание ее просто не пропускало. Я даже помыслить не могла об этом.

Затем, ни с того ни с сего он вдруг порвал с ней все связи. Он не хотел идти ни на какие вечера и решительно отказывался ото всех приглашений. Он был мрачнее тучи, и подо всей этой тьмой, что его окружала, я различила одно чувство — страх.

А затем я поняла. Его ухаживание за ней для меня имело мало значения, но то, что он решил перестать с ней общаться, прояснило для меня все. Не сразу же, конечно. Сперва смутная, неясная мысль, предположение, которое заставило кровь застыть у меня в жилах. Затем пришло сомнение, отчаянная борьба с которым лишь усилила его. А затем я провела тщательный, пугающий анализ, результатом которого стала абсолютная уверенность. Генри был влюблен в Клэр ван Дален. И да, я своей собственной рукой пишу это предложение.

Есть такие вещи, есть жизненные ситуации, о которых не хочется говорить и в самом страшном сне. Именно так я себя чувствовала, когда в первый раз признала это. И кажется, в тот же день я нашла у себя первый седой волос...

А вскоре передо мной распахнулись врата в сумасшествие. Я просто не могла в это поверить. Это было правдой, но мой разум отказывался это воспринимать. Меня преследовало ужасное, ни с чем не сравни-

мое чувство, как все рушится вокруг меня и внутри меня!.. Были дни, когда я вела себя мертвенно-спокойно, срываясь в истерический крик о том, что этого не может быть. Были ночи, когда я до крови кусала свои пальцы... А затем я все же решила сражаться.

В голове моей царил дикий, холодный ужас, и весь облик жизни для меня изменился, обнажив свой острый оскал. Но я собралась с силами и сказала себе, что никому не дозволено отдавать своего супруга без боя. Он был моим... возможно, все еще будет.

Я точно знала, что происходит у него в душе. Сначала он слегка флиртовал с Клэр, убеждая себя в том, что она ему интересна просто как новая знакомая. Так же как и мне, ему даже в голову не приходила мысль о том, что это может принять серьезный оборот. Он об этом и не думал, но чувство пришло само. А когда он понял, что случилось, то решил со всем тотчас же покончить.

Мы оба вступили в противостояние: я боролась за него, а он — с самим с собой. О, как же долго оно длилось и как храбро мы бились! Но проиграли — оба.

В те дни он никогда не был со мной суров, утрюм или раздражителен, напротив — нежен и заботлив, как всегда. Я была весела и спокойна, как всегда, привлекательна — как никогда прежде. Но я не могла отводить его даже на миг. Что случилось, то случилось. И этого было не изменить.

— Генри, — сказала я ему в один из дней твердо и решительно, — мы пойдем на эту вечеринку.

Мы уже долго отказывались от всяческих приглашений и теперь наконец приняли одно из них снова.

Он смотрел на нее, а я наблюдала за ним. Мы оба знали, что хотели знать. Бессмысленно было бороться с этим дальше.

Той ночью я не спала. Я изо всех сил пыталась дышать. Меня что-то душило. «Одному из нас при-

дется пройти через эти испытания ради жизни, — думала я. — Ему или мне.. Пусть лучше это буду я». И я снова с трудом сделала вдох. «Он все мне расскажет наконец... И я разведусь с ним... И если ему будет слишком жаль меня... то я скажу ему, что уже не люблю его так же сильно, как и прежде... если у меня вообще хватит сил, чтобы это сделать...» Лишь одно для меня было ясно — никогда снова он не будет счастлив со мной.

— Генри, — обратилась я к нему как-то вечером, сидя с ним у камина и прилагая заметные усилия, чтобы он не услышал, как дрожит мой голос, — что ты ответишь, если я скажу тебе... что больше не люблю тебя?

Он взглянул в мои глаза по-доброму, но серьезно и ответил:

— Я в это не поверю.

Шло время, а он и слова не говорил о жестокой правде. Я не могла понять его. Наверное, он жалел меня и намеревался сказать это, рано или поздно. Он был спокойным, тихим и ласковым, но я видела, сколь бледным он стал и как опустились уголки его губ, сколь мрачны были его глаза, преисполненные отчаяния. Когда человеком овладевает такая страсть, он становится беспомощным перед ней, и я не могла его за это корить. Должно быть, он тоже ужасно мучился. Но всегда молчал об этом.

И все же за эти дни, когда мое сердце буквально разрывалось на части, случилось еще кое-что, заставившее меня буквально рвать на себе волосы. Словно сама судьба решила сыграть надо мною злую шутку. И причиной тому был Джеральд Грей. Молодой английский аристократ, который не так давно проездом прибыл в наш город. Ему было под тридцать, одет с иголочки, весь обходительный и вежливый до кончиков ногтей. Единственным его занятием в жизни бы-

до соблазнение особ женского пола. И разумеется, многие девушки из нашего города в него тут же влюбились по уши. Что же заставило его проявить ко мне такое внимание — для меня полная загадка. С настойчивой любезностью продолжал он мне звонить даже тогда, когда я отвергла его ухаживания. И так происходило каждый день, когда я вставала утром с постели, ожидая услышать от Генри, что между нами все кончено!

Но я все ждала, а Генри все молчал. Он отказывался от возможности увидеться с Клэр ван Дален, хотя она изо всех сил старалась увидеть его. Дом был просто переполнен конвертами с приглашениями. Она уже отсылала ему их лично, но он оставался неумолим.

И вот настал день, когда я все поняла. И тот день определил мою судьбу. Тем вечером я пошла на вечеринку одна. Генри, как обычно, остался дома, у него накопилась много работы. Я не могла отказаться от приглашения, хоть это и было для меня сущей пыткой, поскольку это бы сильно обидело хозяйку. Я с огромным нетерпением ждала того момента, когда же наконец мне представится возможность уйти.

Впоследствии я никогда не жалела о том, что в этот день отправилась туда. Проходя мимо задернутых штор у окна, я услышала, что где-то на другой стороне разговаривали две женщины — мисс Хьюз и мисс Бронган. Они говорили о Генри и Клэр и обо мне.

— Она ведь за него отдала все свое состояние, — сказала мисс Хьюз. — Она сполна за него заплатила, и теперь он просто не может ее оставить.

— Мне тоже так кажется, — отвечала мисс Бронган, — что она купила себе мужа. Возможно, он сейчас еще более несчастен, чем голодная до смерти собака. Только вот он этого ни за что не покажет.

Я в оцепенении закусила край платка. Теперь-то я знала...

Домой я шла одна, пешком... Я купила моего мужа!.. Я его купила!.. Значит, вот в чем было все дело... Он не мог меня бросить. И никогда бы не рассказал. Он бы прошел через все круги ада и все равно бы молчал. Он не может быть счастлив со мной, и у него нет будущего... из-за моих денег!.. Что же, если он не станет говорить об этом, значит, это сделаю за него я!

Вероятно, я бы не поступила так, как тогда, если бы все дело не было в деньгах. Наверное, я продолжила бы бороться за него и даже отвоевала бы. Но теперь я просто не могла так поступить, у меня не было такого права. Если бы он когда-то снова вернулся ко мне, как бы я могла быть уверена, что он сделал это из-за любви ко мне, а не в благодарность за мое «самопожертвование», готовый водрузить себя самого на жертвенный алтарь? Откуда мне быть уверенной в том, что он не решит похоронить свое будущее только для того, чтобы возместить мои убытки?

Я должна отдать его без боя прямо сейчас — добровольно. Я должна отдать его, потому что он был обязан мне стольким. У меня более не было на него права, потому что я сделала для него слишком много...

Надо действовать. Но как? Предложить ему развод? Он откажется. Сказать ему, что я его не люблю? Он не поверит.

Я сняла шляпку и почувствовала, как маленькие капли дождя падают мне на лоб и стекают вниз, а освежающий ветер дует в лицо.

Когда я подошла к дому, то увидела, что в окошке рабочего кабинета Генри горит свет. Я бесшумно переступила через порог, чтобы не потревожить его. И когда я уже проходила мимо двери в его комнату, то услышала звук, который заставил мое сердце вздрогнуть и остановиться как вкопанное. Я подошла к двери и заглянула в небольшую щель, не веря своим ушам. Он сидел за столом, и его голова покоилась на руках, при-

крывавших чертежи, он всхлипывал. Я видела его дрожащую от тихих рыданий спину и невольно отошла на шаг назад, устремив бессмысленный взгляд в пустоту... Генри плакал!..

«Возможно, он сейчас еще более несчастен, чем голодная до смерти собака. Только вот он этого ни за что не покажет».

Я знала, что мне нужно сделать. Он не поверит в то, что я его не люблю? Значит, я должна заставить его сделать это!..

Я поднялась в свою комнату, вне себя от злости, отчаяния и ужаса. Утром спустилась вниз тихая и спокойная. Но ни с одним живым существом на свете я не стану говорить о том, что со мной происходило этой ночью.

— В чем дело, Ирэн? — спросил Генри, внимательно посмотрев мне в лицо.

— Да ни в чем, — ответила я, — просто плохой сон, все уже позади.

Меня заботила тогда лишь одна мысль: я должна найти способ, удобный случай доказать Генри свою неверность, чтобы у него уже не оставалось сомнений. И я нашла способ, в тот же день.

Я вернулась домой с вечеринки и, уже заходя в гостиную, услышала чей-то голос в рабочем кабинете Генри. Я узнала этот голос, он принадлежал Клэр ван Дален. Но я не удивилась. Я спокойно подошла к двери в его кабинет и прислушалась, глядя внутрь сквозь замочную скважину. Она была там. Я видела ее ярко-зеленую шелковую шаль, накинутую поверх рыжеватокоричневого дамского костюма. Как обычно, она была идеально красива.

Я услышала голос Генри:

— И я снова вынужден просить вас покинуть мой дом, мисс ван Дален. Я не хочу вас видеть, неужели это не ясно?

— Нет не ясно, мистер Стеффорд, — отвечала она, глядя на него из-под полуприкрытых ресницами глаз, и продолжила медленно: — Вы трус.

Он сделал шаг в ее сторону и попал в поле моего зрения. Его лицо было явно бледным, я могла видеть это даже с такого расстояния, как и его дрожащие губы.

— Уходите, — почти что задыхаясь, прошептал он.

И тут она широко раскрыла свои глаза, взглянув на него со всей пылкой нежностью и властью, что он пыталась скрывать.

— Генри... — сказала она, и голос ее был столь же бархатен, как ее кожа.

— Мисс ван Дален, — пробормотал он, отступая назад.

— Ты не можешь подавить это чувство... Я люблю тебя, Генри... Я хочу тебя! — Она снова приблизилась к нему.

Он потерял дар речи. Она же продолжила с надменной, слегка заносчивой улыбкой:

— Ты же любишь меня и знаешь об этом, как и я. Разве ты посмеешь отрицать?

В его глазах пылало такое мучение, что я просто не могла заставить себя смотреть на это, и он сам, будто что-то почувствовав, прикрыл их рукой.

— Зачем ты пришла сюда! — простонал он.

— Потому что я хочу тебя! — отвечала она с улыбкой. — Потому что я люблю тебя, Генри, люблю!

Она медленно положила руки ему на плечи и прошептала:

— Скажи же, ты любишь меня, Генри?

Он наконец отнял ладони от лица.

— Да! Да, я люблю тебя! — воскликнул он. И с неистовой страстью обнял ее, и жадно прильнул к ее губам.

Меня это не шокировало, в этом не было для меня ничего нового. Просто видеть, как он целует ее, было невыносимо, и потому я закрыла глаза. Вот и все.

— Я так долго этого ждала, — сказала она, обнимая его чуть более страстно, чем хотела.

Но он вдруг решительно отодвинулся от нее и мрачно молвил:

— Ты больше никогда не увидишь меня.

— Я увижу тебя вечером, — ответила она. — Буду ждать тебя в «Эксельсиоре».

— Я не приду!

— Придешь!

— Никогда! Ни за что!

— Я прошу тебя об одолжении, Генри... До девяти! — сказала она свое последнее слово и вышла из его кабинета.

У меня как раз хватило времени на то, чтобы спрятаться за шторой.

Когда я снова заглянула в комнату, он сидел на стуле, обхватив руками голову. Все его отчаяние было видно по тому, как сильно побелели кончики его пальцев.

Вот мой удобный случай. И теперь надо действовать.

Я пошла к себе в комнату, сняла шляпку и пальто. И уже собралась спуститься вниз, к Генри, как вдруг остановилась.

— Ты хоть осознаешь, — пробормотала я едва слышно, — кого и что ты собираешься добровольно проиграть? — И я сделала глубокий вдох.

На моем столе стояла фотография Генри, лучшая из всех, что когда-либо у нас была. На ней было написано: «Моей Ирэн — от Генри — навсегда». Я подошла поближе и рухнула на колени, шепотом моля: «Генри... Генри...» Я больше ничего не могла вымолвить. Я просила о том, чтобы он дал мне сил сделать то, что я задумала.

Затем я поднялась и пошла вниз.

— Генри, — сказала я, входя в комнату, — я получила письмо от мисс Коуан. Она заболела, и я съезжу навестить ее.

Мисс Коуан была нашей давней знакомой и жила в другом городе, в четырех часах езды отсюда. Я навещала ее крайне редко.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты уезжала, — ответил Генри, нежно прикладывая ладонь к моему лбу, — ты выглядишь бледной и усталой, лучше бы ты отдохнула.

— Да я в полном порядке, — ответила я. — Вернусь завтра утром.

У меня в комнате был телефон, и Генри не слышал, как я по нему говорила. В семь я позвонила Джеральду Грею.

— Мистер Грей, — сказала я, — как насчет того, чтобы встретиться в половине девятого в «Эксельсиоре»?

— Ч-что! Ох, мисс Стеффорд!.. — пробормотал он в трубку, и я почувствовала, как он теряет привычное для него самообладание и лоск перед неожиданным приглашением. Я повесила трубку.

Мой план был прост. Генри придет в «Эксельсиор», чтобы встретиться с Клэр ван Дален, и натолкнется на меня с Джеральдом Греем под руку. Я сказала ему, что меня не будет всю ночь, вот и все.

Я собиралась медленно и была крайне внимательна к вечернему туалету, целиком отдавшись самому процессу. Я надела свое лучшее платье, серебристое из газа, переливающееся и мерцающее горным хрусталем. Я накрасилась так, чтобы выглядеть необычайно привлекательно, — пришлось использовать немало румян для такого дела.

И вдруг шальная мысль ворвалась ко мне в голову, заставив буквально подскочить на месте: а что, если Генри не придет в «Эксельсиор»? Он так решительно кричал ей в ответ «Никогда!»... Что же будет, если у него хватит сил противостоять чарам Клэр?

Хрупкая пудреница выскользнула у меня из руки и упала на пол, разбившись вдребезги.

Если он не придет, тогда это значит, что он больше не любит ее так сильно! И тогда я прибегу домой, упаду ему в ноги и все ему расскажу! Я не плакала весь день, и теперь слезы катились по моим щекам... надо же, какие крупные капли. Когда теряешь надежду, а потом она к тебе возвращается — это еще более жесткая пытка. Я была спокойна, когда начала собираться. Теперь же мои руки дрожали так, что я едва могла прикоснуться к чему-либо.

Когда я наконец была готова, я надела свое походное пальто, которое полностью скрывало выходное платье. Затем пошла вниз.

— Береги себя, Ирэн, — сказал мне Генри на прощанье, аккуратно застегивая мне пальто у воротника. — Не усердствуй слишком, не трать на это все свои силы.

— Не буду, Генри, не буду. До свидания, Генри. — Я поцеловала его. Наверное, в последний раз...

Я пешком шла по темным улицам. Ночь была холодная, и ветер задувал под пальто, руки и плечи немного мерзли. Я чувствовала, как серебристое платье скользит по ногам, и шла уверенно и ровно, гордо подняв голову.

«Эксельсиор» — большой ночной клуб нашего города. Плохой репутацией он не славился, но по какой-то причине женщины приходили сюда либо с мужьями, либо не приходили вообще. Я взглянула на огромную, подсвеченную электрическими лампочками вывеску с названием заведения, такую яркую, что на нее было больно смотреть. Я прошла через стеклянную дверь и поднялась наверх, не слыша своих собственных шагов из-за мягких ковров, устилающих пол. Резкие, грохочущие звуки, которые издавали инструменты какой-то джазовой группы, оглушили меня, едва я вошла в главный зал. Повсюду светили белые круглые лампы, стояли белые столы, мельтешили черные костюмы и чьи-то обнаженные плечи. В стаканах искрились и пе-

нились напитки, девушки щеголяли в шелковых чулках и мерцали дорогими брильянтами.

Мистер Грей меня ожидал. Он выглядел как один из парней на картинках из престижных журналов о мужской моде. Будучи истинным джентльменом, он не выказывал ни единого признака того, чтобы его что-то в этом месте удивляло. Он вежливо и с почтением улыбнулся мне, ведь настоящему мужчине это дозволено. Я выбрала столик за занавесом, откуда можно было наблюдать за входной дверью. Затем я села и стала смотреть в том направлении, отметив про себя то, что вся комната будто подернута туманной пеленой, в которой все предметы и люди теряют четкое очертание. И в то же самое время я видела дверной проем четко, как будто через увеличительное стекло, до самых мельчайших деталей.

Я помнила, что мистер Грей о чем-то разговаривал, как и я. Он улыбался, и я тоже, наверное, улыбалась в ответ... Над входной дверью висели часы и показывали восемь тридцать, когда я зашла сюда. Стрелки на циферблате понемногу двигались, а я наблюдала за ними. И если бы кто осмелился тогда заглянуть в мою душу, то не увидел бы там ничего, кроме большого белого циферблата со стрелками. Ничего более.

Ровно в девять, в ту самую секунду, когда большая стрелка замерла на цифре двенадцать, большая стеклянная дверь открылась. Я знала, что так оно и будет, но, все же это оказался не Генри, а Клэр ван Дален.

Она была одна. На ней было черное вельветовое платье без всяких вычурностей, просто кусок мягкой материи, в который она была элегантно обернута, но на ее голову была водружена самая роскошная брильянтовая диадема, какую только можно было себе вообразить.

Она остановилась у двери, внимательно, но быстро оглядела всех присутствующих и вскоре поняла,

что его тут нет. На ее губах неуловимо мелькнули злость и грусть одновременно. Она медленно прошла через весь зал и села за одним из столиков. Я могла наблюдать за ней со своего места через прорезь в занавесе.

Девять пятнадцать... Дверь открывалась каждые две минуты, мужчины в смокингах и женщины в шелковых платьях и мехах входили и бесшумно смешивались с такой же великолепно выглядящей толпой других людей. Я наблюдала за тем, как через проем по мягкому лиловому ковру проходит бесконечный поток модных кожаных туфель и серебристых туфелек. Ну почему, почему в этом заведении так много посетителей! Каждый раз, когда дверь с отвратительным скрипом отворялась, по моей спине и коленям пробегал ужасающий холодок.

Я ни на секунду не отрывала глаз от двери.

— Осторожнее, миссис Стеффорд! — будто во сне услышала я голос мистера Грея.

Я заметила, что держу в руках стакан с водой, которая уже лилась мне на платье. Я взяла маленький кусочек льда из стакана и проглотила его. Мистер Грей изумленно посмотрел на меня.

Девять двадцать пять... Мои колени уже сводила судорога. Мне казалось, что я больше никогда не смогу ходить. Я посмотрела на Клэр через прорезь в занавесе. Она тоже ждала, не сводя глаз с двери. Нервно крошила стебелек какого-то цветка в руках.

Девять тридцать... Я уже не могла понять, играет ли джазовая группа до сих пор, или же этот шум просто возникает в моих висках сам по себе... Я ухватила себя рукой за горло — в зале почти нечем было дышать, и этот странный тяжелый гул душил меня.

В девять сорок пять он пришел. Дверь открылась, и я увидела Генри. На секунду мне почудилось, что он стоит в воздухе — вокруг я не видела ничего. Затем я

увидела дверь, но не увидела его, хоть он там и стоял — лишь черную дыру вместо этого. Затем я снова могла его видеть, и он сдвинулся с места. А вокруг была тишина, я не слышала ни единого звука.

Затем я откинула голову назад и воскликнула:

— Давайте же веселиться, мистер Грей!

Я обвила его шею руками и уткнулась лицом ему в плечо, судорожно сжав зубами ворот его пиджака. Одну вещь я знала наверняка: я не должна кричать.

Мистер Грей был поражен, он сидел спиной к двери и не видел, как вошел Генри. Но вскоре идеально вежливое самообладание вернулось к нему, он остался спокоен и даже осторожно провел рукой по моим волосам.

Я подняла голову, и он уже ничего не мог прочесть на моем лице. Меня выдавали жуткие глаза, он смотрел в них, и ему становилось неловко. Я бешеным взором окинула все стаканы на столе и громко потребовала:

— Где же вино, мистер Грей? Не вижу! Я хочу вина!

Решив не сопротивляться, мистер Грей подозвал официанта, шепнул ему пару фраз, на что тот в ответ ему подмигнул.

Я снова кинула взгляд сквозь прорезь в занавесе. Генри подошел к Клэр. Она вскочила с сиденья и улыбнулась, наверное, куда более счастливо и облегченно, чем хотела бы. Должно быть, она очень переживала, потому что ни словом не обмолвилась о его задержке. Эта задержка для меня говорила о многом: он боролся, отчаянно боролся и проиграл... Он сел с ней за столик. Я видела, как сияли его глаза, в радости, которую никто бы не смог отнять, какая искренняя улыбка озаряла его губы... Он был так прекрасен.

Официант принес две бутылки вина. Мистер Грей хотел разлить его по бокалам, но свой я наполнила сама, да так, что вино выплеснулось мне на платье. За-

тем я подняла бокал высоко над головой и уронила его, наслаждаясь резким, звенящим звуком, с которым он разбился. Я разразилась громким, пронзительным, вызывающим смехом.

Мистер Грей был просто шокирован.

— Смейтесь! — шепнула я ему угрожающим тоном. — Я хочу, чтобы вы смеялись! Смейтесь громко!

Он засмеялся. Я кинула взгляд в прорезь, откуда множество людей за столиками смотрело на нас, пытаясь понять, кто там так беспардонно шумит. Этого я и ждала.

Я ладонями растрепала волосы, так что заколки полетели во все стороны. Затем схватила бутылку вина и с ужасающим дребезгом разбила ее о пол. Затем снова рассмеялась и вскрикнула:

— О, Джерри!

Опрокинула свой стул и прыгнула к мистеру Грею на колени, обнимая его и прижимаясь лицом к его лицу так, будто хотела поцеловать. Он не мог заметить, что в тот же момент я с силой толкнула ногой занавес, и тот все же рухнул, открывая всем присутствующим меня, сидящую на коленях «Джерри».

Многие привстали со своих мест, чтобы как следует разглядеть происходящее, и когда я сама встала, стараясь казаться раздосадованной и пристыженной, то оказалась лицом к лицу с Генри.

Я никогда не забуду его глаза... Они были безмолвны...

— Ирэн... Ирэн... — невнятно повторял он.

В первые несколько мгновений я притворялась напуганной, не ожидавшей такого поворота событий. Но затем дерзко вздернула подбородок и нахально кинула ему:

— Ну что?

Он сделал шаг назад. Вздрогнул, прикрыл глаза ладонью и наконец сказал:

— Не буду тебя тревожить.

Он развернулся и пошел к мисс ван Дален.

— Давай пойдем в другое место... Клэр, — сказал он ей, и они вместе ушли.

Я провожала их взглядом до тех пор, пока они не вышли за дверь. Вот и все.

Теперь мной правило бесконечное спокойствие. Я повернулась к мистеру Грею, который к тому моменту уже закрепил занавес на место.

— Не печальтесь, миссис Стефффорд, — сказал он. — Мне кажется, это к лучшему.

— Да, мистер Грей, к лучшему, — ответила я.

Мы вернулись за стол и закончили наш ужин в тишине и спокойствии. Сознание мое прояснилось, и я разговаривала с ним, улыбалась ему и флиртowała по-настоящему изящно и без тени иронии. Он был очарован и вскоре предпочел забыть о той сцене, что я устроила. В половине одиннадцатого я попросила его проводить меня до дому. Он был без сомнений расстроен, что наша встреча окончилась так скоро, но ничего не сказал и с достоинством подвез меня на своем автомобиле до двери.

— Скоро ли мы встретимся снова? — спросил он, взяв меня за руку.

— Скоро, очень скоро... и будем видеться часто, — ответила я, и он уехал абсолютно счастливым.

Я вошла в квартиру и замерла, простояв так некоторое время... не могу даже вспомнить, как именно долго. Дело было сделано...

Я вошла в кабинет Генри, увидела валяющиеся на полу бумаги, подняла их и положила обратно на стол. Стул был отодвинут на середину комнаты, и я придвинула его обратно. Разложила по местам подушки на его диване, сложила в одну стопку все его графики и чертежи, разбросанные на столе. Его линейки, циркули и другие принадлежности были разбросаны по всей

комнате. Их тоже сложила ему на стол. Развела огонь в камине... В последний раз я могла сделать для него что-то из того, что делает жена для мужа...

Когда все вещи в конечном счете были разложены по своим местам, я подошла к камину и села возле него на пол. Кресло, в котором обычно сидел Генри, стояло неподалеку, и там же лежала подушка, на которую он обычно клал ноги. Я не осмелилась сесть в кресло, а просто легла на пол и положила голову на подушку. Поленья потрескивали в камине, освещая пол в темноте мягким красноватым цветом, и слегка потрескивая в ночной тишине. Я лежала неподвижно, прижавшись губами к подушке...

Я мигом вскочила, когда услышала, как ключ поворачивается в замочной скважине входной двери. Я вышла в гостиную и встретила Генри, который был невообразимо бледен. Он даже не посмотрел в мою сторону, снял свою шляпу и пальто и повесил их на вешалку. Затем направился в свой кабинет и, поравнявшись со мной, кинул на меня многозначительный взгляд. Он вошел в комнату первым, я за ним.

Некоторое время мы молчали. Затем он заговорил, сурово и холодно:

— Ты мне что-нибудь собираешься объяснить?

— Мне нечего объяснять, Генри, — ответила я, — ты сам видел.

— Да, видел, — сказал он.

Он прошелся по комнате туда и обратно, затем остановился. Улыбнулся с отвращением и ненавистью.

— О, это было потрясающе! — вскричал он, но я не отреагировала. Он был вне себя от ярости. — Ты... ты... — кричал он, ударяя ладонью о ладонь, — как ты могла? — Но я по-прежнему молчала. — И я четыре года называл своей женой такую, как ты? — Он сжал свою голову руками. — Ты меня с ума сводишь! Это же

просто бессмыслица! Не может быть, чтобы это была ты! Ты не такая! Не можешь быть такой!

Я ничего не ответила. Он схватил меня за руки и поднял на ноги:

— Говори, черт тебя дери! Отвечай! Зачем ты так поступила?

Я смотрела на него, смотрела ему прямо в глаза и лгала. Это была самая отвратительная ложь на свете и единственная, которую он мог понять и в которую мог поверить:

— Я скрыла это от тебя потому, что не хотела сделать тебя несчастным. Я долго сопротивлялась этому чувству, но больше у меня уже нет сил, — сказала я.

И он понял. Отпустил мои руки и отошел от меня. Затем рассмеялся:

— Что ж, тогда я могу осчастливить тебя! — воскликнул он. — Я тебя совсем не люблю, и я вовсе не несчастен! Я люблю другую! И с ней я счастлив!

— Ты счастлив, Генри?

— Да, не описать как! Вижу, ты расстроилась?

— Нет, Генри, не расстроилась. Все хорошо.

— Все хорошо?.. Чего ты тут разлеглась на полу? Поднимайся! Все хорошо? У тебя хватает наглости такое говорить?

Он блуждал взад-вперед по комнате.

— Не смотри на меня! — крикнул он. — У тебя больше нет права даже смотреть на меня! Я запрещаю тебе!

— Не буду, Генри, — ответила я и опустила голову.

— Нет, будешь! Будешь смотреть на себя! — снова вскрикнул он и схватил меня за руку, потащил к зеркалу. — Посмотри на свое платье! — кричал он. На нем красовалось большое темное пятно от пролитого вина. — Ты любила его, ты с ним встречалась, да бог с этим! Но вино! Поцелуй! Такое поведение на людях!

Мой план шел как по маслу. Я ничего не ответила.

Некоторое время он также молчал, а затем сказал более спокойно и холодно:

— Ты же понимаешь, что теперь между нами все кончено. Хотел бы я забыть и то, что это вообще было... И я хочу, чтобы ты забыла, что я был твоим мужем. Я хочу, чтобы ты отдала мне все, что у тебя есть от меня, что может напоминать тебе обо мне.

— Хорошо, Генри, я могу сделать это прямо сейчас, — ответила я.

Я удалилась в свою комнату и забрала оттуда все его фотографии, подарки, письма, все, что у меня было от него. И он выкинул все это в огонь камина.

— Можно... можно я оставлю у себя вот эту, Генри? — спросила я, протягивая ему лучшую его в фотографию с подписью. У меня дрожали пальцы. Он взял ее, посмотрел и кинул мне обратно с пренебрежением. Она упала на пол, и мне пришлось ее поднять.

— Я прослежу за тем, чтобы мы развелись как можно скорее, — сказал он и сел в кресло. — А теперь оставь меня.

Я пошла к двери, но у выхода остановилась, посмотрела на него и сказала очень спокойным и уверенным голосом:

— Прости меня, Генри... если можешь... и забудь меня... Не мучай себя тяжелыми мыслями, думай о Клэр и будь счастлив... и не думай обо мне... это того не стоит.

Он взглянул на меня в ответ.

— Я помню, ты уже вела себя так... раньше, — медленно сказал он.

— Да, было дело... но все уже в прошлом... Все меняется, Генри... Всему есть конец. Но жизнь прекрасна... великолепа... И ты должен быть счастлив, Генри.

— Ирэн, — сказал он низким голосом, — скажи мне, почему ты так изменилась?

Я все это смогла преодолеть, оставшись невозмутимой. Но это простое предложение, мое имя в его устах.

сказанное таким низким голосом — все пробудило внутри меня какое-то странное чувство. Но лишь на мгновенье.

— Я не могла устоять, Генри, — ответила я.

После этого я сразу поднялась к себе в комнату. Я прокусила губу, когда вошла, сразу ощутив тяжелый вкус крови во рту.

— Это ерунда, — бормотала я, — ерунда, Ирэн... Такая ерунда.

Я ощутила странную необходимость выговориться, сказать что-нибудь, утопить со своими словами то, у чего не было названия, хоть оно и поджидало меня здесь.

— Это ерунда... ерунда... Все пройдет... все пройдет... потерпи лишь минуту, Ирэн, все пройдет... через минуту.

Я знала, что не ослепла, но все же я ничего не видела, ничего не слышала... Когда слух вернулся ко мне, я поняла, что бездумно повторяю:

— Лишь минуту.. лишь минуту...

Фотография Генри, которую я держала в руках, упала на пол. Я взглянула на нее, и вдруг передо мной явилась вся картина того, что произошло и что произойдет. Это длилось лишь секунду, как вспышка света при ударе молнии, но мне будто спазмом свело горло, как от каленых щипцов. И я закричала. Я зарыдала, и это даже не было похоже на звук, который способен издать человек... Дикий вой раненого животного, первобытный, свирепый крик, который взывал к жизни о помощи...

Я услышала, как по лестнице кто-то бежит.

— Что случилось? — вскрикнул Генри, уже стучась в мою дверь.

— Ничего, — ответила я. — Просто увидела мышь.

И он пошел обратно вниз.

Я хотел двинуться, сделать несколько шагов. Но мир кружился в безумной пляске под моими ногами.

куда-то проваливаясь и падая. И черный густой дым заполнял комнату, которая вращалась вокруг какой-то оси с ужасающей скоростью. Я рухнула вниз...

Когда я снова открыла глаза, поняла, что лежу на полу. В комнате было темно и холодно. Окно раскрыто, и занавески слегка шевелились от ветра.

— Я была без сознания, — сказала я самой себе.

Я попыталась встать, но мне показалось, что колени у меня сломаны, и я медленно осела обратно на пол. Затем я увидела фотографию, лежавшую рядом со мной, и дрожь пробежала по всему телу.

Я взяла ее и положила на кресло, прошептав теперь уже наверняка человеческим, слегка дрожащим голосом:

— Генри... Генри... Мой Генри... Ведь это все неправда, так? Это кошмар, и скоро мы проснемся... И я не стану плакать. Не смотри мне в глаза, Генри, я не плачу... все пройдет... через минуту. Потому что, знаешь, мне было тяжело... даже очень тяжело... Но это ерунда... Ведь ты со мной, да, Генри?.. И ты знаешь все... все на свете... Глупо, что я так переживаю, да, Генри? Скажи, что это так... Улыбнись, Генри, посмейся надо мной... и отругай меня за то, что я так себя терзаю, когда ничего не случилось... ведь ничего совсем... Ничего не случилось... а тебе все известно... Видишь, я улыбаюсь... И ты любишь меня... Ты мой Генри... Я немного устала, пойми, но я немного отдохну... и все закончится... Нет, я не плачу, Генри... Я люблю тебя... Генри...

Слезы тихо текли рекой по моим щекам, крупными каплями. Я не плакала, не всхлипывала, не издала ни звука. Я говорила и улыбалась. Только слезы беспрестанно текли и текли, беззвучно, бесконечно...

Я мало что могу вспомнить о следующих месяцах своей жизни. Мы подали заявление на развод, мотивировав поступок неверностью жены. Ожидая, когда все

бумаги будут улажены, я пока еще жила в доме Генри, но мы с ним виделись нечасто. Когда мы встречались, то учтиво приветствовали друг друга.

Мне как-то удавалось жить дальше. Я помню, что читала книги, много книг. Но сейчас уже не могу вспомнить ни слова из них, даже названий или обложек не осталось в памяти, ни одной. Я много гуляла по пустынным улочкам, на которых стояли дома соседей победней, где за мной никто не мог наблюдать. Кажется, тогда я вела себя спокойно. Кажется, я лишь раз услышала, как какой-то мальчик показал на меня пальцем и выкрикнул что-то вроде:

— А вот она, эта бестолковщина!

Я часто встречалась с Джеральдом Греем, настолько часто, насколько могла, и мне приходилось флиртовать с ним. Сейчас уже я не помню и наших с ним встреч тоже. Но, должно быть, из меня вышла неплохая актриса, потому что как-то раз в том глубоком тумане, что вечно окутывали мое сознание, до меня донесли его слова:

— Вы самая дьявольски завораживающая, самая утонченная из всех дам, миссис Стеффорд, а ваш муж просто глупец... чему я бесконечно рад.

Не имею ни малейшего представления, как мне удалось добиться такой реакции. Должно быть, я вела себя с аккуратностью и одновременно бессознательностью безумца.

Но кое-что я помню хорошо, например, как наблюдала за Генри. Он проводил все время с Клэр. Теперь его глаза сияли, а улыбка искренне сверкала по любому поводу. Кто, кроме меня, знавшей так хорошо каждую черточку его лица, мог понять, насколько он счастлив? Казалось, будто он пробудился от ужасного кошмара после прошедших месяцев, и в него вновь вдохнули жизнь, помогли понять, как он молод, силен, прекрасен, до ужаса прекрасен.

За Клэр я тоже наблюдала. Она любила Генри. Это для нее не было просто игрой или победой, которая бы могла польстить ее самолюбию. Это была глубокая, всепроникающая страсть, вероятно, первая в ее жизни. Она не была из числа соблазнительниц, такая умная, благородная, великолепно воспитанная женщина. Столь же мудрая, сколь и красивая... Он будет счастлив с ней.

Как-то я видела их вместе. Он гуляли по улице, разговаривали и улыбались. На ней был элегантный белый костюм. Они выглядели идеально счастливыми.

Город негодовал из-за нашего с ним развода, и в первую очередь, конечно, все возмущение было направлено на меня. Меня больше не ждали ни в одном доме. Многие люди перестали приветствовать меня на улицах. Я стала замечать презрительные, насмешливые улыбки в свой адрес, отвратительные ухмылки на лицах тех из них, которые считались моими друзьями. Однажды я повстречалась с мисс Брган. Она остановилась подле меня и выложила все начистоту, поскольку всегда этим славилась:

— Ты, вульгарная девчонка! Неужели ты думаешь, что никто не понимает, что ты просто продалась Грею за деньги?

А Пэтси Тиллинс как-то подошла ко мне на улице и сказала:

— Ты заключила невыгодную сделку, дорогуша: на твоём месте, я бы ни на кого и ни за что на свете не променяла Генри Стеффорда!

Настал тот день, когда мы развелись... Я снова стала Ирэн Уилмер, разведенная с мужем по причине своей неверности. Вот и все.

Когда Генри заговорил со мной о той сумме, которая могла бы мне понадобиться, я отказалась что-либо брать и цинично сказала:

— У мистера Грея денег куда больше, чем у тебя!

Джеральд Грей должен был отправиться в Нью-Йорк уже на следующий день, а оттуда в морское путешествие по Европе. Я должна была поехать с ним.

В тот вечер мне позвонил мистер Барнс. Он отсутствовал в городе на протяжении последних месяцев, а по возвращении сразу обо всем узнал. Он тотчас же пришел ко мне.

— Так, Ирэн, — сказал он очень серьезно, но голос его, как назло, дрожал, — наверное, тут закралась какая-то серьезная ошибка. Почему бы тебе самой мне не рассказать, что случилось?

— А что тут такого, мистер Барнс? — спокойно ответила я. — Не думаю, что тут может какая-либо ошибка: я развелась, как раз сегодня.

— Но...но... это правда твоя вина? Это правда случилось из-за тебя?

— Ну, если тут речь может вообще идти о вине... Я люблю Джеральда Грея, вот и все.

Его лицо сперва покраснело, затем побелело. Прощла пара минут, прежде чем он снова заговорил.

— Ты... ты больше не любишь собственного мужа? — наконец пробормотал он.

— Это Генри Стеффорда? Он мне больше не муж... И нет, я его не люблю.

— Ирэн... — начал он спокойно, и в его голосе зазвучали нотки странной торжественной мощи, — Ирэн, это ложь. Я расскажу всем, что ты не могла так поступить.

— Ну, я же не святая.

Он отшатнулся назад и с каким-то сожалением потрянул седой головой.

— Ирэн, — снова обратился он ко мне, и его голос зазвучал так, будто он подавал прошение, — ты не могла обменять своего мужа на того заносчивого сноба!

— Но я это сделала.

— Ты, Ирэн, правда ты? Я в это не могу поверить!

— Ну и не надо. Кому какое дело?

Это было уже слишком. Он поднял голову.

— Тогда, — он стал говорить очень медленно, — мне больше нечего сказать тебе... Прощай, Ирэн.

— Пока-пока! — ответила я, надев маску из безразличия и надменности.

Я провожала его, глядя ему вслед сквозь толстое стекло окна. Его старческая фигура казалась издали еще более согнутой и грузной, чем обычно.

— Прощайте, мистер Барнс, — прошептала я. — Прощайте и простите.

В тот день, последний день, который я провела дома, я встала поздно. Когда дома наконец все стихло, я бесшумно спустилась вниз. Я подумала, что завтра уже не успею попрощаться с Генри, а потому лучше сделать это сейчас. Я осторожно приоткрыла дверь в спальню — он еще не встал. Я вошла, слегка отодвинула край занавески, чтобы разглядеть его. Я стояла у его кровати, той, что когда-то была и моей тоже. Я смотрела на него, на его лице застыло выражение спокойствия и безмятежности. Кончики его длинных темных ресниц неподвижно покоились на щеках. Его красивые губы казались вырезанными из мрамора, бледные в темноте. Я не осмелилась прикоснуться к нему, но медленно и осторожно положила руку на подушку рядом с ним.

Потом я наклонилась к кровати. Если бы я поцеловала его в губы, то он бы проснулся. Поэтому я просто бережно взяла его за руку и прикоснулась ею к своим губам.

— Генри, — прошептала я, — ты никогда не узнаешь. И не должен узнать. Будь счастлив, всегда... Я проживу эту жизнь с одной вещью, с тем правом, которое будет всегда принадлежать лишь мне — с правом сказать, что я любила тебя... и буду любить до самого конца.

Я снова прильнула губами к его руке, оставляя на ней последний, долгий поцелуй.

Затем я поднялась, прикрыла занавеску и вышла.

Весь следующий день, последний перед отбытием, был сер, хмур и холоден. Время от времени лил прохладный дождь, дул ветер, уносящий за собой в небо серые облака дыма.

Поезд отходил с перрона в десять пятнадцать вечера. Мистер Грей позвонил утром. Он весь сиял от счастья. Он хотел заехать за мной вечером и довезти до станции, но я отказалась и попросила ожидать меня там, сказав, что приду сама.

Было уже темно, но я сидела в своей комнате и так отчаянно ждала возвращения Генри, что сама себе удивлялась. Ведь я думала, что уже не могу ощущать таких сильных чувств. Его до сих пор не было, и он, должно быть, находился сейчас у Клэр, наслаждаясь первым днем своей свободы с ней. Я не могла просто попрощаться с ним, но я хотела в последний раз на него взглянуть, в последний раз перед тем, как навсегда пропасть из его жизни. Но его до сих пор не было... Я села у открытого окна и, хоть было холодно, стала смотреть на улицу. Крыши и тротуары блестели от влаги. Порой мимо в нервной спешке проходили люди, выглядевшие как одинокие, безнадежные тени в блестящих плащах.

На часах было девять тридцать. Генри так и не появился.

Я закрыла окно и взяла свою маленькую сумку. У меня было мало вещей, которые я решила с собой забрать. Немного белья и одно платье — свадебное, с вуалью, фотографию Генри. Вот и все мои вещи.

Когда я уже застегивала сумку, то услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ, а затем — шаги, его шаги. Он вернулся!

Я надела шляпку и пальто, взяла сумку. «Пройду через гостиную и слегка приоткрою дверь в его кабинет. Он этого не заметит, а я надолго не задержусь, всего лишь взгляну один раз», — подумала я.

Я спустилась вниз, вошла в гостиную и приоткрыла дверь к нему. Комната была пуста, его там не было. Я глубоко вздохнула и пошла к входной двери и уже взялась за ее ручку, как вдруг услышала его голос:

— Не хочешь попрощаться со мной, Ирэн? — Я развернулась и увидела Генри. Голос его был спокойным и грустным.

Для меня это оказалось столь неожиданным, что в первое мгновение я потеряла все свое самообладание.

— Да... да, конечно, — пробормотала я неразборчиво.

Мы прошли в его кабинет. В камине горел огонь. Он взглянул на меня своими ясными темными глазами, и в них читалась бескрайняя тоска.

— Мы ведь расстаемся, скорее всего, навсегда, Ирэн, — сказал он. — А мы столь много значили друг для друга.

Я кивнула. Если бы я открыла рот, меня бы выдал голос.

— Не могу тебя ни винить, ни судить, Ирэн, — продолжил он. — Должно быть, в тот вечер произошло сущее безумие, в этом клубе... которое ты и сама не до конца осознала. Не думаю, что той женщиной, которая находилась там, была ты.

— Наверное, и правда... это была не я, Генри, — не удержалась я от того, чтобы прошептать.

— Это была не ты. И я всегда буду думать о тебе, как о женщине, которую я любил, — он выдержал паузу. Я никогда не видела его столь тихим и беспомощным.

— Жизнь продолжается, и я женюсь на другой, а ты выйдешь замуж за кого-нибудь еще... И с нами все кончено. — Он взял мои руки в свои, и в его глазах

вдруг вспыхнул яркий огонек, когда он сказал: — Но мы были так счастливы с тобой, Ирэн!

— Да, Генри, были, — уверенно и спокойно подтвердила я.

— Ты любила меня тогда, Ирэн?

— Да, любила, Генри.

— То время прошло... Но я никогда не мог забыть тебя, Ирэн, и сейчас не могу. Я буду думать о тебе.

— Думай обо мне, Генри... иногда.

— Ты будешь счастлива, Ирэн, правда? Я хочу, чтобы ты была счастливой.

— Буду, Генри.

— И я тоже буду... Может, даже так же счастлив, как был с тобой... Но нам нельзя оглядываться. Нужно идти дальше. Будешь ли ты хоть немного думать обо мне, Ирэн?

— Буду, Генри.

В его глазах царила беспросветная тьма и бескрайняя печаль, я подняла голову и положила руки на его плечи. Я говорила медленно и торжественно, с тем величием, на которое теперь, пожалуй, имела полное право:

— Генри, ты должен быть счастлив, ты должен быть сильным и замечательным. Оставь удел страданий тем, кто не может от этого удержаться. Ты должен с улыбкой идти по жизни... И никогда не думать о тех, кто на это не способен. Они того не стоят.

— Да, ты права... Все закончилось хорошо. Это могло сломать жизнь одному из нас, но я рад, что так не случилось!

— Да, не случилось, Генри.

Мы молчали. А потом он сказал:

— Прощай, Ирэн... Мы больше не встретимся с тобой в этом мире.

— Жизнь не такая уж и долгая, Генри. — Я дрожала, когда говорила эти слова, но, к счастью, он этого не за-

метил. — Кто знает, может быть, мы и встретимся... когда нам пойдет шестой десяток.

Он улыбнулся:

— Да, возможно... и тогда мы лишь посмеемся над всем этим.

— Да, Генри, посмеемся...

Он наклонил голову и поцеловал мою руку.

— Иди же, — прошептал он и низким голосом добавил: — Ты была лучшим, что со мной случилось в жизни, Ирэн. — Он поднял голову и взглянул мне в глаза. — Разве ты не хочешь сказать мне что-нибудь... напоследок?

Я посмотрела ему прямо в глаза и вложила в ответ всю свою душу:

— Я любила тебя, Генри.

Он снова поцеловал мою руку. Его голос был очень слаб, когда он заговорил снова:

— Я буду счастлив. Но порой я жалею о том, что вообще повстречал ту женщину... Но ничего уже не поделаешь... Жизнь бывает тяжелой штукой, Ирэн.

— Да, Генри, — ответила я.

Он обнял и поцеловал меня. Его губы прильнули к моим, а мои руки обвили вокруг его шеи. Это происходило в последний раз, но этого никто у нас не мог отнять.

Он вышел со мной на улицу. Я остановила такси и села в машину. Я смотрела, как он стоял на пороге дома, и ветер трепал его волосы. Он казался словно высе-ченным из камня, неподвижным монолитом. Я видела его в последний раз.

Я закрыла глаза, а когда вновь открыла, то такси уже остановилось у станции. Я заплатила водителю, взяла свою сумку и пошла к перрону.

Джеральд Грей ждал меня там. На нем был великолепный походный костюм, на лице сияла ослепительная улыбка, а в руках он держал букет цветов, который торжественно вручил мне. Мы зашли в вагон.

В десять пятнадцать раздался сухой металлический треск, механизм пришел в действие, вагон вздрогнул и двинулся вперед. Колонны на станции проносились мимо окон все быстрее и быстрее, пока не остались совсем позади. Вскоре мы проехали и последние фонари, тускло горевшие на улицах, и дома с окнами, в которых все еще горел свет. Мы выехали из города... И колеса поезда отбивали быстрый и равномерный ритм.

Мы были единственными пассажирами в этой части вагона. Мистер Грей посмотрел на меня и улыбнулся. Затем снова улыбнулся, будто ожидая ответной улыбки. Но я сидела неподвижно.

— Мы наконец предоставлены самим себе, — прошептал он и попытался обнять меня. Я отодвинулась.

— Подождите, мистер Грей, — сказала я холодно, — у нас будет еще достаточно времени для этого.

— Что с вами такое, миссис Стеффорд... простите, мисс Уилмер? — пробормотал он. — Вы так побледнели!

— Ничего страшного, — ответила я, — просто немного устала.

Два часа мы сидели молча, не двигаясь. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был звук стучащих колес, доносившийся отовсюду.

После двух часов хода поезд наконец остановился на первой станции. Я взяла свою сумку и встала.

— Куда вы? — удивленно спросил мистер Грей.

Оставив его без ответа, я вышла из поезда и подошла к открытому окну вагона, из которого он с беспокойством смотрел на меня, и медленно сказала:

— Послушайте, мистер Грей, в Сан-Франциско меня ждет один миллионер. А вы были нужны мне всего лишь для того, чтобы я могла избавиться от своего мужа. Благодарю вас. Только никому и никогда не рассказывайте об этом, если не хотите, чтобы вас засмеяли.

Он был в шоке, преисполнен ярости и разочарования, неописуемого разочарования. Но, будучи истинным джентльменом, он и бровью не повел.

— Был рад вам услужить подобным образом, — любезно ответил он. Поезд уже двинулся, и мистер Грей приподнял шляпу в знак абсолютного почтения.

Я осталась одна на перроне. Небо затянуло бескрайней темной пеленой тяжелых туч. Неподалеку возвышалась старая изгородь, за ним росло иссохшее деревце, на котором еще держалось несколько мокрых листочков, пока не тронутых ветром... В маленьком окошке билетной кассы горел тусклый огонек.

У меня было мало денег, только те, что остались в дамской сумочке.

— Дайте билет, пожалуйста, — сказала я, отдавая все свои деньги, включая никели и пенни.

— До какой станции? — кратко спросил служащий.

— До.. до... Мне все равно, — ответила я.

Он посмотрел на меня и даже немного отпрянул.

— Может, все же скажете... — начал осторожно он.

— Дайте билет до конца маршрута, — решила я.

Он протянул мне билет и отдал некоторую часть моих денег обратно. Я отошла от кассы, а он все провожал меня странным взглядом.

«Сойду на какой-нибудь станции», — подумала я.

Поезд остановился у перрона, и я зашла в вагон. Я села у окна и больше уже не двигалась.

Я припоминала, что сперва за окном царила непроглядная темнота, которая сменилась светом, а затем снова вернулась. Должно быть, я ехала более суток. Наверное. Не знаю.

Было уже темно, когда я вспомнила, что мне надо сойти на какой-нибудь станции. Поезд остановился, и я сошла. Выйдя на перрон, я поняла, что на дворе была ночь. Я уже хотела вернуться в вагон, как поезд двинулся и исчез во тьме. А я осталась.

На деревянном перроне не было ни души. Я увидела лишь сонного служащего в маленьком окошке кассы, где горел тусклый свет, и собаку, спрятавшуюся под скамейку, чтобы не промокнуть под дождем. Где-то за пределами станции возвышались деревянные домики, вдоль которых пролегла узкая улочка. Рельсы слегка блестели, а вдали горел одинокий красный огонек.

Я посмотрела на часы — три утра. Села на скамейку и стала ждать рассвета.

Все было кончено... Я сделала то, что хотела... Жизнь закончилась.

Теперь я живу в том городке. Я сотрудник универмага и работаю там с девяти утра до семи вечера. У меня небольшая двухкомнатная квартира в маленьком старом доме, и отдельная лестница — никто никогда не замечает моего появления или ухода.

Хотя у меня даже и нет знакомых. Я работаю тщательно и аккуратно. Никогда ни с кем не разговариваю. Едва ли мои коллеги по работе помнят мое имя. Домовладелица видит меня раз в месяц, когда я вношу арендную плату.

Я никогда не думаю, когда занимаюсь работой. По возвращении домой — ем и ложусь спать. Вот и все.

Я никогда не плачу. Когда я смотрюсь в зеркало, то вижу бледное лицо с глазами, чуть крупнее необходимого. И в них отражается глубочайшее спокойствие и тишина, безмолвие, такое полное, какое только может быть в мире.

Я всегда одна в своей квартире. Фотография Генри стоит у меня на столе. У него бодрая улыбка, немного надменная, самодовольная, но очень веселая. И на фотографии есть надпись: Моей Ирэн — от Генри — навсегда. Когда я устаю, то встаю на колени перед столом и смотрю на него.

Люди говорят, что время лечит. Но это поговорка не про меня. Прошли годы. Я любила Генри Стеффорда. Я до сих пор его люблю. Он теперь счастлив, я подарила ему это счастье. Вот и все.

Наверное, они были правы, те, кто говорил, что я купила своего мужа. Я купила его жизнь. Купила его счастье. Заплатила всем, что имела. Я люблю его... Если бы мне было суждено прожить жизнь снова, я бы прожила ее так же...

Женщины, девушки — все, кто может это услышать, послушайте меня: не влюбляйтесь сломя голову. Всегда старайтесь найти себя в чем-то другом, помимо этого. Не погружайтесь в это чувство всей душой и тем, что есть в вас помимо нее... если, конечно, можете удержаться. Я не смогла.

Жить нужно до тех пор, пока в тебе что-то живо. Я живу дальше. Но знаю, что долго это уже не продлится. Я чувствую, что конец близок. Я не больна. Но я знаю, что силы мои увядают и что жизнь попросту тихо утекает из моего тела. Она выгорела. Ну вот и славно.

Мне не страшно и не жаль. Я осмелюсь попросить у жизни еще одного: позволь увидеть мне Генри вновь. Я хочу снова посмотреть на него перед самым концом, на того, кто был воплощением всей моей жизни. Всего лишь раз. Вот и все, чего я прошу.

Я не могу вернуться в свой город, потому что меня сразу же увидят и узнают. Я жду и надеюсь. И надежда моя безгранична. Осталось не так много времени. Когда я иду по улице, то вглядываюсь в лица всех окружающих меня людей, пытаюсь отыскать его лицо. Когда возвращаюсь домой, я говорю его изображению на фотокарточке:

— Не сегодня, Генри... Значит, наверное, мы встретимся завтра...

Увижу ли я его вновь? Я убеждаю себя в этом. Но знаю, что этого не случится...

И теперь я изложила на бумаге всю свою историю, у меня хватило на это мужества. Если он прочтет ее, то не будет несчастен. Но все поймет...

И затем, возможно, после того, как он прочтет... нет, он не увидит меня решит, а, напротив, осознает, что не должен этого делать... просто пройдет мимо меня по улице, делая вид, что не замечает, чтобы я могла взглянуть на него вновь, еще раз... в последний раз.

Около 1926 г.

НОЧНОЙ КОРОЛЬ

Предисловие издателя исправленного и дополненного английского издания книги The early Ayn Rand

Этот рассказ относится к самому раннему периоду творчества Айн Рэнд. Вероятнее всего, она написала его в 1926 г., когда жила в Hollywood Studio Club. В то время она все еще занималась изучением английского языка, и в особенности американского сленга, активно пытаясь использовать его в своих произведениях.

На рассказ «Ночной король» явно оказало большое влияние творчество обожаемого ею О. Генри (подробнее об этом см. вступление Леонарда Пейкоффа к рассказу «Эскорт»).

История публикуется в данном сборнике практически без изменений, с минимальной редактурой для того, чтобы донести до читателя идеи и стиль Айн Рэнд того периода, когда она еще совершенствовала свой язык и оттачивала писательское мастерство.

Ричард И. Рэлстон

Это было одно из наиболее удачных преступлений среди тех, что мне когда-либо удавалось проверить. Я бы даже назвал его идеальным, и таким оно, по сути, и было. Всякий раз, вспоминая о нем, я задумываюсь о том, почему бы мне не стать настоящим убийцей, вместо того чтобы быть просто безобидным налетчиком.

Некоторые люди столь бессердечны, что спешат лишь выразить свое презрение, когда узнают об этом громком происшествии. Но я не придаю ни малейшего значения словам тех, кто распинается о том, что поступил бы на моем месте по-другому, что вообще бы смог принять иное решение.

Я не какой-то там мелкий жулик, и моим мозгам многие в нашем деле могли бы только позавидовать. Два года своей бесценной жизни я потратил на то, чтобы обучиться этому ремеслу. Неважно, поверите вы или нет, но я два года читал все заповеди и зарабатывал себе на хлеб сущим лакейством. Те копы из Чикаго ни за что бы не узнали во мне знаменитого Стива Хокинса, проворачивающего грабежи посреди бела дня быстрее, чем какой-нибудь репортер мог настроичить стенограмму. Да чтобы я мог работать раньше простой прислугой? Но именно этим я и занимался долгие два

года. И всему причиной то, что я охотился за самой ценной вещицей в Нью-Йорке, а на пути у меня стоял самый опасный человек в городе.

Этой вещью был Ночной Король, а человеком — Уинтон Стоукс.

Уинтон Стоукс умел гаденько улыбаться, в кармане у него было шестнадцать миллионов долларов, а за душой — полное бесстрашие.

И как раз у него находился Ночной Король.

Он был одним из тех богатых бездельников, которые вечно искали приключений и которым их всегда было мало. Охота, полеты, экспедиции в джунгли, восхождение на горные вершины — к его тридцати четырем, казалось, он успел все и всюду, где только можно. И особенно ему нравилось шокировать людей, делая то, чего они от него не ожидали. У него была чертовская смекалка! И самый острый и необычный ум среди всех людей, что мне довелось повидать. Частенько я даже жалел, что он родился миллионером, поскольку иначе бы он стал превосходным налетчиком, настоящим асом своего дела.

Да, и о его улыбке... Я ее терпеть не мог! Так же как и почти все, что с ним было связано: его медленные мягкие движения, словно у него кости были из ваты, его загорелое тело, будто отлитое из бронзы; даже его серые глаза, которые выдавали в нем прирученного тигра, который в любой момент мог решить, что ему пора на волю. Но улыбка — хуже всего! Она всегда напознала на его лицо, когда он смотрел на других людей, обозначенная всего лишь двумя морщинками в уголках рта. Они будто говорили: вы, право, так потешны, но я слишком вежлив, чтобы над вами посмеяться.

Ночной Король — это черный брильянт, один из тех немногих драгоценных камней, которые в почете во всех уголках мира и обладателям которых этот самый мир всегда завидует. Безупречный камень, пользую-

щийся такой же славой, как какая-нибудь раскрученная кинозвезда, но единственный в своем роде.

Насколько дорог он был? Да на него можно было купить небольшой городок со всеми его жителями — все за цену одного небольшого камня цвета черного пламени. Уинтон Стоукс был невероятно горд тем, что раздобыл этот брильянт, и не променял бы его на все свои другие богатства, коих было совсем немало.

Попыток украсть бриллиант за все это время было больше, чем аварий на дорогах города. Все наши воротины пытались наложить на него свои лапы, но в скором времени бросили это гиблое дело. Никто не мог достать его, по крайней мере, пока его владельцем оставался Уинтон Стоукс.

Но я заявил, что для матерого Стива Хокинса нет ничего невозможного. И я твердо решил преуспеть в том, в чем все остальные потерпели крах. Они потешались надо мной, узнав, что я решил бросить свое дело и устроиться к Уинтону Стоуксу простым рабочим. За те два года, что я проработал у него дома в Нью-Йорке, я даже и приблизительно не смог определить, где спрятан Ночной Король, хоть и старался изо всех сил это выведать. Я был уверен, что никто, кроме самого Уинтона Стоукса, не знает, где находится брильянт. Но все же я исправно играл роль честного работяги, был настоящим примером для подражания и любезно заговаривал всем зубы. И как-то раз мне представился шанс, да какой!

Я хотел все обставить так неожиданно, чтобы у них глаза из орбит вылезли от удивления. И у меня это вышло, хоть и не совсем так, как я того ожидал. Вы сами попробуйте упомянуть о деле Ночного Короля в присутствии нью-йоркских копов и поглядите на их реакцию!

Все началось следующим образом: Уинтон Стоукс собирался съездить в Сан-Франциско. Он был помолвлен с какой-то очаровательной девчушкой, которая

там жила. Мне довелось увидеть ее фотографию на его рабочем столе. Юная блондиночка с белоснежной, искрящейся счастьем улыбкой и ножками — будто из рекламы чулок. Уинтон собирался жениться на ней в ее родном городе. Но знал я и кое-что еще, помимо меня известное лишь самому Стоуксу и его подружке.

Мне не составило труда выяснить это, однако я был ошеломлен сильнее, чем если бы обнаружил цветок орхидеи в мусорном баке. Можете быть уверены, я читал все его письма, до которых только мог добраться. Так же я поступил и с очередным письмом, которое он попросил меня скинуть в почтовый ящик. Я ни словца не помню из него, за исключением одного самого главного предложения, которое мигом вышибло из моего сознания все остальное:

«Моя дорогая, я везу с собой тот свадебный подарок, который хранил ранее как зеницу ока — до тех пор, пока не утонул в твоих глазах, прекраснее голубых алмазов — Ночного Короля, того самого, о котором ты меня как-то спрашивала».

Боже мой!

Прочтя эти строки, я первым делом сделал глубокий вдох. И уже потом — вдохновенно выругался и не удержался от хохота: подарить *такой* камень женщине, которая на него как две капли воды похожа? Каким глупцом надо быть!

Ну, вот он, мой шанс.

На следующий день котелок мой уже кипел, стремясь придумать какой-нибудь предлог для того, чтобы поехать с ним. Но долго мне размышлять над этим не пришлось, поскольку Уинтон сам спас меня от лишних хлопот.

Тем прекрасным весенним утром он вызвал меня в свой рабочий кабинет. Он восседал на широком стуле

с восточной резьбой, закинув ногу на ногу, и дымил сигаретой, глядя на меня из-под прищуренных глаз.

— Уильямс, — обратился он ко мне по выдуманному мною самим имени, — я счел, что вам будет интересно узнать, что через три дня вы отбываете со мной в Сан-Франциско.

Должно быть, у меня было какое-то глупое выражение лица, потому что он спросил:

— В чем дело? Вас это удивляет?

Я пробормотал в ответ, что очень польщен оказанной мне честью. И на самом деле был так ему благодарен, что у меня даже мелькнула мысль пощадить его и не забирать брильянт!

— Я более чем доволен тем, как вы справляетесь со своими обязанностями вот уже который год, и потому принял решение, что вы непременно должны сопровождать меня в этой поездке, — пояснил он, прибавив. — Я доверяю вам более, чем кому бы то ни было в своем доме.

Теперь мне предстояло действовать, и действовать как можно быстрее. Как следует все взвесив, я составил план, настолько безупречный, что он мог родиться только в моей голове.

Этим вечером я отправился в один район Нью-Йорка, сильно отличающийся от жилого. Там сразу зашел в бильярдный клуб, который все неофициально называли «Вздернутым котом», ведь там располагался не только бильярдный стол, но и много чего еще интересного. Я уже рассказывал, что не был замечен ни в одном сомнительном дельце с тех пор, как устроился на работу к Уинтону Стоуксу, но знал, что если мне понадобится помощь, то здесь я ее запросто смогу найти. В конце концов, это был любимый клуб моих ребят.

Очень скоро я отыскал троих нужных людей и отошел с ними в темный уголок, рядом со старым неустойчивым столом, все четыре ножки которого были разной длины.

— Ребята, — начал я, — у меня для вас есть дельце, и если мы его провернем, то можем с чистой совестью уходить на пенсию и заниматься установкой сигнализаций на свои домашние сейфы.

Я ввел их в курс дела, объяснил, в чем именно будет заключаться их часть работы, а также сколько они в итоге за нее получат. Двое из них, Пит Крамп и Носатый Тимкинс согласились сразу же, с большим воодушевлением. Но с третьим, как я и ожидал, возникло небольшое затруднение. Третьим был Микки Финниган.

Я знал Микки еще с Чикаго, и мы часто соперничали в нашем деле. Этот олух смел полагать, что он мне чета, что он такой же маститый грабитель, как я! Он зеленел от злости всякий раз, когда слышал об очередном успешно провернутом мною предприятии, я же никогда не был впечатлен ни одним из организованных им дел.

Микки был настоящим здоровяком, руки у него были как дыни, прическа напоминала о швабре, губы — о сочных кусках бифштекса, а рыбы глаза дополняли отменный образ вечно что-то медленно жующего существа с непременным запашком табака вокруг себя. Я даже близко не ощущал уважения к людям его типа, считал, что грош им цена. Но в чем все-таки никто не мог отказать ему, так это в грубой силе, которая как раз и была мне сейчас нужна.

Я долго не решался выбрать его в качестве сообщника, но его волосатые кулачищи выглядели внушительно, и я предпочел счесть, что наши бывшие разногласия остались там, в прошлом. Но, как выяснилось, я ошибся.

— Все это звучит здорово, Стив, — вяло и неторопливо начал он, — просто замечательно, но ты забыл кое о чем: я ведь получу половину с общей доли, так? Пятьдесят на пятьдесят.

— Чего? Ты и правда на это рассчитываешь?

— Да, рассчитываю. Я ведь никогда еще не был мальчиком на побегушках у Стива Хокинса, я и сейчас этого не очень-то хочу. Я ведь совсем такой, как и ты. Значит, и получить должен столько же.

— Господи помилуй, Микки? Но ведь это мое дело! Я его приготовил, потратил на него два года своей жизни!

— Ну и что, — равнодушно бросил Микки, — какая мне разница?

Некоторое время мы спорили, приличное время, надо сказать. Но что в этом толку? Микки всегда был упрямым, как бульдог.

— Заткнись ты уже, — не выдержал он наконец. — Ты только зря тратишь свои нервы и мое время, а кое-что из этого уж явно имеет цену. У тебя лишь два варианта: либо я получаю столько же, либо ты и носа моего не увидишь в своей банде!

— Микки, — мрачно ответил я ему, — ты просто подлец.

— Это я-то? — взревел Микки, и затем произошло что-то трудно поддающееся описанию, от чего меня спасли лишь вставшие между ним и мной другие ребята. А в результате мне все равно пришлось выплюнуть изо рта два выбитых его кулаком зуба.

Ребята заверили меня, что мы можем управиться втроем, и нам совсем не нужен Микки. Тогда я высказал ему все, что о нем думаю, и отправился домой.

Но когда я добрался туда и взглянул в зеркало, то собственное отражение привело меня в ужас. Челюсть опухла, а когда я широко раскрывал рот, на месте двух выбитых зубов красовалась черная дырица.

Что подумает Уинтон Стоукс, когда увидит на лице своего примерного рабочего такую гримасу? Да он может запросто передумать брать меня с собой. А может, и что-то заподозрит. И весь мой великолепный план покатится к чертям из-за Микки. Я вздрогнул.

— Что у тебя с лицом? — спокойно спросил Уинтон, когда увидел меня следующим утром.

— Я просто... подскользнулся и упал, — запинаясь, довольно невнятно пробормотал я, — упал на ступенях в подвале этой ночью.

Некоторое время он внимательно изучал меня, будто над чем-то размышляя. Я с ужасом начал было думать, что он что-то заподозрил, когда он вдруг достаточно безразличным тоном произнес:

— Что ж, проследи, чтобы к дате нашего отъезда у тебя не было такого потрепанного вида. И вставь искусственные зубы вместо тех, что вышиб, — чтобы не выглядеть неподобающе.

Он отослал меня к зубному врачу, а я решил выбросить из головы все связанное с этим неприятным случаем, с облегчением вздохнув. Впрочем, я поклялся, что однажды Микки Финниган заплатит за содеянное.

В последний день перед отъездом я следил за Уинтоном Стоуксом с таким же усердием, как полицейская собака, идущая по следу грабителя. Я следовал за ним буквально по пятам и наблюдал. Ночью я тоже не спал, пытаюсь поймать его за тем, как он будет доставать Ночного Короля из своего тайника, и узнать, где же он будет храниться во время нашей поездки. Но меня постигло разочарование, я не нашел ни одной подсказки, даже его поведение не отличалось ничем необычным.

И вот пришел день, когда мы наконец должны были отправиться в путь. Уинтон Стоукс со своим маленьким чемоданчиком да я. Больше он ничего не взял.

Я знал наверняка, что где-то с собой у него припрятан Ночной Король, ведь он ни за что бы не подвел даму своего сердца, сколь бы опасным это ни было. А кроме всего прочего, он ведь как раз любил всяческие опасные мероприятия.

Но что меня в действительности выводило из равновесия, так это его абсолютное спокойствие. Он вы-

глядел столь же безмятежным, как и это раннее весеннее утро, и в нем не было заметно ни тени беспокойства или сомнения. А еще, перед самым выходом из дома, я заметил, что он не берет свое автоматическое оружие, которое у него было обычно всегда под рукой.

— Мне оно не понадобится, — сказал он, — не в этой поездке точно.

Не в этой поездке!

Когда же мы поудобнее устроились в роскошном экспрессе, мчащемся в западном направлении, Уинтон Стоукс придвинулся к окну и откинулся на спинку сиденья, слегка прикрыв глаза. В то время как я, Стив Хокинс, нервно ерзал в своем уголке, кусая сухие губы и беспокойно оглядываясь.

Вот он, мой момент! На который я потратил два года своей жизни! Я прикинул свои потери из-за того, что отошел от бизнеса на такой долгий срок. Ерунда, Ночной Король с лихвой все покроет. Я уже подыскал покупателя, и у меня дух захватывало от цены, которую он мне предлагал за брильянт.

Я оглядел вагон и стал наблюдать за пассажирами. Опасался, что поблизости может ошиваться какой-нибудь детектив, нанятый Стоуксом для защиты. Но я таких не заметил. Мое сердце стучало с дикой скоростью, и я нервничал, как пианист, чей первый выход на сцену должен был вот-вот состояться. Уинтон Стоукс же оставался абсолютно неподвижным, как какой-то восточный идол.

Вдруг я быстро прыгнул обратно на свое место, прижав обе ладони ко рту в попытке сдержать крик. В дальнем углу я заметил господина, который вроде как дремал на своем сиденье, свесив голову на грудь. По его красному, покрывшемуся испариной лбу краплась муха. У господина был грязный ворот рубашки, сам он был одет в совсем новый костюм, который явно ему был не по размеру, что выдавали выглядывавшие

из-под брюк толстые ноги. Этот человек явно не привык к такому стилю одежды. Он медленно двигал челюстями, что-то жуя. Это был Микки Финниган.

Какого черта он здесь делает? И что он задумал? Собирается предать меня и повернуть дело самостоятельно? И в первый раз за все это время меня осенило, что он ведь теперь знает секрет Ночного Короля и может запросто попытаться сам заняться им.

По моей спине пробежал холодок. Но я ничего не мог поделать, оставалось лишь следить за Микки и надеяться, что мне представится возможность заняться брильянтом раньше, чем ему. Через некоторое время я себя полностью убедил в том, что такому криминальному авторитету, как я, не стоит бояться соперничества со стороны этого болвана. Ко всему прочему рядом с ним не ошивалось никаких подельников, а сам он казался чертовски усталым и сонным.

Я с нетерпением ждал, когда наступит ночь. Время тянулось еле-еле. Быстрый стук колес по рельсам напоминал медленный похоронный марш. Но нет ничего невозможного для того, кто умеет ждать.

Была практически полночь. Уинтон Стоукс до сих пор находился в вагоне с сидячими местами. Он всегда ложился спать поздно, на что я и рассчитывал. Ночное небо было чернильно-темным. Поезд остановился у какой-то маленькой станции с одной тусклой запачканной лампой и двумя сонными работниками, шатающимися по перрону.

Я спросил у Стоукса разрешения выйти за сигаретами и, удостоверившись, что все готово, вернулся в вагон.

— Сэр, я думал, вам будет интересно узнать, — сказал я, — что мистер Харви Клейтон тоже едет в этом поезде, в следующем вагоне.

Харви Клейтон был его хорошим другом, вот только к этому времени он уже наверное мирно спал в своих апартаментах в Нью-Йорке.

— Харви Клейтон? На этом поезде? — удивленно переспросил Уинтон Стоукс.

— Да, сэр. Я заметил его в следующем вагоне, как раз когда возвращался обратно.

Уинтон Стоукс встал и направился в другой вагон. Я кинул быстрый взгляд на Микки Финниган и с облегчением вздохнул — этот толстый недоумок спокойно посапывал в своем углу.

Скрываясь за дверью, я наблюдал за тем, что произошло дальше на перроне. Как только Уинтон Стоукс вышел из вагона, он оказался между Питом Крампом и Носатым Тимкинсом, почувствовав, как те прижали холодные дула пушек к его ребрам.

— Теперь иди-ка за нами, и чтоб я не слышал от тебя ни вопля, или мы тебя продырявим, как кружевную занавеску! — шепотом приказал ему Пит Крамп.

Вокруг не было никого, кто бы мог увидеть эту сцену. Пит и Носатый взяли Стоукса под руки, по обе стороны, и сошли с поезда. Стоукс безропотно пошел с ними. Они удалились с темного перрона станции, со стороны выглядя как три закадычных друга. Никто бы не заметил, что две пушки под руками Уинтона упирается прямо ему в бока. Сотрудники станции ничего бы не заметили, даже если б не спали на ходу.

Я кинулся обратно к месту, на котором сидел Уинтон Стоукс, захватил его пальто, шляпу и чемоданчик и быстро последовал за своими ребятами.

Они отвели Стоукса к машине, припаркованной на неосвещенной стороне улицы, прямо за станцией. Прежде чем подойти к ним, я повязал платок вокруг лица и надел длинное пальто, которые они для меня приготовили, чтобы Стоукс не узнал меня по одежде.

Я запрыгнул в машину, и мы вчетвером укатили прочь в ночную тьму.

Во всем городишке было от силы две улицы, один универмаг и с десяток домов. Спустя лишь пару минут

мы уже выехали за его пределы и неслись вперед по грязной дороге, на которой не было ни души. Издали мы видели, как поезд отбывает в Сан-Франциско, на сей раз без своего самого ценного пассажира. Длинная вереница подсвеченных окон вагонов уносилась прочь все быстрее и быстрее, вслед за вылетающими из пыхтящего мотора красными искрами. Вот наконец он свистнул и пропал в ночи, вскоре стих и стук колес. Мы были одни в этой погруженной в сон стране, мчась на всем ходу, с включенными во всю мощь фарами. А вокруг — лишь пустынные равнины, редкие кусты и темный необъятный небосвод.

Мы все были в напряжении и пока что молчали. Один лишь Уинтон Стоукс оставался невозмутимым и казался даже заинтересованным во всем происходящем.

Мы остановились перед какой-то ветхой забегаловкой у дороги, всего лишь в паре миль от города. Я понятия не имею, на какую выручку могли рассчитывать владельцы заведения в этом богом забытом месте, но нам это было только на руку. Забегаловка была закрыта на ночь, мы легко взломали замок и запихнули внутрь нашего пленника.

В старой хибаре повсюду были грязные сковороды, шелуха от лука, хлебные крошки, заржавевшие консервные банки и неповторимый аромат дешевого растительного масла. Мы зажгли керосиновую лампу, чем растормошили целый рой мух и светлячков, которые стали порхать вокруг нее и долбиться о пыльное задымленное стекло.

— Мистер Стоукс, — произнес я, — вы здравомыслящий человек, как и мы. Вы осознаете, что находитесь целиком и полностью в нашей власти, и можете избежать кучи неприятностей, если мирно отдадите нам Ночного Короля, который, по сути, и так уже наш.

— От того, что вы переходите сразу к требованиям, — ответил Уинтон Стоукс, — все равно никакого толку.

— Да ну? — сказал я уже куда менее приветливо. — Если вы не отдадите камень нам сами, то он все равно будет наш, не пройдет и десяти минут.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил он.

— Хорошо, смотрите! — усмехнулся я.

По моему знаку ребята схватили его и стали обыскивать, в то время как я открыл чемоданчик и стал внимательно в нем копаться. Уинтона Стоукса, казалось, все это лишь забавляло, и на его лице заиграла та самая гаденькая улыбка, которую я так ненавидел.

Мы обыскивали все тщательно и аккуратно. В первые пять минут я бросал в сторону Уинтона насмешливые взгляды и насвистывал мелодию из какой-то комедии. Но по прошествии десяти минут я был вынужден остановиться. Через полчаса я понял, что кровь начинает холодеть у меня в жилах.

Мы просмотрели каждый миллиметр его одежды, разорвали подкладку пальто, изучали каждую крупницу пыли в чемоданчике — все безтолку.

— Да бросьте вы! — взорвался Пит. — Может, камень и мал, но он не мог просто в воздухе раствориться, разве не так?

— Мы найдем его, даже если нам всю ночь тут придется проторчать, — сказал я.

— Не спешите, мальчики, я тоже никуда не тороплюсь, — вставил свои пять копеек Уинтон Стоукс.

— Послушай, — угрожающе прохрипел я, — хочется, чтобы ты себе уяснил, что я отыщу этот чертов камень!

— А кто же вас останавливает? — осведомился он.

По истечении трех часов мы просто сели на пол и беспомощно смотрели друг на друга, уже абсолютно не зная, где еще можно искать. Мы разорвали все швы в его одежде, разломали к чертям чемоданчик, отодрали подошвы от туфель, смяли шляпу, как кекс, раскрошили все сигареты; разодрали мыло и полотенце, оставили от

белья лишь ошметки, разбили все, что только смогли отыскать у него в чемоданчике. Вокруг лежали настоящие горы мусора, но нигде не было видно брильянта.

Пит взмок от пота, Носатого трясло, а я тяжело дышал. Уинтон Стоукс с безразличным и скучающим видом наблюдал за всем этим. Верите вы или нет, но один раз он даже зевнул.

— Будь ты проклят! — зарычал я. — Ты скажешь мне, где брильянт, или мы тебя самого так же в клочья разорвем!

— Я скажу тебе.

— Неужто?!

— Я скажу тебе, что ты дурак: ничто на свете не сможет разговорить меня, если я хочу молчать, — и ты это знаешь!

Ответная моя реакция была такова, что я даже не могу описать ее.

— Я уже давно думал, — сказал он вдруг, — что мне знаком твой голос.

И прежде чем я успел отпрянуть, он сдернул с моего лица скрывающий его платок.

Все самообладание Уинтона не смогло удержать его от изумленного вздоха. Он отступил назад и посмотрел мне в лицо.

— Что, удивлен? — усмехнулся я.

Он не ответил.

— Послушай, ты, — крикнул я, — всю свою гребаную жизнь я отдам за этот камень. Могу и твою в придачу забрать, если это поможет мне его найти!

Это вызвало у него приступ раскатистого хохота, оскорбительного и громкого...

Когда настало утро и первые холодные лучи солнца прокрались в хибарку сквозь пыльное окно, мы все еще были там, уже лишившись всякой надежды, униженные и раздавленные. Мы больше даже не разговаривали. Больше ничего нельзя было поделать. И оста-

ваться здесь нам нельзя было долго, ведь владелец забегаловки вот-вот нагрянет сюда. Да и вообще, что нас здесь еще могло держать?

Не проронив ни слова и не глядя друг на друга, мы вышли из домика, сели в автомобиль и укатили прочь. Мы конечно же не взяли с собой Уинтона Стоукса. Помню, как я обернулся напоследок и увидел его, стоящего у двери домика, провожающего нас взглядом. Ветер слегка трепал его красивую каштановую шевелюру и все те ошметки, которые остались от его одежды.

Я почти обезумел к тому моменту, как вернулся в Нью-Йорк. Я бродил в оцепенении, а единственной мыслью в моей голове оставалось: «Ночной Король!» Он преследовал меня, как наваждение. Все круглое и черное, ровные пуговицы на одежде и изюм в булках казались мне черными брильянтами, искушающими, дразнящими, истязаемыми мой разум.

Часами я сидел в темном углу какого-то кабака, ломая голову над необъяснимой тайной черного брильянта, вновь и вновь пытаюсь понять, что произошло. Где же мог быть этот камень? Где он сейчас, когда я себя заживо съедаю всеми этими вопросами? Я надирался, как настоящий пьяница.

А теперь, если у вас есть хотя капля воображения, представьте (ибо я просто не могу этого описать), что я чувствовал, когда на следующий день все газеты пестрели заголовками:

НОЧНОЙ КОРОЛЬ УКРАДЕН!

Уинтон Стоукс ограблен по пути на запад!

Да я что, с ума сошел? Я снова прочел газету, едва веря своим глазам. Каких-то особых подробностей в статье не было. Там рассказывалось лишь о том, что известный молодой миллионер Уинтон Стоукс ограблен по пути в Сан-Франциско и у него пропал Ночной

Король. А полиция уже искала известного преступника, который и совершил налет, пока отказываясь называть его имя.

Прошло немало времени до того, как я наконец смог собраться с мыслями, но даже тогда ни черта не понял. Меня посетила мысль, что Уинтон Стоукс мог просто ввести прессу в заблуждение, дабы защититься от возможных ограблений в будущем. Но очень скоро понял, что это не так, потому что Стоукс вернулся в Нью-Йорк и никуда не собирался уезжать. Репортеры прознали, что он крайне возмущен, а вся полиция стоит на ушах и даже не думает останавливать поиски того самого преступника.

И затем меня будто по голове обухом ударило: это же Микки Финниган! Да, должно быть, это он. Только я никак не мог понять, как этому болвану удалось то, что не удалось мне. Невероятно. Но Микки и правда — единственная живая душа, помимо нас троих, которая знала этот секрет.

Я был вне себя от ярости. Затем смирился с тем, что все уже кончилось. Даже почувствовал себя чуточку счастливым от этого.

Первым делом я хотел узнать у кого-нибудь о том, где Микки сейчас скрывается. Тем же вечером я отправился в «Подвешенного кота», чтобы попытаться раздобыть информацию.

И как вы думаете, кого я там нашел, прямо в одном из темных уголков клуба? Микки Финнигана собственной персоной! Что ж, у этого кретина как раз только на это могло хватить ума. Он не спеша потягивал какой-то напиток, и его лицо не выражало ровным счетом ничего.

Я подошел к его столику и присел рядом.

— Здорово! — сказал я дружелюбно.

— Здорово, — с мрачным удивлением ответил он.

— Микки, у меня к тебе предложение — поделись со мной половиной!

— Половиной чего?

— Ты прекрасно знаешь — половиной выручки с Ночного Короля.

Он раскрыв рот смотрел на меня и молчал.

— Я знаю, что он у тебя, — нетерпеливо наседал на него я, — и ради твоего же блага тебе лучше со мной поделиться, Микки Финниган, понимаешь, о чем я толкую?

— Да о чем ты?

— Да перестань уже! Если тебе так свезло, то ты и мне обязан, ведь это я подкинул тебе подсказку. Так что все будет честно. А если ты не согласишься, то я пойду отсюда напрямиком в полицейский участок и поведаю копам, у кого Ночной Король и где его найти!

— Послушай, дружок, у тебя явно не все дома. Как он мог оказаться у меня, когда ты первый сцапал его? Да, я сел на поезд и решил попытать удачи. Но слишком устал и свалился спать, а когда очухался — Стоукса и след простыл! Кто в таком случае, по-твоему, стащил его?

— Я и не знал, что ты такой хороший актеришка, Микки! Но, сколько ни старайся, меня не одурачишь. Итак, ты отдаешь мне половину всех денег или как?

— Я знаю, что это ты его прибрал и лжешь тут, не могу только понять, на кой черт!

— Микки, — взмолился я, — Микки, мы всегда неплохо ладили. Просто отдай мне камень, Микки! Покажи его мне! Дай мне его увидеть!

— Ты явно напился, дружок.

— Последний раз тебя спрашиваю, Микки — мы партнеры?

— Держи карман шире!

Я встал.

— Ну ладно, — прорычал я, — ладно, Финниган, до скорого! Ты знаешь, куда я иду!

— Да к черту иди! — буркнул Микки.

Во мне горел лишь праведный гнев, направленный на одного Микки Финнигана. Я забыл обо всем другом, кро-

ме жажды мести. Я решил отправиться напрямиком в штаб-квартиру полиции. На миг я замешкался, подумав, что они могут искать и меня после неудачной попытки ограбления Стоукса. Но я обнадежил себя мыслью о том, что никто меня не узнает, ведь у Стоукса не было ни одной моей фотографии, а кроме того, меня даже вознаградят за помощь в поимке настоящего преступника.

Я стал вспоминать драку и то, как Микки Финниган выбил мне зубы, что только еще больше раззадорило меня. Я пошел напрямиком в штаб-квартиру.

Я вошел внутрь с высоко поднятой головой и, уверенно шагая, как настоящий законопослушный гражданин, подошел к одному из полицейских и поинтересовался, где находится кабинет главного инспектора.

Копы провожали меня такими странными взглядами, которые я впервые испытывал на себе. Когда я спросил их о том, где мне отыскать главного инспектора, двое или трое из них в большой спешке направились в сторону его кабинета.

Когда туда вошел и я, он смотрел на меня, выпучив глаза.

— Ох, бог ты мой! — Он сглотнул.

— Инспектор, — торжественно молвил я, — мне известно, кто украл Ночного Короля, и я знаю этого человека — Микки Финнигана!

Он некоторое время молча рассматривал меня с забавным выражением лица.

— Вы ошибаетесь, Хокинс, — наконец неторопливо заявил он. — Мы не Финнигана ищем, а вас.

— Меня? Меня?! Это еще п-почему?

— Потому что у вас Ночной Король.

— Что?!!

— Он у вас, и, более того, вы его вернете.

— Да кто вам такое сказал?

— Мистер Стоукс. И я свяжусь с ним в ближайшее же время и сообщу, что вы у нас.

— Мистер Стоукс?! — заорал я. — Мистер Стоукс? Да этот парень рехнулся! Звоните ему, звоните немедленно! Он знает, что это ложь! Он должен знать!

Когда передо мной появилось сияющее своей надменной улыбкой лицо Уинтона Стоукса, я едва мог держать себя в руках.

— Какого черта все это значит? — закричал я. — Ты прекрасно знаешь, что я не отнимал у тебя твою блестяшку! Знаешь это, как и я, не правда ли?

— Конечно знаю, — ответил он мягко, — но видишь ли, я знаю чуть более твоего.

Копы вокруг нас ухмылялись до ушей.

— И что тут смешного? — зло спросил я.

— О, боже мой! — не сдержался один из них.

— Нам следует все объяснить этим господам, — сказал Уинтон Стоукс. — Ты одурачил меня, Хокинс, и это тебе комплимент, которого окружающие меня люди удостоиваются крайне редко. Я поверил, что ты честный и добропорядочный работник, и выбрал тебя для ответственного задания. Видишь ли, мне нужно было взять с собой Ночного Короля, спрятав его в таком месте, где бы никто не догадался его искать. Но, хоть я и доверял тебе, все равно не хотел проверять судьбу на прочность и зря искушать тебя самого. Поэтому ты послужил мне верно, сам этого не зная. Единственным, кому я доверил этот секрет, был мой давний друг, по совместительству — зубной врач. Что же, в итоге все вышло даже еще более неожиданно, чем я предполагал. Открой-ка рот!

И в следующий миг я издал дикий, животный рык, и если бы копы вовремя не схватили меня, то я бы набросился на Уинтона и убил бы его на месте. Потому что после того, как я открыл рот, он вынул оттуда мой зуб, мой искусственный зуб. Который на самом деле и был Ночным Королем!

ХОРОШАЯ СТАТЬЯ

Предисловие редактора

Эта история была написана спустя год с лишним после «Мужа, которого я купила», приблизительно в 1927 г. В то время Айн Рэнд уже жила в «Голливуд студии клуб», совсем недавно получила должность младшего сценариста, ассистируя Сесиль Б. ДеМиль, и как раз начала встречаться с Фрэнком О'Коннором, своим будущим мужем. Дух этого рассказа как нельзя лучше отражает ее собственное настроение в свете столь благоприятных событий.

Сценарии Айн Рэнд к немому кину, которых за 20-е гг. набралось порядка дюжины, являют собой ярчайшие примеры подлинного, даже слегка экстравагантного романтизма. В большинстве своем эти истории о приключениях, о дерзких героях и о сильных чувствах на фоне происходящих друг за другом событий, в которых практически не наблюдается философского подтекста. «Хорошая статья» — одна из немногих работ такого плана, которая при этом является полноценным произведением, а не сценарием. Само собой, на-

строй этого рассказа оказывается совсем иным, непохожим на «Мужа, которого я купила».

В «Муже, которого я купила» рассказывается история женщины, которая посвятила свою жизнь поддержанию внутри себя определенных идеалов. Она скорее была готова перенести ужасные страдания, нежели подстроиться подо что-то такое, что этим идеалам не соответствовало бы. «Хорошая статья» же напоминает нам о другом немаловажном аспекте философии Айн Рэнд: страдания сами по себе являются исключением из правил, а вовсе не тем, из чего должна строиться жизнь. В основе существования, согласно мнению Айн Рэнд, не должны лежать ни боль, ни даже героическая выносливость. Наоборот, суть бытия должна держаться на веселье и беззаботной радости, которой жизнь нас одаривает. Именно эта предпосылка послужила основой для рассказа «Хорошая статья».

Впервые я услышал эту историю примерно двадцать пять лет назад, когда Айн Рэнд читала ее вслух на курсах по развитию писательского таланта каким-то своим юным поклонникам. Аудитории сообщили, что это был рассказ начинающего писателя, и попросили сделать вывод, есть ли у этого писателя будущее. Некоторые студенты быстро поняли, кто автор, но среди присутствующих было достаточно и таких, кто этого не понял, и впоследствии они крайне удивились и даже возмутились, узнав правду. Их возражения касались отнюдь не каких-либо изъянов рассказа, а того общего духа, в котором он был выдержан. «Он ведь такой несерьезный!» — таким было самое частое обоснование своего недовольства. «В нем нет ничего общего с теми грандиозными темами, которые вы поднимаете в своих романах», «В нем нет ни глубоких страстей, ни бессмертной борьбы, ни философского смысла».

Мисс Рэнд ответила, в сущности, следующее: «В этом рассказе обсуждается один, но самый главный животрепещущий вопрос — имеем мы право жить на этом свете или нет?»

Она продолжила объяснять, что злорадство — то чувство, которое описывает человека, как существо, которому предначертано страдать и потерпеть крах, — пронизывает все в нашу эпоху; что даже те, кто утверждает, что отвергают такую точку зрения, как правило, сегодня чувствуют, что стремление к ценности должно быть сродни болезненному крестовому походу, где каждый, сжав зубы, посвящает себя этой мрачной, но святой борьбе со злом. И подобное отношение, по ее словам, наделяет это зло чересчур большой властью. По ее мнению, зло изначально бессильно (за подтверждением читайте роман «Атлант расправил плечи»), а Вселенная не настроена против человека, она «доброжелательна». Все это означает, что человеческие ценности (основанные на разумных причинах) можно достичь здесь, в этой жизни. Поэтому счастье не следует рассматривать как несчастный случай, напротив, метафизически, как нормальное, естественное развитие событий.

Если выразить это более кратко и философски, то глубинный смысл человека заключается не в надгробии, над которым торжественно растянута венцы, сплетенные из его заслуг при жизни, а в беззаботном веселье, сопровождающем весь его путь до самого последнего вздоха. Истории, которые отражают данный подход, написанные специально для того, чтобы воспроизвести Вселенную такой доброжелательной, какая она и есть, должны иметь право на существование. И они должны быть написаны в таком стиле, будто все крупные проблемы уже решены, и теперь следует сосредоточиться лишь на самом человеке и его взаимодействии с миром, которое приводит его к

успеху и к наслаждению романтикой, приключениями и переживаниями свободной души.

В романе «Атлант расправил плечи» есть момент, когда Дэгни описывает смех Франческо как: «...самый веселый звук на свете... Способность к безоблачному удовольствию, подумала она, не является уделом безответственных дураков... чтобы быть в состоянии так смеяться, необходимо проделывать самую тщательную и глубокую мыслительную работу». Пользуясь подобными цитатами, можно сказать, что более серьезные работы Айн Рэнд отражают ее сложное философское видение мира, а произведения вроде «Хорошей статьи» подобны безоблачному смеху Франческо.

Конечно же история все-таки принадлежит достаточно раннему периоду творчества писательницы, и не следует рассматривать ее без осознания того факта, что поставленные перед ней цели не были в достаточно мере ясны и самому автору.

Лори, молодой герой, является лишь далекой предпосылкой к будущим образам мужчин в произведениях Айн Рэнд. С другой стороны, Джинкс, отражающая первенство женщин, свойственных для ранних работ писательницы, является самым проработанным и зрелым персонажем всего рассказа. Она постоянно во всем опережает Лори. И все же, как и следовало ожидать от Айн Рэнд, чувства Джинкс по отношению к Лори являются одним из наиболее убедительных элементов истории — тем, в чем она кардинально отличается от любой феминистки. «Женщины, — говорит она Лори в какой-то момент — просто болтуны».

С точки зрения писательского мастерства, «Хорошая статья» продемонстрировала, сколь большой шаг вперед совершила Айн Рэнд в сравнении со своим прошлым «Мужем, которого я купила». Знаний об английском языке у автора заметно прибавилось, хоть ей все же предстояло многому научиться. Оригинальность

определенных описаний и внезапные проблески остроумия во фразах явились первыми предвестниками грядущего. Диалоги, особенно по части сленга, до сих пор не выверены так, как полагается, и сам тон произведения страдает от неуверенности, происходящей, скорее всего, из-за широких границ между различными стилями выражения мысли на письме. Но, несмотря на эти недостатки, в целом истории удастся передать богатые ощущения, которые переживала в своей душе Айн Рэнд.

Десятилетия спустя, после того как Айн Рэнд уже написала роман «Атлант расправил плечи», она вдруг сообщила, что хочет написать чисто приключенческую историю без всякого философского подтекста. (Она даже успела придумать герою имя — Фостин Доннегал — и описать его в духе Лори МакДжи, все так же с ямочками.) Но она так и не взялась за эту идею основательно.

Потому пусть «Хорошая статья» и не является идеальным произведением, оно несет в себе основы того крайне редкого стиля Айн Рэнд, который не использовался более ни в одной из ее работ. Этот рассказ отражает в себе ту сторону творчества Айн Рэнд, которую ее поклонникам не удастся обнаружить ни в одном другом романе.

Замечания по тексту: предваряя этим свое выступление перед аудиторией, в 50-х гг. Айн Рэнд изменила отдельные устаревшие выражения в описании автомобилей и одежды на более актуальные. Впоследствии я сохранил эти изменения.

Леонард Пейкофф

Как бы я хотел, чтобы это было убийство! Чтобы здесь лежал раскромсанный на кусочки труп, залит кровью тротуар... А еще чтобы бушевал сильный пожар, да так, чтобы газовый баллон взорвался и разнес полгорода!.. И в этот момент кто-нибудь бы влетел в банк и обчистил сейфы до последней монеты, оставив всех с носом!.. Да, и еще бы землетрясение!

Лори МакДжи несся по тротуару с такой неистовой злобой и каждым шагом будто бы давил своих незримых врагов, словно насекомых, под тяжелыми ботинками. Ворот его рубахи беспорядочно трепал ветер, а вены на шее судорожно напрягались всякий раз, когда он пытался сжать губы в прямую линию. Это было не просто сделать, ведь у Лори МакДжи были юные, великолепно очерченные губы с проказливыми ямочками в уголках рта, который, казалось, так и ждет момента, чтобы расплыться в ослепительной улыбке. Но сейчас ему было совсем не до того.

Летнее утро было таким спокойным на главной улице Диксвиля, и звуки ожесточенных шагов Лори раздавались в этой тишине настоящими выстрелами. На пути ему почти не попадалось прохожих, а те немногие,

кто проходили мимо, едва волочили ноги. Окна магазинов были раскалены от солнца и покрыты пылью, а двери распахнуты, демонстрируя пустые залы, в которых не было ни единого покупателя. На тротуаре перед супермаркетом медленно растекались в красную кашлицу несколько перегревшихся на солнце старых помидорин. Прямо посередине самого оживленного перекрестка Диксвиля лежала собака и спала под солнечными лучами, слившись с окружающей ее унылой цветовой гаммой. Он глядел на все это и сжимал кулаки.

Лори жил на свете уже двадцать третий год, но в редакции «Диксвильского рассвета» он проводил свое первое лето. Совсем недавно он еще беседовал с новостным редактором, далеко не в первый раз, но, судя по всему — в последний.

— Вы — болван! — воскликнул Джонатан Скрэгс.

Лори возвел глаза к потолку в попытке убедить окружающих в том, что его достоинство находится за пределами всех подобных оскорблений, которыми его мог одарить этот грозный мужчина за своим столом.

— Еще одна подобная халтура, и вы пойдете драить тарелки в каком-нибудь кафе, если они вас вообще возьмут!

Лори бессознательно наблюдал за тем, как мощная пятерня новостного редактора с размаху легла на его аккуратное творение, смяла его, и секундой позже скомканные бумажки уже отправились в мусорное ведро. А он еще смел надеяться, что эта статья вдвое увеличит тираж газеты, а его собственное имя будет появляться куда чаще на страницах издания...

Лори всегда был уверен в своем самообладании, но после такого принялся кусать губы, и его лицо приобрело выражение такой неистовой сдержанности, на которую был способен разве что какой-нибудь бульдог.

— Если вам такой материал не по нраву, — обиженно бросил он редактору, — то это ваши проблемы, вашей газеты и вашего города. Это отличная статья.

— Да ты не просто молокосос, — зарычал Джонатан Скрэгс, — ты вшивый щенок! То, что ты был суперзвездой в своем колледже всего три месяца назад, совсем не значит, что ты можешь вот так запросто стать первоклассным репортером! Когда же ты наконец научишься использовать свою дурную голову для чего-нибудь еще, помимо пустого бахвальства?!

— Да я-то в чем виноват? — решительно отбрыкивался Лори. — Мне просто не о чем писать! В этом болоте ровным счетом ничего интересного не происходит!

— И снова ты о своем, да?

— С того момента, как я появился у дверей редакции, вы давали мне информацию лишь о каких-то похоронах, пьяных драках и дорожных авариях! Как я могу раскрыть свой талант в обзорах таких пустяков? Пусть эти блошинные сводки составляет кто-нибудь другой! Дайте же мне какой-нибудь крупный, значимый материал, и вы увидите, что у меня в голове, помимо самолюбия, куда уж без него!

— Сколько мне еще раз повторять тебе, что нужно писать обо всех происходящих в городе событиях? Что тут может произойти особого? Мы ведь не в Чикаго живем! И тем не менее у нас хватает интересных событий, дела у нас идут бойко, куда лучше, чем у какого-нибудь «Мира Диксвиля», хвала Господу! Вам, молодой человек, должно льстить одно то, что вы тут работаете!

— Да что вы? Скорее уж, работаю на мусорную корзину ведущего издания Диксвиля! Но вы будете меня ценить, мистер Скрэгс. Стоит только у нас произойти чему-нибудь исключительному, вот увидите!

— Если не можете написать о похоронах, так пишите об убийствах... А теперь подите домой, молодой человек, надеюсь, вас осенят какие-нибудь светлые идеи, в чем я вообще-то сомневаюсь.

Некоторые люди говорили, что глаза Лори напоминали бескрайние небеса, затянутые серыми облаками.

сквозь которые проглядывает солнце. Но в тот момент, когда он смотрел на новостного редактора, солнечного блеска в его глазах и в помине не было, лишь предвестье надвигающейся бури.

— О, непременно, мистер Скрэгс, — сказал Лори зловещим тоном, — я напишу об убийстве.

— Да благословит тебя Всевышний, — отвечивал мистер Скрэгс, садясь в кресло. Он закурил сигару, уронил подбородок к груди и прикрыл глаза, наслаждаясь тихим диксвильским утром. Горячий летний воздух дул в открытые окна, которые уже истосковались по чистой тряпке.

Лори взял с вешалки пиджак, свирепо окинул взглядом комнату, в которой никого не заботил его разговор с редактором. В офисе было невыносимо душно и жарко, пахло краской, пылью и жевательной резинкой.

Весь пол в комнате был устелен ковром из старых пожелтевших газет, коробок из-под сигарет, счетов, рекламных брошюр и кучи всяких других вещей, сделанных из бумаги. Все стены, на манер музейных залов, были обклеены календарями, рисунками, вырезками из комиксов со всякими надписями, вроде «Полегче на виражах!» и «Перкинс — страшный разгильдяй!». Пыльная бутылка минеральной воды, стоящая на неустойчивом столике, выглядела печально пустой; в конце концов, в этом офисе утоляли жажду далеко не одной водой.

Лори не мог не ухмыльнуться при виде такой чрезмерной энергичности сотрудников ведущего издания города. Главный верстальщик с озабоченным видом строил лодочку из картонного стакана под воду. Редактор спортивных новостей увлеченно рисовал из пыли на рабочем столе пару изящных ножек на французских каблучках. Двое репортеров играли в какую-то чудную игру, а третий тщательно вычищал ручкой грязь из-

под своих ногтей, изредка прерываясь на то, чтобы попытаться поймать назойливую муху, вившуюся вокруг него. Копировальщик мирно посапывал на кипе бумаг, спиной ко всем присутствующим в офисе, у него было покрасневшее лицо и огненно-рыжая шевелюра. Его могучий храп вздымал листы того, чему было вскоре суждено стать свежим номером газеты.

Среди всего этого идиллического пейзажа находился лишь один человек, с головой погруженный в серьезную работу. Табличка рядом с его столом гласила: «Не парковаться. Занят». Здесь работал Вик Перкинс, самый известный репортер «Рассвета». Он всегда ходил в шляпе, слегка сдвинув ее назад, и никогда не снисходил до того, чтобы использовать зубную щетку. Он остервенело кусал кончик ручки и в глубокой задумчивости глядел на зеленую лампу.

— Есть какие-нибудь новости? — подошел к нему Лори.

— Для тех, кто смышлен, они всегда найдутся, — обезоруживающе отреагировал Вик Перкинс.

Лори кинул беглый взгляд на его статью, в которой велось повествование о неслыханном для Диксвиля преступлении — краже пятисот пятидесяти долларов и серебряной перочницы у отчаянного сорвиголова, Курносого Томсона.

Лори развернулся на каблуках и пошел прочь из редакции. Напоследок он свирепо хлопнул дверью, с явной надеждой на то, что одно из пыльных стекол разобьется вдребезги. Но это не произошло.

Лори окончил колледж с дипломом бакалавра гуманитарных наук, удостоился всяческих похвал и даже выиграл чемпионский кубок со своей командой по футболу той же самой весной. Он ухватился за первую же работу, которую ему предложили в газетном издании, и с того самого момента твердо решил открыть дорогу своим амбициям. Лори пришел в редакцию

«Диксвильского рассвета» полный сил и энтузиазма, обаятельно улыбаясь, но при этом совершенно не имея опыта. И в итоге он был разочарован.

Он ожидал, что на пути по карьерной лестнице его будут поджидать захватывающие сюжеты, полные драмы и опасностей, что от каждого его слова, растиражированного на тысячи копий издания, сердца читателей станут биться чаще, и они станут слагать оды в его честь. Но вместо этого ему пришлось копаться в третьесортных новостях, до которых абсолютно никому не было дела...

Лори ускорил шаг и сунул руки в карманы. Прясть непослушных волос упала ему на лицо, путаясь с необыкновенно длинными ресницами. Небо над ним было лазурным, как праздничная открытка. Из чайного магазина доносился аромат, а из музыкального — голос певца, хрипло распевającego «Мой лазурный рай». В супермаркете «Клэмпит» и вовсе начиналась распродажа сладостей.

Ах, вот если что-нибудь здесь стряслось! Но сердце Лори замерло в полной безнадежности. Но разве здесь могло что-нибудь произойти в принципе?

Сонный мальчуган бормотал заученную фразу: «Покупайте свежий номер “Диксвильского рассвета”» — выговаривая это так монотонно, словно продавал пилюли для сна. Проходя мимо, Лори кинул беглый взгляд на передовицу. Заголовки гордо объявляли о рождении пятого ребенка в семье мэра и кратко упоминали о ежегодном собрании клуба рыболовов, а некто Виктор Э. Перкинс делился своим авторитетным мнением о важности домашних животных для семьи.

Где же эти пламенные, кричащие, бросающиеся в глаза читателю заголовки, жаждущие поведать читателю о сенсационных событиях? Ах, если бы только кто-нибудь решился на какой-нибудь смелый поступок. Хоть один человек... на что угодно... Нет, для Дик-

свилая это было бы фантастикой. Неужели все и правда так безнадежно? Ни малейшего шанса на это?

Лори пошел дальше, хрустя пальцами в кармане. В его неподвижном взгляде что-то промелькнуло. Сердце его забилося чаще. Он наконец придумал то, что может удивить даже такого скептика, как Джонатан Скрэгс.

Это будет сопряжено с риском, и он отдавал себе в этом отчет. Уже давно витала в его голове эта мысль, казавшаяся ему сущим безумием. Но все же... все же...

— Эй, болван! — крикнули сзади, и спустя мгновение он почувствовал сильный удар. Обернувшись посмотреть, в чем дело, он только и успел заметить, как мимо пронеслась на огромной скорости какая-то спортивная машина.

И тут он понял, что был уже настолько погружен в свои мысли, что пошел вдоль проезжей части, не замечая ничего на свете, даже самих машин. В результате на его штанах теперь красовалось большое пятно грязи, а то место, куда его ударило бампером автомобиля, ощутимо побаливало.

Он снова глянул вослед удаляющейся машине и вдруг внезапно понял, что знает водителя. Это была мисс Уинфорд, которая единственная в семье унаследовала все состояние своего папы и, по слухам, могла назвать цену каждому волоску на своей прекрасной голове. Кто его знает, так ли оно было на самом деле, но поди ты оспорь такое утверждение!

Кристофер А. Уинфорд был видным питсбургским магнатом, заправлявшим поставками стали. И у него был настолько ужасный вкус, что каждое лето он проводил в Диксвиле. В его владениях находилась добрая половина города и большой белый особняк на относительно невысоком холме, с которого тем не менее весь город был как на ладони. Башенки из мрамора и стекла в этом особняке выглядели словно искрящиеся фон-

танчики, бьющие ключом прямо из зеленой листвы садов в голубую лазурь небес.

Мисс Уинфорд было восемнадцать, но она уже имела неоспоримое влияние как на окружающую молодежь, так и на своих родителей, вдобавок еще и увлекалась спортивными машинами. Лори никогда с ней не встречался лично, но достаточно часто видел ее в городе. Она выглядела как прекрасная антилопа, а вела себя как дикий мустанг. У нее были большие, слегка раскосые глаза, такие грозные, что многие недоумевали, что же прячется в душе этой милой девчушки; у нее были тонкие изогнутые брови и волевые губы. Ее волосы были вечно взъерошены и неуклюже забраны за уши. От непослушной копны волос до маленьких ступней — вся она выглядела стройной, высокой и целеустремленной, как весенний ручей.

Ее честолюбивая мамаша крестила ее как Джулиану Ксению. Но, к ужасу помянутой выше матери, все сверстники дочери звали ее просто Джинкс.

Лори по-прежнему провожал взглядом ее машину, даже после того, как она скрылась вдали. У него было донельзя странное, восхищенное выражение лица, как у человека, который только что изобрел средство межпланетного сообщения. Та девушка... совпадение ли это? Его идея... ведь такая девушка и нужна была ему для воплощения этой идеи. Цель для него была ясна, а вот подвернулось и средство...

Он медленно направился к дому, не видя вокруг себя ни тротуара, ни улиц, ни неба...

Этой ночью Лори МакДжи уселся за свой стол, с ногами забравшись на стул и обняв себя за колени. Он уткнулся лицом в кулаки и долго думал, почти не моргая. И то, что он надумал, и послужило причиной событий, произошедших в Диксвиле в последующие дни.

II

Джинкс Уинфорд неслась домой на скорости, как обычно, пятьдесят миль в час и, как обычно — ночью. Она навещала свою подружку, живущую за городом, и теперь возвращалась домой, нисколько не заботясь о том, что ее маленькая спортивная машина серого цвета была единственной оживленной точкой на темной автотрассе. Под тяжелым черным небом простирались бескрайние равнины, окутанные неподвижными чередами холмов. А далеко вдали тускло и загадочно мерцали огни постепенно приближающегося Диксвиля, сливаясь в прямые линии, в которых угадывались очертания улиц. Казалось, будто кто-то выбросил переливающееся всеми цветами радуги ожерелье во тьму равнин, и его бусинки рассыпались по округе, блестя и переливаясь в ночи.

Серая спортивная машина летела над дорогой, как небольшой жужжащий жук, двумя длинными усиками освещавший перед собой путь и махавший крыльями на ветру — то был шелковый шарф, развевавшийся на шее Джинкс. Обоими руками твердо держась за руль, она напевала песню. Она осталась абсолютно спокойна и тогда, когда за крутым поворотом увидела вставший посреди дороги автомобиль, преградивший ей путь. Это была другая спортивная машина, за рулем которой никого не было. Но фары у нее были включены, из-за чего окружающая ее темнота казалась уж совсем непроглядной, словно черная дыра.

Она нажала на педаль тормоза как раз вовремя, чтобы с диким скрежетом успеть остановиться у странной спортивной машины.

— Эй, ну в чем тут дело? — выкрикнула она в темноту, где, как ей казалось, стоял какой-то человек.

В темноте за автомобилем притаился готовый к такому сценарию Лори. Он ждал ее уже третий час, на

нем была черная маска, а в руках — револьвер. Его губы под маской были напряжены, а руки, держащие револьвер, слегка дрожали. Лори МакДжи больше не охотился за новостями, он сам творил их сюжет.

Пришло время. Успокаивая дыхание, он снова взглянул на серую машину, остановившуюся рядом с ним, в которой сидела девушка, держась за руль и вопросительно глядя во тьму с приподнятой бровью.

«Но как она отреагирует? — вздрогнул он, подумав об этом. — Надеюсь, она не станет громко кричать. Ох, надеюсь, и в обморок тоже не упадет».

Затем он встал и решительным шагом направился к ней и остановился на свету, угрожающе глядя на нее и держа на мушке своего револьвера. Он безмолвно ожидал ответной реакции. Но ее, как таковой, и не последовало. Джинкс лишь еще выше подняла бровь и с заметным удивлением смотрела на него, гадая, что он предпримет дальше.

— Не кричи о помощи! — приказал Лори самым траурным голосом, на который был способен. — Никто тебя не спасет!

— Да я и не кричала пока, — спокойно заметила Джинкс. — С чего бы мне это делать?

— Ни звука, никакого лишнего движения. И выйди из машины!

— Ты же знаешь, я не могу этого сделать, — последовал милый ответ.

Лори кусал свои губы под маской.

— Я сказал, живо вылезай из своей машины! Я привык к тому, что приказам людей, вроде меня, подчиняются немедленно!

— Ну, к сожалению, у меня не было опыта общения с людьми вроде тебя. Так получилось, что я весьма отдаленно слышала о твоём призвании.

— Тогда тебе следует знать, что люди со всего материка боятся произносить вслух мое имя!

— А как тебе зовут? Меня — Джинкс Уинфорд.

— Ты здорово пожалеешь, если я решу назвать тебе свое имя! Всякий тебе скажет, что у меня не дрогнет рука ни перед чем, что мое сердце из камня, что я подобен удару молнии в ночи, вселяющему страх и отчаяние в людские души!

— Что, правда? Тогда мне и правда тебя жаль, ведь жить с такой дурной репутацией, должно быть, нелегко.

Лори кинул на нее странный взгляд. Затем он вспомнил, что величайшие преступники всегда были исключительно галантны с женщинами. И он учтиво заговорил:

— И тем не менее тебе нечего бояться, ведь я убиваю только мужчин, а женщин я всегда готов пощадить.

— И чем тут гордиться? Все женщины просто болтушки, да ты и сам это должен знать!

— Мне очень жаль, что приходится действовать такими методами, — продолжал он, будто не слыша ее, — но я буду обходиться с тобой с величайшей осторожностью, а потому тебе не стоит бояться.

— Бояться? Чего?

— Ответ пожалуйста, не соблаговолишь ли ты выйти из своей машины и пересесть в мою?

— А это так необходимо?

— Конечно!

— Может, ты наконец разъяснишь мне, что, к чертям собачьим, тут происходит? — вежливо поинтересовалась Джинкс.

— Вас похищают, — не менее учтиво ответил Лори.

— Вот оно что!

Ему не понравилась ее реакция, такой он ее совсем не ждал. В ее голосе не было ни тени страха или возмущения, наоборот, он звучал просто, словно она принимала все как само собой разумеющееся и говорила: «Да, все ясно».

Она быстро выбралась из машины, ее короткая юбка на мгновение вспорхнула наверх, подчеркивая стройные ноги в блестящих чулках. Ветер затрепал ее одежду, и на мгновение она вдруг будто преобразилась в танцовщицу и очутилась на необъятном темном подиуме, освещенном лишь яркими фарами автомобиля. А на заднем фоне виднелись контуры песчаных холмов с жухлой травой и шипастыми кустарниками, торчащими повсюду, словно олени рога.

— Не соизволишь ли ты подождать, пока я закрываю машину? — спросила она. — Я совсем не против того, чтобы быть похищенной, но я отнюдь не хочу, чтобы какой-нибудь другой господин натолкнулся на нее и решил похитить.

Она спокойно выключила фары, заперла автомобиль и сунула ключ в карман. Подойдя к спортивной машине Лори, она окинула ее критическим взглядом.

— Твое дело идет не очень-то и хорошо, не так ли? — заметила она. — У тебя такая машина, что по ней сразу видно, что ты не из тех, кто сытно ест по три раза в день.

— Может, ты уже, наконец, сядешь в нее? — сердито спросил он, почти переходя на крик. — У нас мало времени!

Она села и с удобством растянулась на сиденье, вытянув свои прелестные ножки вперед. Юбка едва доходила ей до колен. Лори быстро сел за руль на соседнее сиденье.

— И сколько ты надеешься выручить с моего похищения?

Он промолчал.

— Так ты что, просто безумно влюблен в меня?

— Осмелюсь сказать, что нет, — отрывисто бросил он.

С диким ревом машина завелась и рванула вперед, подрагивая и пыхтя, с шумным гулом она быстро укатывала прочь от этого места по автостраде, в направлении Диксвиля.

Ветер и темные холмы мчались на огромной скорости им навстречу, чтобы вскоре остаться позади. Оба они молчали. Она украдкой изучала его, краем глаз посматривая в его сторону. Но все, что она могла видеть, — это черную маску, начинавшуюся прямо за серой кепкой, и заметно очерченные ею губы. Он же не взглянул на нее ни разу. Лишь легкий запах духов выдавал ее присутствие рядом с ним, да светлые локоны ее длинных волос, которые иной раз ветер задувал в сторону его лица.

И вот уже перед ними стали появляться первые дома Диксвиля. Лори осторожно ехал по улицам, выбирая самые темные и пустынные из них. На них было мало фонарей и совсем не было прохожих. Его нога непроизвольно нажала на педаль газа, когда им на пути вдруг попала хорошо освещенная аптека, работающая круглые сутки.

Лори жил в старом доме на узенькой улице, ведущей к холму, в новом, местами еще не обжитом районе. Дом был двухэтажный, с большими окнами и маленькими балкончиками без дверей, которые бы вели на них. По соседству с ним находилась недостроенная одноэтажная дача и незастроенный участок земли на противоположной стороне улицы. В его доме были заняты лишь первый этаж, а на втором он был единственным жильцом.

Завернув за угол и выехав на свою улицу, Лори выключил фары и поехал к дому так бесшумно, как только мог. Прежде чем остановиться, он внимательно огляделся. Поблизости не было ни души. Вся улица казалась столь же пустынной, сколь подмостки какой-нибудь театральной сцены ночью.

—Теперь ни звука! Не шуми! — прошептал он девушке на ухо и, схватив ее за руку, устремился ко входной двери.

—Разумеется, не буду, — ответила она. — Я ведь знаю, как ты себя чувствуешь.

Они бесшумно прошли по покрытой коврами лестнице, ведущей к двери в дом Лори. Первым, что увидела Джинкс в его комнате, когда он галантно пропустил ее вперед, была его грязная футболка, вывалившаяся из одежного шкафа. Ларри почувствовал, как краснеет под маской, и решительно закинул ее обратно в шкаф, со злостью захлопывая дверку.

В гостиной было два окна и ковер нежно-голубого цвета. Между окнами стоял письменный стол, и на нем, посреди бушующего океана из различных бумаг, возвышалась пишущая машинка. На небольшом диване лежала пара подушек, а также газета, безопасная бритва и один ботинок. В единственном кресле лежала кипа пластинок под «Виктролу», поверх которых находился будильник. Сама же «Виктрола» стояла рядом с креслом, на коробке из-под мыла, кое-как прикрытой старым полосатым свитером. Место книжной полки занимала большая коробка из-под зерновых злаков. На высокой тумбе стоял небольшой аквариум, по всей видимости, предназначенный для золотой рыбки, но в нем совсем не было воды — только пепел от сигарет и телефон. Вся остальная часть комнаты была завалена старыми газетами, журналами без обложек, а также там нашли пристанище теннисная ракетка, полотенце, букет завядших цветов и укулеле, гавайский музыкальный инструмент.

Джинкс медленно и внимательно осмотрела всю комнату. Лори снял пиджак и кепку и кинул их на стул, стянул с лица маску, с облегчением потерев запотевший лоб и запустив пальцы в густые волосы. Джинкс внимательно взглянула на него, моргнула и уставилась на него еще более странным взглядом. Затем она вдруг достала свою косметичку, быстро припудрила лицо и необычайно тщательно провела помадой по губам.

— Как тебя зовут? — спросила она изменившимся голосом.

— На данный момент это не имеет значения, — ответил он.

Она с удобством присела на край письменного стола. Лори еще раз взглянул на нее при свете лампы. Ему подумалось, что у Джинкс отличная фигура, что ее облегающий шелковый свитерок только подчеркивал. У нее был такой загадочный взгляд, что он до сих пор не мог понять, надсмехается ли она над ним или же смотрит с невинной непосредственностью.

— Что же я могу сказать тебе, — начала она. — Ты не прогадал, выбрав меня в качестве жертвы похищения. Не знаю, кто бы мог оказаться лучшей кандидатурой. Если бы ты разбирался в девушках лучше, то выбрал бы разве что Луиз Чэттертон. Знаешь, ее отец не сходит с троллейбуса до последней остановки, только чтоб его деньги на билет не оказались потрачены зря.

Она снова окинула взглядом комнату.

— Ты ведь еще новичок, не правда ли? — спросила она. — Твое жилище выглядит совсем не как у злобных преступников.

Он тоже окинул взглядом комнату исподлобья и покраснел.

— Прости за этот вид, — пробормотал он. — Я все исправлю. Сделаю все, что только могу, чтобы ты могла с удобством тут расположиться. Надеюсь, тебе здесь понравится.

— Да я почему-то уже не сомневаюсь в этом. Только где же фотография твоей девушки? У тебя что, нет парницы?

— Хочешь есть? — живо переключился на другую тему Лори. — Если да, то я могу...

— Нет, не хочу. А ты состоишь в какой-нибудь банде? Или ты гений-одиночка?

— Если только ты чего-нибудь захочешь...

— Нет, спасибо. Ты хоть раз попадал в тюрьму? И что ты там чувствовал?

— Уже поздно, — коротко сказал Лори. — Хочешь спать?

— Ну ты же не думаешь, что я всю ночь проведу на ногах, не так ли?

Лори расстелил для нее постель на диване, а для себя он смастерил на кухне что-то вроде кушетки из нескольких стульев и старого матраса.

— Завтра мне придется ненадолго отлучиться, — сказал он прежде, чем пожелать ей спокойной ночи. — Еда есть в холодильнике. Не пытайся убежать и не шуми — никто тебя не услышит. Так для тебя будет меньше проблем, если ты пообещаешь мне, что не станешь пытаться убежать.

— Обещаю, что не стану. — Она странно взглянула в его сияющие серые глаза. — По правде говоря, я постараюсь сделать все для того, чтобы не сбежать.

У Лори тяжело стучало сердце, когда он пытался заснуть, лежа на неудобной самодельной кушетке из стульев. Ему казалось, будто он расположился на горных хребтах, вдобавок из раковины пахло подгоревшим соусом чили. Но все же он чувствовал, как сладкое ощущение победы растекается по всему его телу, до самых кончиков пальцев. Он сделал это! Во всем городе было днем с огнем не сыскать того, кто бы мог решиться на такое преступление. А он его совершил, и этот материал станет основой для хорошей статьи за его авторством. Завтра этот заголовок как гром среди ясного неба ворвется на переднюю страницу «Диксвильского рассвета».

— Мистер гангстер! — Милый голос позвал его из соседней комнаты.

— В чем дело? — отозвался он.

— Это у вас «Виктрола» от Американской радиокорпорации в углу стоит?

— Да!

— Это здорово... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

III

На следующее утро свежие номера газеты «Диксвильский рассвет» пестрели заголовками высотой под три дюйма, которые громогласно оповещали всех о том, что стряслось в городе, а именно:

СВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА ПОХИЩЕНА

И по Диксвиллю колесили волнами разносчики газет, стучась в каждый дом на каждой улице, тут и там выкрикивая осипшими голосами: «Сенсация! Сенсация!»

В высшей степени заинтересованные граждане вырывали газеты из рук друг друга, по неосторожности размазывая еще не до конца высохшую черную краску. Дрожащими руками они цеплялись за страницы, проглядывая от первой до последней буквы новостную статью о пропавшей без вести на обратном пути домой Джулианне К. Винфорд, чью машину полиция обнаружила всего в двух милях от города. В боку автомобиля обнаружили два пулевых отверстия, еще один выстрел попал прямо в колесо. Лобовое стекло было разбито, обивка разодрана в клочья. Все обстоятельства указывали на то, что имела место нешуточная борьба. Сама же спортивная машина была обнаружена, как гордо заявлялось в «Диксвильском рассвете», их собственным репортером, мистером Л. Г. МакДжи.

Также под заголовком статьи красовалась большая фотография мисс Уинфорд, на которой всем сразу бросались в глаза только ее оголенные ножки, теннисная ракетка и сводящая с ума улыбка. Подзаголовок статьи был не менее внушительным: «Гордость светского общества стала жертвой таинственного негодяя» — за авторством Лоренса Г. МакДжи. Начало самой статьи было следующим:

«Наши сердца тронула страшная печаль, когда мы узнали о том, что в нашем тихом городке, славящемся

законопослушными и мирными гражданами, произошло столь отвратительное, ужасающее по своей дерзости преступление...»

Здание редакции «Диксвильского рассвета» выглядело подобно муравейнику, на который кто-то по неосмотрительности наступил. Работники строчили за своими печатными машинками пулеметными очередями, по ступеням сновали туда-сюда огромные вереницы людей с совершенными безумными глазами. Новостной редактор Джонатан Скрэгс не мог присесть или на секунду, пот крупными каплями стекал с его покрасневшегося лица, а сам он довольно потирал руки, радуясь тому, что его издание заполучило столь исключительную новость на целых два часа раньше своих конкурентов из «Мира Диксвиля». Лори МакДжи со скрещенными ногами сидел на рабочем столе реактора и неторопливо курил сигарету.

— Это просто гениальная вещь, твоя статья! — неустанно повторял мистер Скрэгс. — Лори, мальчик мой, никогда бы не подумал, что в тебе сокрыт такой потенциал!

Телефоны не умолкали ни на минуту, в редакцию звонили со всего города, и люди взволнованными голосами умоляли поделиться с ними новыми известиями на животрепещущую тему.

Даже сам главный инспектор полиции Раферти почтил визитом новостного редактора. Он оказался коренастым и широкоплечим человеком, который заметно нервничал. Он носил большие черные усы, которые напоминали щеточку для пены, и у него были беспокойные маленькие глаза, которыми он все время озираал все вокруг, будто в поисках того, что могло бы ущемить его достоинство.

— Эй вы, любители игр в кошки-мышки! — каркнул он. — Что тут стряслось? Отвечайте же, какого черта тут происходит?

— Ваш визит для нас довольно неожидан, — выразил общую мысль Джонатан Скрэгс.

— Черт с ним, с тем, насколько он неожидан! Что за мерзавец осмелился провернуть такое в моем городе! Играют тут в кошки-мышки! Чтоб меня смяло в картошку, если я не найду этого подонка! Это точно не мог быть Курносый Томсон, потому что этой ночью его видели надравшимся в стельку в какой-то придорожной канаве!

— Все это дело выглядит достаточно запутанным и...

— Я послал своих ребят прочесать весь город! Уволю к чертям всех этих олухов, если они не выкурят этого бомжа из его норы!

Тем же самым днем к редакции «Рассвета» подкатил серый автомобиль мистера Кристофера А. Винфорда, и спустя пару минут он сам вошел в наш офис с видом человека, привыкшего давать интервью и позировать для фотоаппаратов. Он выглядел безукоризненно сдержанным и невозмутимым. У него были серые глаза и такого же цвета усы, а также костюм в тон этим самым усам.

— Да, это просто возмутительно, — неторопливо сказал он с полуприкрытыми глазами, всем своим видом выражая превосходство человека, чьи мысли летают выше понимания кого-либо из окружавших его. — Разумеется, я хочу, чтобы мою дочь как можно скорее нашли, вы же понимаете.

В его голосе проскользнула легкая нотка удивления, как будто бы он не представлял, что нашелся бы хоть один человек, который бы мог воспротивиться его желанию.

— Конечно, конечно, мистер Уинфорд, — заверял его мистер Скрэгс. — Примите наши искренние сочувствие в связи с произошедшим событием. Мне понятно, как тоскует сердце отца...

— Я пришел сюда лично, чтобы дать объявление в вашей газете, — не обращая внимания, продолжил мистер Винфорд, — о том, что любого, кто поделится ценной информацией касательно текущего местонахождения моей дочери, ждет щедрое вознаграждение. Сумму за такое объявление называйте сами, я заплачу вам столько, сколько вы скажете.

У него был спокойный тон человека, абсолютно уверенного в том, что ему известен лучший способ приобретения желаемого, который он не чурался использовать.

— Как нам повезло! — окрыленно воскликнул мистер Скрэгс, как только мистер Винфорд ушел. — Ну-ка, Лори, приятель, мчи на всех парах к своему станку и придумай нам новую статью! Об отце, чье сердце обливается кровью... ну и все такое, ты сам знаешь!

— Сегодня ты в необычайно хорошем расположении духа! — хохотнул мистер Скрэгс, наблюдая за озорными глазами Лори и за тем, как он крутит на пальце кольцо с ключом от печатной машинки. — Как и я, мальчик мой, как и я!

Когда вечером Лори возвращался домой, под каждым фонарем по-прежнему горланили разносчики газет, надрывая свои связки до хрипоты:

— Сенса-ация! Большое вознаграждение за пропавшую девушку! Не упустите свой шанс!

А сам заголовок газеты гласил:

БЕЗУТЕШНЫЙ ОТЕЦ ОБЕЩАЕТ 5000 ДОЛЛАРОВ ЗА ИНФОРМАЦИЮ

Судя по всему, это была самая огромная цена, которую мистер Скрэгс только мог себе вообразить...

Сердце Ларри замерло, когда он, поднявшись по лестнице к своей комнате, вставил ключ в замочную скважину. Все ли в порядке?

Но как только он вошел, навстречу ему уже радостно неслась Джинкс. На ней была надета его лучшая пижама сиреневого цвета, которая для миниатюрной девушки была настолько большая, что та в ней утопала.

— Здравствуй, дорогой! — поприветствовала она его. — Почему ты так поздно? Я так по тебе скучала!

— Зачем... зачем ты надела это?

— Эту пижаму? Здорово на мне выглядит, правда? Ну ты же мне не оставил никакой сменной одежды, а я устала носить ту же самую два дня кряду!

Комната просто сияла чистотой, и не одного предмета не было видно на его привычном месте. Вся она преобразилась так, будто над ее обликом мастерски поработал какой-то импрессионист. Занавески куполом нависали над диваном, приглашая расположиться под уютным самодельным тентом, а подушки нарочито беспорядочно лежали на полу. Разноцветный шелковый шарфик Джинкс как знамя гордо возлежал на рабочем столе Лори. Маленькая свечка, найденная среди груды его прочих вещей, горела внутри стоящего у подножья дивана аквариума, шлейфами выпускающая через отверстие вверх под потолок вьющиеся струйки дыма.

— Зачем ты все это сделала? — в изумлении пробормотал он.

— А тебе разве не нравится? — с гордостью спросила она. — Твоей комнате так не хватало женских рук. И я подумала, что тебе нужен островок красоты и спокойствия в этом бурном море опасных перестрелок.

Лори рассмеялся, но она лишь спокойно взглянула на него с улыбкой, которая казалась чересчур уж невинной.

— Кстати, насчет телефона, — непринужденно начала она, — тебе лучше его отключить. А то ты тут его оставляешь, а я ведь запросто могу позвонить в полицию!

Лори покраснел, затем побелел, одним прыжком подскочил к телефону и со злостью выдернул провода из стены. Потом, все еще смущенный, повернулся к ней:

— Так что же помешало тебе это сделать?

Она улыбнулась, оскорбительно, но безукоризненно наивно.

— Я хотела, — невинно сказала она, — но у меня попросту не было времени, уж слишком я была занята. — И повелительным тоном добавила: — Снимай пиджак. Ужин готов.

— Что?

— Ужин! И поторопись, уже поздно, а я голодна!

— Но... но...

— Давай же, помоги накрыть на стол!

Через несколько минут он уже сидел за столом, накрытым перед ним пододеяльником, поскольку скатерти в его доме не было. А Джинкс тем временем подносила горячие блюда, чей соблазнительный запах заставил наконец его понять, сколь устал он и оголодал за этот насыщенный событиями день.

— А теперь перестань смотреть на меня такими ошарашенными глазами, — садясь на свое место, сказала она. — Я хороший повар, правда. Заняла первое место по школе. Я не слишком заморачиваюсь по поводу кулинарии, но вот выигрывать первые места я люблю, и не важно, в чем!

— Мне следует поблагодарить тебя, — пробормотал Лори, с аппетитом принявшийся за ужин, — хотя, честно говоря, я не ожидал, что...

— Держу пари, ты в глаза не видал домашних блюд уже не один год, — сочувственно отметила она. — Наверняка ты вечно питался в каких-нибудь барах и салонах, где и встречался со своими подельниками для раздела добычи. Видишь, я все знаю. Там, наверное, подают не лучшую пищу?

— Ну... да... так оно и есть, — беспомощно согласился Лори.

Закончив с ужином, она попросила у него сигарету, откинулась на спинку стула, скрестив ноги в сиреневых пижамных штанах, как какая-нибудь восточная принцесса, и стала пускать вверх изящные струйки дыма.

— Достань-ка чего-нибудь выпить! — велела она.

— О, конечно! — Он подскочил к ней, готовый услужить. — Чего изволите? Чая, кофе?

Она улыбнулась и многозначительно ему подмигнула.

— Ну а все же? — переспросил он.

— Не делай вид, что не знаешь. — Она насупилась.

— И правда не знаю. Ты же не имеешь в виду... что хочешь... крепкие напитки?

— Да необязательно крепкие, просто хоть что-то спиртное!

Лори смотрел на нее разинув рот.

— Так и в чем дело? — нетерпеливо спросила она.

— Я и подумать не мог... что ты захочешь... что ты вообще...

— Хочешь сказать, у тебя ничего нет?

— Совсем ничего.

— Ох, я уже готова повеситься! Называет себя настоящим негодяем, а в доме нет ничего, чем бы можно было просушить горло. Какой же ты тогда гангстер?

— Но мисс Винфорд! Я никогда бы не подумал, что вы...

— Тебе еще многое предстоит узнать, дитя мое, многое!

Лори снова покраснел, но затем вспомнил, что он как-никак злостный похититель и должен вести себя соответствующе.

— Все, не беспокой меня, — приказал он, садясь за печатную машинку. — Мне необходимо заняться кое-

чем очень важным... Держи, — добавил он, достав газету и кинув ей, — тебя это заинтересует.

— Еще как! — воскликнула она. — Газета!

Она прыгнула на диван так, что подушки подскочили, скрестила ноги и склонилась над газетой, почти касаясь ее кончиками длинных волос.

Лори яростно накинулся на печатную машинку, со всей силы стуча по клавишам и набирая давно зревшее в его голове послание. Однако все это давалось ему нелегко. Каждое напечатанное слово казалось ему недостаточно убедительным. Он рвал листы один за другим, начиная все заново; скоро его мусорная корзина была переполнена.

Джинкс то и дело отрывала его от сего увлекательного занятия восхищенными возгласами:

— Смотри, тут моя фотография!.. Ничего себе шума для такого города! Вот же ошалелые люди!.. Не волнуйся, уж эти ослоухие никогда правду не смогут узнать!.. Лиззи Чэттертон, наверное, локти сейчас от зависти кусает, ведь ее никогда не похищали! Скажи, а что там с моей машиной? Кто ее изуродовал и зачем?

— Должно быть, какой-то репортер, — рассеянно бросил Лори. — Так ведь статья выйдет интереснее.

— Ты только послушай, — радостно рассмеялась она. — «Сердце каждого жителя города тревожно бьется при одной мысли о том, что прекрасная девушка находится в лапах ужасного негодяя...» Бог ты мой! Кто такое понаписал? Ха, что за болван этот МакДжи!

Тем временем Лори усердно трудился над злосчастным письмом. Это было непросто, ведь материал о нем должен оказаться на первой полосе. Когда же он наконец закончил работать, то с торжественной улыбкой повернулся к Джинкс и сказал:

— А теперь послушай! Это касается тебя, — и начал читать вслух.

Уважаемый мистер Винфорд!

Я не предлагаю и не прошу, а приказываю вам поступить следующим образом, иначе геенна огненная покажется вам детским лепетом в сравнении с той судьбой, что вам будет уготована. За свободу своей дочери вам придется заплатить мне десять тысяч долларов — тогда и в том месте, которое мне будет угодно. Не смейте даже пытаться мне противостоять, поскольку вы имеете дело с самым опасным врагом, которого когда-либо обретали.

Проклятый Дэн

Джинкс с горящими от негодования глазами вскочила на ноги.

— Как ты смеешь? — воскликнула она. — Как смеешь вымогать у моего отца десять тысяч долларов?

Она в ярости выхватила письмо у него из рук и разорвала на мелкие кусочки.

— Теперь садись обратно, — скомандовала она, пальцем указывая на печатную машинку, — садись и пиши снова и на сей раз требуй сто тысяч долларов!

И пока Лори еще даже не успел пошевелиться, она добавила:

— Подумать только, десять тысяч! Сколь оскорбительно для меня быть выкупленной за столь смехотворную сумму! За такие деньги разве что машину можно купить, да и то потрепанную.

Прошло некоторое время, прежде чем Лори пришел в себя полностью и вернулся за рабочий стол.

— Но и это не все, мисс Винфорд, — строго сказал он, закончив писать еще более дерзкое письмо, — вы тоже напишите письмо своему отцу!

— Да с удовольствием! — охотно отозвалась она.

Он протянул ей листок бумаги и ручку, которой она быстро настрочила обращение: «Дорогой папочка».

— Какой еще «дорогой папочка»?! — вскричал Лори. — Ты понимаешь, что это письмо засветится во всех газетах? Пиши то, что буду диктовать тебе я.

— Ладно, — мило согласилась она.

— Дорогой отец, — томным голосом начал он, — если в твоём сердце осталась хоть капля сочувствия к своей дочери, ты...

— Я никогда так не пишу, — отметила Джинкс.

— Ничего, сейчас напишешь. «...ты сделаешь все, чтобы спасти меня». Восклицательный знак. «Не могу и словом передать, какие мучения я тут пережила». Понятно? «Пожалуйста, молю тебя, отыщи меня». Восклицательный знак. «Если бы ты только мог видеть, каково сейчас приходится твоей дочери...»

— Слушай, а тебе не кажется, что если бы он и вправду это видел, то был бы как минимум удивлен, и совсем не так, как ты этого хочешь.

— Давай, пиши, что говорю! «...каково сейчас приходится твоей дочери, твое сердце бы не выдержало такой боли».

— Да уж!

— Дальше! «Я едва уже могу писать, ведь глаза переполняют слезы...»

— А не слишком ли притянуто за уши?

— «...слезы! Умоляю тебя не жалеть никаких сил на мое спасение!». А теперь подпишись! «Твоя отчаявшаяся дочка...» Да нет же, черт подери! Не Джинкс! «Джулианна Ксения Винфорд».

— Ну вот и все, — сказала она, протягивая ему готовое письмо.

Он прочел его и слегка насупился.

— Давай немножко усилим общее впечатление, — сказал он. — Добавь: «Я ужасно, ужасно несчастна» — и восклицательный знак, даже два! Все? Сворачивай и клади в конверт. Спасибо, мисс Винфорд!

Он положил оба письма в карман и самодовольно улыбнулся. Все вышло даже лучше, чем он предполагал. Разумеется, он не собирался брать у мистера Винфорда деньги, как не собирался и назначать даже место и время встречи. А уж тем более он не думал, что мистер Винфорд согласится распрощаться — куда там с сотней тысяч! — даже с меньшей суммой.

Он расслабленно вздохнул и потянулся.

— Ну все, я пошел спать. Мне завтра вставать рано.

— Ты куда-то пойдешь? — спросила Джинкс.

— Да, а что?

— Я хочу попросить тебя об одной услуге. Купи мне кое-что завтра по пути.

— И что же? Что тебе нужно?

— Раз уж ты намереваешься оставить меня здесь на продолжительное время, то не могу же я вечно ходить в одной и той же одежде, правда? Женщинам всегда кое-что нужно по мелочи. Вот, я даже составила для тебя список.

Он взял в руки список, который растянулся на целых четыре страницы. В нем было указано все, от одежды, тапочек и белья до ночных рубашек, пилок для ногтей и французских духов ценой по сорок долларов за флакончик.

Лори зарделся, с содроганием подумав о том, сколько останется после этих покупок на его банковском счете. Но он был слишком хорошо воспитан, чтобы суметь отказать даме.

— Хорошо, — сказал он более чем скромно, — я все достану завтра же.

— И не забудь, что я хочу огненно-красное платье из шифона и ярко-синее из шелка. И трусики, вот такие же короткие, какие у меня уже есть!

И Джинкс указала на изящное кружевное облачко, которое повисло на выдвинутом ящике его рабочего стола. Она и глазом не моргнула, а вот он покраснел.

— Хорошо, — ответил Лори, — я не забуду... Спокойной ночи, мисс Винфорд.

— И вам спокойной ночи, мистер Проклятый!

IV

— Я все не могу разобраться, в чем тут дело, — едко возмущался Вик Перкинс. — Опрыскайте меня всего средством против насекомых, если вдруг смогу. Во-первых, в его творениях нет ничего гениального. Во-вторых, с тем, что он добирается до новостей первым, ему просто везет, как и любому дураку. Вообще ума не приложу, чего вдруг наш редактор так с ним стал носиться, когда совсем недавно он браковал каждую строку в его статьях. Все это просто выше моего понимания!

Вика Перкинса совсем не радовал такой поворот событий. Очередной утренний выпуск «Диксвильского рассвета» радовал читателей свежими новостями, наиболее значимые из которых принадлежали перу Лоренса Г. МакДжи. Они даже опубликовали его фотографию! В то время как Виктору Э. Перкинсу, до недавних пор лучшему журналисту издательства, были уделены всего две жалкие колонки на третьей странице, в которых он расписывал собственное мнение по поводу произошедшего преступления. И звучало оно тоньше комариного писка в сравнении со звуками ревущего рупора Лоренса Г. МакДжи.

Вскоре Джонатан Скрэгс узнал, что в «Планете Диксвиль» серьезно обеспокоились небывалым успехом столь блистательного репортера. Он узнавал все без исключения новости о похищении раньше своих коллег по профессии. Казалось, он просто знает, когда и главное где искать. Он успел взять интервью и у четы Винфорд, и у прислуги, и у друзей девушки, о пропаже которой по-прежнему писал захватывающие статьи.

Он обеспокоенно предупреждал родителей о том, чтобы те не оставляли своих детей без присмотра, и его вдохновению просто не было видно конца, а саму газету стали с упоением читать все, и стар и млад.

— Мои поздравления, мистер МакДжи, — скоро с ним разговаривал уже сам главный редактор, после того, как мистер Скрэгс объявил о повышении журналисту зарплаты. — Чувствую, вас ждет великое будущее!

— Молодчина, Лори, дружище, молодчина! — в восхищении посмеивался мистер Скрэгс. — У тебя определенно талант, что касается подобных вещей! Да мы все на высоте! Дополнительные тиражи расходятся, как горячие блинчики!

Лори сидел на удобном стуле мистера Скрэгса, возложив свои ноги на стол редактора, и выглядел чрезвычайно скусающим. Некоторые из сотрудников «Рассвета» выкроили время для того, чтобы собраться всем вместе и поздравить нововзшедшую звезду. Лори курил одну из сигар мистера Скрэгса, и его от нее воротило, но смотрелся он просто потрясающе.

— Твои статьи — просто роскошны! Они... изумительны по своей простоте и великолепию! — смущенно бормотал какой-то воодушевленный худосочный практикант.

— Как ты это проворачиваешь? — грубо поинтересовался Вик Перкинс.

— Мне просто воздается за мои труды, — скромно отвечал Лори.

— Ах, мистер МакДжи, — запричитала Аврелия Д. Баттерсмит, считавшаяся прекрасным воплощением женского начала в суровом мужском коллективе, носившая огромные очки и не разу не целованная. — Я готовлю историю о личности мисс Винфорд. Как вы думаете, можно ли охарактеризовать ее как «дивный ландыш, стебелек которого даже легкое дуновение ветерка может сломить»? Такое описание ей подходит?

— Определенно, мисс Баттерсмит, — отвечал Лори. — Еще как!

— Настоящий подарок прямоком с небес! — по-прежнему пребывал в восторге мистер Скрэгс. — Если уж по-честному, я бы пожал руку тому парню, который все это провернул!

Ведь этим самым утром мистер Скрэгс снова услышал такие новости, которые заставили его буквально подскочить в своем кресле. Лори стремительно ворвался в офис и со сверкающими глазами чуть ли не пропел:

— Еще одна статья! Скорее! У меня письмо от похитителя мисс Винфорд!

— Ох, чтоб мне пусто было! — все, что смог вымолвить мистер Скрэгс в ответ.

По счастливому стечению обстоятельств никто в редакции не обратил внимания на то, что оба письма попали к ним на полчаса раньше, чем почтальон занес их копии мистеру Винфорду.

Пока печатался дополнительный тираж, Лори снова вышел из офиса, как он выразился, «в поиске новостей». Но на сей раз он отправился искать их в большом универмаге Харкдоннерс.

И там Лори подумалось, что если он и заслужил наказание за содеянное, то часов, проведенных им в этом магазине, с лихвой хватило для того, чтобы это искупить. Он бродил от ряда к ряду с листком Джинкс в руках, покрываясь потом ото лба до спины и краснея, как помидор. Ему казалось, что он вот-вот станет зайкой на всю жизнь, стоит ему наконец собрать все необходимое. Он не осмеливался даже поднять глаза на продавщицу, опасаясь, что она тоже окажется такой же смущенной.

— Это... для моей жены... да, для жены, — безнадежно повторял он, надеясь, что никто его в этом магазине не застанет.

Но как всегда происходит в подобных случаях, рядом, как назло, оказались двое других репортеров из «Рассвета». Они проходили мимо, увидели его за стойкой с женским бельем, помахали ему и, украдкой рассмеявшись, многозначительно подмигнули.

И он был уже готов убить продавщицу, которая с понимающей ухмылкой предложила ему взять еще и большой чемодан.

Наконец, раскидав все вещи по четырем коробкам и взяв по две под каждую руку, Лори вышел из магазина, затем сложил коробки в свою верную спортивную машину, где ее никто не мог увидеть, и пошел обратно в офис «Диксвильского рассвета».

Хорошее расположение духа вернулось к нему уже по дороге. Имя Проклятого Лэна засветилось по всему городу. Оно было слышно из горячих шепотков переговаривающихся на главной улице людей. Пробегало по всему городу, как искра по фитилю динамитной шашки, которая вот-вот должна была взорваться и повергнуть весь Диксвиль в панику. И в Лори проснулась гордость.

Кроме того, он заметил, что многие люди на улицах стали обращать на него внимание и даже показывать на него пальцем, говоря друг другу:

— Да это же тот самый репортер, который пишет такие первоклассные статьи в «Рассвете»!

А две молодые девушки даже набрались достаточно смелости, чтобы остановить его.

— О, мистер МакДжи! — пропела одна из них сладким голосом. — Простите нас за прямоту, но мы вас сразу знали и не могли не подойти, чтобы попросить вас рассказать об этом ужасном преступлении. Вы правда думаете, что этот страшный человек действительно настолько страшен?

— Как вы думаете, нам всем, девушкам, тоже угрожает такая опасность? — судорожно выдохнула вто-

рая красавица. — Ваши истории такие увлекательные. И я подумала: «Вот тот человек, который нас защитит!»

И было так сложно определить наверняка, чем скорее были вызваны их ослепительные улыбки и восхищенные взгляды: тем, как им понравились его статьи, или как понравился он сам, привлекательный сероглазый молодой человек с полными искушающими губами.

Итак, Лори наконец вошел в офис «Рассвета», с высоко поднятой головой, насвистывая невпопад какую-то мелодию, с гордым видом завоевателя, уставшего от своих побед.

— Эй, где черти тебя носили? — окрикнул его копировальщик, столкнувшись с ним на лестнице. — Редактор рвет и мечет в поисках тебя!

Лори быстро вошел в общую комнату, с его лица не сползала довольная улыбка.

— Ты, близорукий слепой болван! — кинул ему вместо приветствия мистер Скрэгс. — Безмозглый недоумок, чья голова сеном набита!

— Ч-ч-что такое, мистер Скрэгс? — чуть не задохнулся Лори.

— Какого черта? — прокричал мистер Скрэгс. — Какого черта ты вырезал из письма мисс Винфорд последнюю часть?

— Какую часть?

— Почему ты вырезал второй постскриптум?

— Второй постскриптум?

— Ну-ка смотри сюда. — И мистер Скрэгс кинул ему свежий выпуск газеты «Планета Диксвиль», который только недавно вышел из печати, в котором также были опубликованы оба письма, но те, что получил мистер Винфорд. Лори отыскал глазами письмо Джинкс и стал читать:

Дорогой отец!

Если в твоём сердце осталась хоть капля сочувствия к своей дочери, ты сделаешь все, чтобы спасти меня! Не могу и словом передать, какие мучения я тут пережила. Пожалуйста, молю тебя, отыщи меня! Если бы ты только мог видеть, каково сейчас приходится твоей дочери, твоё сердце бы не выдержало такой боли. Я едва уже могу писать, ведь глаза переполняют слезы. Умоляю тебя не жалеть никаких сил на мое спасение.

Твоя отчаявшаяся дочка,
Джулианна Ксения Винфорд

P.S. Я ужасно, ужасно несчастна.

P.P.S. Держи карман шире!

— Когда же я осведомился об этом, — отметил мистер Скрэгс, — в «Планете» мне ответили, что мистер Винфорд сказал им: «К несчастью, я признаю стиль самовыражения своей дочери лишь в последнем предложении!»

Этим вечером Лори вернулся домой мрачнее тучи. Он молча кинул на пол все четыре коробки и, не ответив на приветствие Джинкс, рухнул на диван, повернувшись спиной к ней.

— О, как это мило с твоей стороны! — воскликнула Джинкс, кинувшись к коробкам.

Через считанные секунды гостиная словно превратилась в винегрет из женской одежды после землетрясения. А Джинкс сидела на подоконнике и заинтересованно рассматривала свои новые вещички, сплошь из шелка и тонких тканей.

— Боже мой! А это что? — внезапно вскрикнула она.

И она вытащила из коробки ночную рубашку, которую выбрал для нее Лори. В качестве оправдания он мог заявить, что понятия не имел, что носят девушки ночью, и потому выбрал самую красивую рубашку во всем мага-

зине, необыкновенно большую, фланелевую, с длинными рукавами, высоким воротником, маленькими кармашками и достойным покровом, к которому не нашлось бы претензий даже у самой щепетильной бабушки.

— Что это, по-твоему, эскимосский плащ? — нахмурившись, спросила Джинкс, помахав рубашкой перед глазами Лори.

— Но... — смущенно пробормотал он.

— Ты когда-нибудь видел девушку в такой ночнушке? — взорвалась она.

— Нет, не видел! — резко ответил он.

Его лицо было мрачным и безразличным. И оно ни капли не изменилось даже после того, как Джинкс вернулась с кухни, унеся туда все свои вещи, одетая в одно из новых платьев.

Это было то самое огненно-красное платье из шифона. Будто бы небольшое плотное облачко красного дыма окутывало ее стройную талию, а дальше платье ниспадало до колен широкими волнами, обвиваясь вокруг ее ног озорными язычками пламени. Она стояла неподвижно, слегка запрокинув подбородок. По голове у нее словно пронесся ураган. Она приоткрыла рот, и ее губы выглядели влажными, как лепестки дивного цветка; глаза ее странно блестели, игриво, напряженно и вожделенно.

— Тебе нравится? — мягко спросила она.

— Да! — снова безразлично сказал он, даже не посмотрев на нее.

Она рассмеялась, включила «Виктролу», и ударил джаз.

— Давай потанцуем! — предложила она.

Лори круто повернулся к ней.

— Зачем ты написала второй постскрипtum? — спросил он.

— Ах, это... Разве это было не умно? — рассмеялась она, танцуя по всей комнате, и ее тело прерывисто

двигалось в фокстроте. — Ты же не злишься на меня... Дэнни?

— Пожалуйста, перестаньте танцевать, мисс Винфорд! Вы хотите, чтобы нас услышали соседи?

— Не называй меня мисс Винфорд!

— А как иначе? И оставь в покое это укулеле! Вы весь дом разбудите, мисс Винфорд!

— Меня зовут Джинкс!

— Теперь ясно почему!

Она снова рассмеялась. В один грациозный прыжок она приземлилась на колени перед его ногами и привлекла его голову к себе маленькими, но сильными руками.

— А сейчас, Дэнни, — нежно прошептала она, касаясь прядями волос его щек и глядя ему прямо в глаза, — улыбнись, пожалуйста, хоть разок!

Он совсем этого не хотел, но просто не мог удержаться и таки улыбнулся. Когда Лори улыбался, на его щеках проступали ямочки, веселые, как солнечные зайчики, а в его глазах начинали сверкать непослушные огоньки. А взгляд Джинкс тем временем словно показался ему каким-то одержимым, даже голодным.

Она рывком подняла его на ноги и взяла его за руки, и вместе они понеслись танцевать дальше в бешеном ритме фокстрота. Он подчинился и от всей души рассмеялся. Они скользили и крутились по всей комнате. «Виктрола» все играла и играла, и рев джазового оркестра не умолкал, побуждая танцевать и танцевать, без остановки. Руки Лори уверенно лежали на ее изящной талии, до него доходил едва уловимый аромат духов. А Джинкс прижимала его к себе все ближе и ближе.

Они танцевали до тех пор, пока у них наконец не выдержали ноги, и затем они оба упали на диван, под самодельный тент из оконных занавесок, который смастерила Джинкс. Она глядела на него с улыбкой, и у нее были такие вдохновленные, нетерпеливые глаза.

— Вы великолепно танцуете, мисс Винфорд, — сказал он.

— Благодарю! Вы тоже, — невыразительным тоном ответила она.

— Вы устали?

— Нет! — решительно сказала она.

Несколько минут они молчали.

— Ты когда-нибудь до этого похищал девушку?

— А почему вам вдруг захотелось узнать об этом? — поинтересовался он.

— Мне вдруг стало интересно, целовали ли вы когда-нибудь этих девушек?

— Смею заверить, что касается этого, то вам нечего бояться! — ответил он с искренним возмущением.

И он не мог понять, что значил ее следующий взгляд...

Они снова танцевали, затем он играл на укулеле и пел ей все песни, которые только знал, после она пела те, что не знал он, а затем они пели вместе. Она научила его новому танцу и снова отметила, что Лиззи Чэттертон упустила свой шанс, не дав себя никому украсть.

Когда он наконец растянулся на своем горном ложе на кухне и выключил свет, Лори как-то осознал, что его совсем не тянет в сон. Легкий аромат духов манил его, будто простираясь к нему из соседней комнаты, и он посмотрел на прикрытую дверь.

— Ой!.. Дэнни! — послышался испуганный крик из гостиной.

Он подскочил и побежал к ней. Она кинулась к нему и обняла его, дрожа и побуждая его сесть на колени рядом с диваном.

— Ох, я услышала шум... как будто кто-то был в зале, — прошептала она с почти натурально сыгранным ужасом.

Ее одеяло почти упало на пол, и сама она, дрожа, прильнула к нему, напуганная и беззащитная. Он

слегка сжал руками ее ночную рубашку, и его пальцы ощутили под ней упругое тело. Он почувствовал бие-ние ее сердца между своих пальцев.

—Здесь никого нет... Чего же ты боишься... Джинкс? — спросил он.

—Ох, — она едва слышно выдохнула, — я боюсь, что может нагрянуть полиция!

Когда Лори вернулся на кухню, он с удивлением отметил, что дрожит и что ему вообще стоило огромных усилий вернуться туда.

«Как бы я хотел, — подумал он, закрывая глаза, — как бы хотел, чтобы полиция никогда сюда не добралась... и теперь у меня более чем достаточно причин для этого».

V

—Свежие номера! Дополнительный тираж!

Следующим утром солнце на небе столь ослепительно светило Лори прямо в глаза, что поначалу он не обратил внимания на зловеющий шум на улице, который раздавался прямо под окнами. Небо было необыкновенно голубым, и в дневном свете его стол казался отлитым из золота. Он вернул себе расположение мистера Скрэгса, написав великолепную историю о загадочной личности Проклятого Дэнни. Теперь он занимался уже другой статьей, и другие начинающие журналисты с почтением посматривали в его сторону как на настоящего профессионала.

Потому, когда на улице неожиданно раздался шум и какие-то крики, предвещаая, без сомнения, знаменательные события, Лори этим не обеспокоился и лишь продолжил думать о том, что такого интересного было в дополнительном тираже у «Планеты Диксвиль».

Но долго в этом расслабленном состоянии ему пробыть не удалось. Его немедленно вызвали в кабинет мистера Скрэгса. У него на сердце словно камень рухнул, когда он увидел лицо редактора. Он понял, что случилось нечто страшное, очень-очень страшное.

— И какие у тебя извинения припасены? — со зловецким спокойствием спросил мистер Скрэгс.

— Извинения... о чем вы? — невнятно пробормотал Лори, следя за его голосом.

— Мне казалось, что вы занимались освещением дела Винфорд, молодой человек, не так ли?

— Ну... да...

— Тогда как вы объясните тот факт, — наконец сорвался на крик мистер Скрэгс, — что жалкая нищесбродная газетенка под названием «Планета Диксвиль» получает очередные новости об этом деле раньше нас?! — И он помахал свежим выпуском упомянутой газеты перед лицом Лори.

— Новости, мистер Скрэгс? Касательно дела Винфорд?

— И какие!.. Или вам не кажется, что второе письмо, полученное мистером Винфордом от похитителя, подпадает под определение новостей?

— Что?!

— Ты слышал, что я сказал! И в этом письме ему приказывают достать деньги к сегодняшнему же вечеру!

Потолок вдруг поплыл перед глазами у Лори, он выхватил из рук редактора номер из дополнительного тиража, едва не разорвав его, и стал читать. Этим утром мистер Винфорд получил второе письмо от Проклятого Дэнни, где было четко указано время и место, в котором ему должны передать деньги. Мистер Винфорд согласился, заявив, что он лучше станет искать деньги, чем свою дочь. По этой же причине он отказался оглашать условленное время и место. «Планете Диксвиль» удалось установить только то, что похититель

написал письмо карандашом на куске коричневой оберточной бумаги и что оно начиналось следующими строками:

Дорогой сэ, хватит валять дурака. Приходите с баблом, и пусть оно непременно будет звонким, а не то вы круто пожалеете, что не послушались меня...

И было подписано:

Весь искренне ваш
Проклятый Дэн

Лори качнулся на каблуках, и мистера Скрэгса удивил цвет его лица.

— Это же... это просто невозможно! — прохрипел он. — Невозможно!

— Что невозможно? «Планета» получает материал первой, пока ты спишь на работе!

— Но... но этого просто не может быть, мистер Скрэгс! Боже! Да не может этого быть!

— Это почему?

Лори медленно выпрямился, напрягшись, как струна.

— Где-то происходит нечто ужасное, мистер Скрэгс, — выпалил он, побелев. — Нечто ужасное!

— Да уж, ясно дело, — отвечал ему мистер Скрэгс. — Только скорее здесь, в моем офисе, из которого ты скоро вылетишь головой вперед, если снова прозеваешь такую важную новость!

Прошло восемь часов спустя этой беседы, восемь часов Лори мотался по всему городу в поисках какого-нибудь свидетельства о том, что именно там или здесь затевается нечто необъяснимое. Он был слишком шокирован, чтобы осознавать, что делает. Ему даже стало интересно, не сходит ли он часом с ума, что само по себе казалось ему нелепостью. Он дотошно искал лю-

бой намек, любое подозрение или объяснение тому, что должно было произойти.

Он взял интервью у мистера Винфорда и смог разглядеть первую часть письма, написанного на коричневой оберточной бумаге; он брал интервью у полицейских, он буквально носился по всему городу, охотясь за новостями по делу Винфорд, в поисках того самого Проклятого Дэнни, кем был он сам! От одной мысли об этом он был готов расхохотаться, если бы события не приобретали столь печальный оборот.

И к тому моменту, как он вернулся в редакцию «Рассвета» к шести часам вечера, он так ничего и не выяснил. Солнце садилось далеко, за углом главной улицы города, и солнце посылало алые отблески на лобовые стекла автомобилей, мчащихся на запад. Движение, как обычно, было не плотным, а окна закрывающихся магазинов уже начали темнеть. Но Лори никак не мог отделаться от мысли, что где-то в этом городе, на какой-то тихой улице его молчаливо поджидал страшный рок.

— Нет, — сказал мистер Скрэгс, — я не могу сегодня отпустить тебя домой. Ты нужен нам здесь. Скоро всплывет суровая правда, я уверен. Отпускаю тебя поужинать на час, и чтоб потом ты был тут. Не слезай со следа Винфорда, чтобы первым узнать, чем окончилась сделка. И постарайся успеть к утру со статьей!

Лори пошел домой, засунув руки в карманы, с головой погруженный в нелегкие мысли. Что ему теперь было делать? Он не мог позволить, чтобы мистера Винфорда ограбили на такую большую сумму, ограбили и провели, ведь он знал, что второй Проклятый Дэнни не доставит к месту никакую Джинкс. Но как же этого не допустить? Он не решался действовать открыто, чувствуя, что за ним следят, но понятия не имел кто.

А все равно, решил он и гордо запрокинул голову, бормоча сквозь крепко сжатые губы:

— Но если этот вшивый болван думает, кем бы он ни был, что может испугать меня, то его ожидает сюрприз, который он надолго запомнит! Я узнаю, что за игру он ведет, и очень скоро!

— Поздравляю, дружище! — сказал кто-то низким голосом совсем рядом с ним.

Он мгновенно остановился и развернулся. Высокая темная фигура возвышалась над ним в обступающей со всех сторон тьме. На голову этой фигуры была нацеплена кепка, слишком маленькая для такой головы. Она была одета в какие-то потрепанные вещи, пропахшие виски. У этого человека было плоское лицо, глубоко посаженные глаза и сломанный, как у боксера, нос. Лори сразу понял, что перед ним Курносый Томсон.

— Сэр? — равнодушно переспросил Лори, пятясь назад от его внушительной ухмыляющейся фигуры.

— Да, дружок, признаю, это было ловко, — сказал с усмешкой неприглядный мужчина.

— Да о чем вы? Я вас не знаю! К кому вы, по-вашему, обращаетесь? — резко отозвался Лори.

— К Проклятому Дэну его собственной персоной! — радостно ответил Томсон.

Лори хотел ответить, но не смог разинуть и рта.

— Да, провернул это дельце, лакомый кусочек, тогда как уйма других ребят не знали, как к этому подступиться, — продолжал мужчина. — А ты ловкий малый для любителя!

— Я понятия не имею, о чем вы говорите! — пересилил-таки себя Лори и тут же удивился, как спокойно звучал его голос. — Оставьте меня! Вы пьяны!

— И то правда. Только вот мне без разницы, — тихо ответил Курносый Томсон. — И лучше бы ты не пытался подставить меня, мальчишка, ведь я знаю то же, что и ты. Но я не хотел задеть тебя, совсем наоборот, я высказывал свое восхищение. Если ты так хорошо начал, то далеко пойдешь, друг!

— Я не понимаю вас, — все еще настаивал на своем Лори. — Вы перепутали меня с кем-то другим!

— Да нет же! Теперь слушай сюда, у меня предложение: давай станем партнерами по этому делу?

— Ты рехнувшийся дурак! Если ты думаешь...

— Да хватит уже, я о деле говорю! Я прекрасно знаю, что ты тот парень, кто пишет все эти байки в газетенках, и что у тебя дома заперта девка Винфорд. Все это очень умно обставлено, я согласен!

— Но...

— А если ты хочешь узнать, как мне это стало известно, то все довольно просто: я листал эти газетки от корки да корки и подметил, что ты всегда обо всем пронохиваешь первым. Мне подумалось, что это забавно, ведь никто об этом парнишке до недавних пор не слышал. А затем я увидел, как ты горой скупаешь всякое девичье шмотье в магазине, хотя у тебя подружки-то сроду не было! И я как раз плюнуть проследил за тобой до дома, а там в окне увидел ее!

— А ну-ка замолчи! — продолжил он, не дав Лори сказать в ответ ни слова. — Даже не пытайся одурачить меня! Вот, что имеет значение: это я написал второе письмо дяде Винфорду, и он притащит сегодня все свои деньжата ровно в час ночи. Ты приводишь туда же девку, и мы делим всю сумму напополам!

— Тебе по-прежнему достанется куча бабла, — добавив он, наблюдая за молчащим Лори. — Не помню никого, кто бы получал половину всей доли на первом же своем деле!

Лори внимательно и спокойно посмотрел в глаза мужчине.

— Ну хорошо, раз уж ты так хорошо обо всем осведомлен. — Глаза его были холодны и неподвижны. — А что скажешь, если я отвечу отказом?

— Не ответишь, — убежденно сказал Курносый Томсон, — потому что иначе я пойду к копам и расскажу

все, что знаю об этом. И мне все равно заплатят, пусть всего пять штук. Так что лучше принимай мое предложение.

— Что же, — сказал Лори, — принимаю!

— Здорово, дружище! Ну а теперь...

— Принимаю его на одном условии: ты дашь мне еще сутки, мы встретимся с Винфордом в то же самое время, но завтра.

— Почему я должен тебя слушать? — запротестовал Курносый. — Я не хочу ждать!

— Тогда иди же в полицию и выдай им меня и получи свои пять тысяч вместо пятидесяти, которые мог бы получить завтра. Я не приведу девушку до завтрашней ночи, и таково мое последнее слово!

— Что ж, хорошо, — сказал Курносый после некоторого раздумья. — Пусть будет завтра. Встречаемся здесь в то же самое время, и девку не забудь.

— Конечно! — сказал Лори. — Спокойной ночи, партнер!

— Ночи!

Тьма сгущалась, и Курносый Томсон пропал за углом так скоро, что через минуту-другую Лори уже не слышал его шагов. Вокруг не было ни единого свидетеля их краткой и неожиданной встречи. Одинокие фонари едва освещали двустороннюю улицу, которая постепенно скрывалась во мраке вслед за угасающей линией ржавого горизонта.

Холодный пот прошиб Лори. Он побежал домой. Но когда он вошел в квартиру, его разум прояснился.

— Забирай свои вещи и иди за мной, — сурово сказал он Джинкс.

— Куда? — спросила она.

— Я решил отвести тебя обратно к родителям, этой же ночью!

— Плохо то, — мило сказала она с сочувственной улыбкой, — что я туда не пойду.

Он сделал шаг назад и уставился на нее, широко раскрыв глаза.

— Что ты только что сказала? — переспросил он.

— Только то, что я не пойду, — твердо повторила она, — вот и все!

— И как... как это понимать?

— О, как угодно, абсолютно как угодно!

— Ты имеешь в виду, что не хочешь... быть свободной?

— Нет! Мне нравится быть заключенной... твоей заключенной!

В комнате горела лишь одна тусклая лампа. На ней было шелковое платье ярко-синего цвета, оно слегка блестело в полутьме, как светлячок.

— Дэнни, — мягко сказала она, — ты ведь не отошлешь меня, правда?

Он не ответил, с удивлением чувствуя, как сердце ожесточенно бьется у него где-то на уровне горла. Она насмешливо улыбнулась:

— В одном том, чтобы быть похищенной, нет никакой особой прелести!

— Но, мисс Винфорд...

— Ты понимаешь, что раз я твоя заключенная, то ты можешь делать со мной все, что пожелаешь?

Он молчал.

— Эй ты, Проклятый Дэн, — выкрикнула она ему прямо в лицо. — Неужели ты не воспользуешь тем, что невинная девушка находится в твоей власти?

Он резко повернулся и с дразнящим, опасным любопытством взглянул ей в глаза, и для нее это чувствовалось так, будто он до боли сжимает в руках ее сердце.

Она стояла ровно, неподвижно, сверкая глазами в ожидании.

«Ты не имеешь на это права! Не имеешь права! О чем ты только думаешь?» — беззвучно кричало его я.

Он отвернулся.

— Пошли, я отведу тебя домой! — резко приказал он.

— Не пойду! — отрезала она.

— Ты не пойдешь? — Он в ярости повернулся к ней. — Ты, ужасное мелкое создание! Хуже тебя я на свете не видывал! Я рад, что избавлюсь от тебя! Ты пойдешь со мной, слышала!

— Он железной хваткой взял ее за запястье, но она обернулась вокруг себя и тесно прижалась к нему.

— Дэнни! Я не хочу уходить! — Она едва дышала и была так близко к нему, что накал этих фраз он скорее почувствовал на губах, чем услышал.

А затем он закрыл глаза и прильнул к ее губам и подумал, забирая ее в свои объятия, что, наверное, раздавит ее хрупкое тело.

— Джинкс... дорогая... дорогая!

— Дэнни, ты неповторим! Ты просто само обаяние...

Казалось, они были отрезаны от всего остального мира этим небольшим самодельным тентом, нависающим над диваном, и не только им. Он закрыл ее от всех своими руками, словно смыкая ворота замка за теми единственными двумя живыми существами, которые могли пройти через них. Они смотрели друг на друга искрящимися от смеха глазами. И он говорил ей самые искренние слова, которые только способны сорваться с людских губ, о чувствах, для выражения которых слов и вовсе не нужно.

И Лори забыл обо всем на свете, включая то, что он был репортером...

Только в десять минут девятого он вспомнил.

— Бог ты мой! — вскричал он и подскочил. — Я же опоздаю к сроку.

— Какому сроку?

— Такому! Я должен бежать! Любимая, я очень скоро вернусь!

— Ох, тебе правда нужно идти? Только тогда поторопись, ты же знаешь, как я буду по тебе скучать, любимый!

Лори добрался до своей машины и поехал в редакцию так быстро, как только мог. Он был слишком счастлив, чтобы думать о чем-либо еще. Его душа пела, ревел двигатель мотора. Машину несло от зигзага к зигзагу, она подпрыгивала так радостно, будто впервые выбралась на волю. Другие водители бранились ему вслед, но Лори только смеялся, откинув голову.

Затем он вспомнил, что у него не было статьи для мистера Скрэгса. Он схватил записную книжку и стал быстро набрасывать в ней слово за словом. Чудом было то, что он добрался до офиса «Рассвета» без аварий, притом, что держал руль одной рукой, в другой у него была записная книжка, разум его был вовлечен в работу, а сердце отчаянно билось при воспоминаниях о произошедшем дома.

— А вот и мы! — зловеще воскликнул мистер Скрэгс, когда Лори ворвался в офис.

Самого Лори до сих пор переполняло счастье, и он даже не заметил грозовой тучи, нависшей над ним.

— Да, я вовремя, разве нет? — радостно объявил он.

— Вовремя? А что насчет новостей?

— Новости? А, да, конечно, новости! Есть! Самые сенсационные, мистер Скрэгс! Винфорд пришел в условленное место, но Проклятого Дэна там не оказалось!

В офисе повисла такая гробовая тишина, что Лори невольно оглянулся, явно удивленный.

— Я хочу знать, — медленно сказал мистер Скрэгс напряженным голосом, дрожа от холодной ярости и еле сдерживаясь, — я хочу знать, откуда берутся твои чертовы новости!

— А что... в чем дело?

— В чем дело? Тупоголовый недоумок, полный идиот! Ни в чем особенно, за исключением того, что номер «Планеты Диксвиль» вышел с полчаса назад, и там...

— Ох, правда?..

— ... и Проклятый Дэн пришел-таки на встречу, ты, вонючий кусок репортера!

— Он... пришел?

— Где ты шлялся все это время, ленивый молокосос? Разумеется, он, пришел, но не привел девчонку, потому получил некоторую часть суммы и пообещал привести ее позже!

У Лори просто не было сил как-либо отреагировать или что-либо сказать в ответ: он молча стоял с закрытыми глазами, безнадежно опустив руки.

— На самом деле, — добавил мистер Скрэгс, — он пообещал привести ее через час!

— Что? — Лори подпрыгнул к нему так, будто готов был задушить его.

— Я хочу знать, — кричал в безумном удивлении мистер Скрэгс, — что за причина твоего странного... Какого черта?! Эй! А ну стой! Немедля вернись! Куда ты пошел?

Но Лори его не слышал. Он метеором спустился по лестнице на улицу, сел в спортивную машину...

Его квартира пустовала, когда он добрался туда. Аромат духов Джинкс до сих пор витал где-то в воздухе. Пара красивых тапочек была заброшена на стул. Подушки на том диване, где они сидели вместе, были смяты...

На столе он нашел записку.

Дорогой партнер, я изменил свое решение. Зачем же мне ждать еще целый день, когда я могу все проверить сегодня же? В качестве компенсации я вышлю тебе часть бабла позже. Бывай, спи сладко. Не вопи на каждом углу, иначе я тоже завоплю.

Курносый Томсон

VI

— Вы, господа из прессы, — сказал мистер Винфорд Лори, — мне так изобретательно досаждают, должен признаться. Вы должны понимать, что я и без того не в настроении давать вам интервью и делиться информацией на всю эту большую тему... Нет, повторяю, тот, кто называл себя Проклятым Дэном, не пришел на вторую встречу, хотя обещал быть через час. Я безтолку прождал его и затем вернулся домой. Вот и все, что мне известно... Но мне бы хотелось, чтобы вы, молодой человек, не были столь настырны, поскольку ваши визиты ко мне стали происходить чрезвычайно часто.

Лори в безнадежности уставился на него.

— И на вашем месте, — строго добавил мистер Винфорд, — прежде чем трезвонить в дверь поутру, я бы хоть немного приводил себя самого в порядок.

Лори скользнул бездумным взглядом по большому мраморному залу резиденции Виндфора и наткнулся на зеркало. В нем отражался измученный молодой человек с растрепанными волосами, непослушные и мокрые пряди которых свисали ему прямо на лоб; на голове у этого молодого человека задом наперед сидела кепка, рубашка у него была расстегнута, а галстук болтался где-то на плече.

Этот вид его несколько не смутил, у Лори уже столько всего приключилось за день, что на внешний вид он попросту не обращал внимания. Последним ударом для него стало то, что когда он помчался к мистеру Виндфору напрямиком из своей квартиры, то обнаружил, что Джинкс там нет, один лишь ее отец, только что вернувшийся с несостоявшейся второй встречи с Курносым Томсоном. Почему же этот подонок не пришел на встречу? Почему? Теперь Джинкс была в его власти. Что же произошло?

Лори с почтением поклонился мистеру Винфорду.

— Прошу прощения, мистер Винфорд, — сказал он бесцветным голосом. — Я кое из-за чего серьезно расстроен... Спасибо за информацию... Спокойной ночи.

Он развернулся и зашагал прочь, оставив позади большой мраморный зал резиденции мистера Винфорда, его самого, возвышающегося рядом с величественными колоннами, и миссис Винфорд, тихо плачущую где-то в соседней комнате.

Его спортивная машина грохотала, как сумасшедшая, но мчалась дальше по дороге, покрытой гравием, спускаясь вниз с холма, на котором стоял особняк, мимо фонтанов, булькающих в темноте, прочь к мерцающим огонькам города у подножья.

С каждой секундой его лицо мрачнело все сильнее. Выражение его лица теперь было спокойным и неумолимым. Сейчас он мог предпринять только одно — и он на это решился.

Он поехал прямо в штаб-квартиру полиции, чтобы направить их по следу Курносого Томсона. Он знал, что как только его схватят, то тот обязательно выдаст и его самого. Впервые он почувствовал холодок, пробежавший по его спине, при мысли о тюрьме. Так вот какая судьба была ему уготована! Этот будет такой оглушительный конец для его журналистской карьеры, которая начиналась так замечательно! А теперь похититель, преступник, заключенный... Что же, и все-таки это было необходимо сделать!

Он не колебался ни секунды, поскольку вся причина, толкнувшая его на этот поступок, выражалась в одном имени — Джинкс! Все его естество в этот момент переживало лишь за ее судьбу. Где же она сейчас и что с ней? Он прикрыл глаза, чтобы перед ними не маячил образ Курносого Томсона...

В офис главного инспектор Рафerti Лори вошел с гордо поднятой головой, абсолютно спокойный и

решительный, как генерал, готовый к смертельной схватке, в предвосхищении знаменательного момента.

— Зовите своих людей, инспектор, — велел он, — чтобы арестовать похитителя мисс Винфорд.

— Ну вот теперь кошки-мышки! — воскликнул главный инспектор Раферти.

Все секретные места, где прятался Курносый Томсон, были давно известны полиции, и им не составило особого труда быстро прочесать их все. Даже сам инспектор Раферти отправился со своими ребятами в предвкушении поворотного момента в своей карьере. Его сопровождали двое крепких полицейских.

Лори, до конца верный своему долгу, кинулся к телефону.

— Мистер Скрэгс? — закричал он в трубку, когда на том конце провода ответили. — Это говорит МакДжи! Немедленно пошлите лучших своих людей к штаб-квартире полиции! Похоже, у нас тут поворотный момент во всей этой истории!.. Нет, я не смогу освещать его!.. Скоро вы узнаете почему!.. Прощайте! И торопитесь!

Настолько был велик общий интерес к этому делу, что вслед за инспектором Раферти и его свитой, а также Лори к месту прибыл сам мистер Джонатан Скрэгс, на ходу выпрыгивая из такси и присоединяясь к уже вышедшей из штаб-квартиры компании. С ним приехал и Вик Перкинс.

— Итак, Курносый Томсон и есть Проклятый Дэн? — поинтересовался мистер Скрэгс, с ноткой разочарования в голосе, когда они мчались в полицейской машине по темным улицам. Сирена выла не смолкая.

— Ну, не совсем так. Но Проклятого Дэна вы тоже скоро найдете, — ушел от прямого ответа Лори.

Они обнаружили Курносого Томсона в задней комнате какого-то жалко выглядящего многоквартирного

дома. В комнате было всего лишь одно окно, пыльное стекло в котором было разбито. На столе горела маленькая газовая лампа, света которой едва хватало, чтобы рассмотреть крупную фигуру навалившегося на стол Томсона. Он был один.

— Где мисс Винфорд? — вскричал Лори.

Курносый поднял свои туманные глаза на всю группу людей, закрывшую собой дверной проход, и первым звуком, который он узнал, был лязг стальных наручников.

— Значит, ты все же стал драть глотку, черт тебя дери, так? — заорал он и кинулся на Лори, но полицейские вовремя перехватили его и защелкнули на больших волосатых руках наручники.

— Где девушка? — угрожающим голосом спросил его инспектор Раферти.

— Девушка? Девушка ушла, черт ее дери, сбежала от меня!

— Как она смогла сбежать?

— Как смогла? Боже ты мой! Меня удивляет разве что то, как этот яйцеголовый смог удерживать ее в своем доме трое суток! — И он потрянул кулаком в сторону Лори.

— Что это значит? — воскликнул мистер Скрэгс.

— Ха-ха! А вы и не знаете, верно? Проклятый Дэн — это ведь он, собственной персоной! Пожмите друг другу руки и познакомьтесь! — И он свирепо рассмеялся, глядя Лори в лицо.

— Он явно не в своем уме! — снова воскликнул мистер Скрэгс.

— Кто тут не в своем уме, ты, старый дурак? Да, я украл девчонку, но украл у него! Он все это провернул! Думал небось, что я не стану на тебя докладывать, ты, двуличный дурень!

Пять пар глаз уставились на Лори, а он смотрел им в ответ спокойно, стоя совсем неподвижно. Он не же-

лал отрицать этого, зная, что его вину можно будет очень легко доказать.

— Но... Лори... Почему? — чуть не задохнулся на вздохе мистер Скрэгс.

Лори тихо протянул руки инспектору Раферти, чтобы тот надел на него наручники.

— Господи Боже, помилуй! — тихо прошептал мистер Скрэгс.

— Попался горяченьким! — добавил Вик Перкинс...

Все время по дороге в тюрьму Лори провел в молчании, а те пятеро не осмеливались на него взглянуть. Курносый сопел где-то в углу.

Большая ржавая дверь серого здания тюрьмы с лязгом распахнулась, заглывая Лори внутрь, в свою огромную пасть, полную острых стальных зубов. Инспектору Раферти пришлось хлопнуть дежурного по спине, чтобы вывести из транса, в которой тот впал, узнав о том, кто стал новым заключенным.

Когда дверь тюремной камеры наконец захлопнулась за ним, Лори внезапно развернулся и протянул кусок бумаги дежурному. На нем в виде заголовка было написано:

ОТСТУПНИК В НАШИХ РЯДАХ
НАШ СОБСТВЕННЫЙ РЕПОРТЕР —
ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ПОХИТИТЕЛЬ

— Передайте это мистеру Скрэгсу, — грустно сказал Лори. — Эта статья тоже будет хорошей.

— Полагаю, — сказал инспектор Раферти, входя в свой офис вместе с мистером Скрэгсом, Виком Перкинсом и парой полицейских, — полагаю, мисс Уинфорд должна уже быть дома к этому времени, в целостности и невредимости. Но я позвоню и уточню.

Он так и сделал, но на той стороне провода услышал лишь срывающийся в истерику голос всхлипывающей мисс Уинфорд.

— Нет, боже, нет ее дома!

Пятеро людей ошеломленно переглянулись.

— Будь я проклят! — воскликнул инспектор Раферти, с размаху садясь на стул. — Ну что за дело! Что теперь-то могло произойти?

Единственным местом, которое им пришлось в голову и куда они могли отправиться на поиски девушки, была квартира Лори. Все пятеро быстро собрались, сели обратно в машину и поехали туда на полной скорости. К тому времени они уже не просто переживали, а по-страшному паниковали.

Когда они вошли в квартиру, то встретила их сама Джинкс. На ней вместо фартука была аккуратно надета одна из футболок Лори, с рукавами, обмотанными вокруг талии. Она была на кухне и готовила ужин.

— Чем обязана такому визиту? — спросила она с очаровательной улыбкой гостеприимной хозяйки.

— Мисс... мисс Винфорд! — едва смог сглотнуть инспектор Раферти. Он единственный не потерял дар речи.

Джинкс стояла перед ними в добром здравии, улыбающаяся и невозмутимая, слегка надменно и вопрошающе подняв одну бровь, будто в вежливом ожидании объяснения.

— Рад... рад видеть, что с вами все в порядке, мисс Винфорд, — пробормотал невразумительно инспектор Раферти, определенно не понимая, в чем тут вообще дело. — Рад, что мы наконец вас нашли!

— Нашли меня?

— Да, мисс Винфорд! Вам больше не стоит бояться его!

— Бояться кого?

— Молодого человека, похитившего вас, Лоренса МакДжи!

— Лоренса МакДжи? — закричала Джинкс. — Лоренса МакДжи?!

И тут она так громогласно расхохоталась, что инспектор Раферти и все остальные сопровождающие его люди в ужасе уставились на нее.

— Ох... ох боже ты мой, как же все это замечательно! — смеялась Джинкс, теперь понимая подлинный смысл и причину всего произошедшего.

— Вы рады, что мы его арестовали, да? — робко спросил ее инспектор Раферти, очень удивленный ее реакцией.

— Арестовали? Его? Бог ты мой!.. Инспектор, отпустите же его немедленно!

На этих словах Виктор Перкинс, делавший какие-то заметки в своем блокноте, от неожиданности уронил его на пол вместе с ручкой.

— Все это не более чем огромное недоразумение, инспектор! — быстро сказала Джинкс, она еще беспокоилась, но к ней быстро возвращалось самообладание.

— Недоразумение, мисс Винфорд?

— Видите ли, меня вовсе не похищали, — объяснила она таким милым голосом, таким искренним, что было бы трудно не поверить ее решительным, слегка насмешливым глазам. — Думаю, вы заслуживаете того, чтобы знать правду, и я вам обо всем поведаю. Мистер МакДжи не похищал меня. Мы были знакомы друг с другом достаточно давно, и мы любили друг друга, а потому сбежали, чтобы пожениться, ведь мои родители, поймите меня правильно, стали бы чинить препятствия такому браку. А потому мы все это выставили как похищение, чтобы замести следы. Это была целиком моя идея!

Лица всех пятерых приобрели такой странное побледневшее выражение, какое она впервые видела в своей жизни.

— Конечно я сбежала от того болвана со сломанным носом, который пытался ко мне ворваться, а затем я вернулась обратно сюда. Потому, собственно, и не было особых причин разыскивать меня.

— Я... я никогда... я в жизни никогда... Я... — Инспектор Раферти понял, что дар речи ему тоже отшибло, как и способность мыслить логически.

— О, дорогой мой инспектор! — Джинкс тепло и невинно ему улыбнулась. — Вы же не хотите разбить мне сердце, так жестоко обойдясь с моим бедным суженым?

— Конечно... конечно... Все это в корне меняет ситуацию, — заикаясь, ответил инспектор.

— Где он сейчас?

— В тюрьме, мисс Вин...

— В тюрьме? Как вы посмели! Живо идите и освободите его!

И она пулей вылетела прочь из дома, пятеро мужчин едва поспевали за ней.

Она села за руль полицейской машины, вытолкнув водителя.

— Не волнуйтесь, я вожу получше вас! — крикнула она в ответ раскрывшему было рот инспектору, который вознамерился запротестовать. — Ну же, садитесь! Быстро!

И большой автомобиль ракетой понесся вперед, оглушительно воя сиреной, ведомый миниатюрной девушкой с копной взъерошенных волос.

— Даже не пытайся описать все это, Вик, старина! — пытался перекричать завывания машины и звук двигателя мистер Скрэгс. — Такую историю словами не опишешь!

Джинкс пришлось некоторое время подождать в приемной, прежде чем дежурный на пару с инспектором Раферти вызволили Лори из камеры. Они нашли его лежащим на койке, закрывшим лицо руками. Но

как только лязгнул замок и двое вошли в камеру, он тут же вскочил, стараясь казаться спокойным и храбро смотреть им в глаза.

— Я приношу вам свои извинения, мистер Мак-Джи, — сказал инспектор Раферти, — хотя, конечно, не стоило вам молчать. Но теперь я с радостью могу вам сообщить, что вы свободны идти куда угодно.

— Я... свободен?

— Да, мы знаем всю правду. Мисс Винфорд все нам рассказала.

— Она и правда сделала это?

Лори остолбенел, но к тому времени он уже понял, что лучше не оспаривать ни единое слово Джинкс, что бы она ни рассказала.

Он прошел в приемную, где к нему тут же на шею бросилась Джинкс и поцеловала на виду у всех присутствующих.

— Ох, Лори, дорогой мой, прости, что из-за меня тебе пришлось столько вытерпеть! — взмолилась она. — Было благородно с твоей стороны хранить молчание, но все же тебе стоило рассказать им правду! — продолжила говорить она, будто не замечая изумленных взглядов, которыми он ее одаривал. — Я все им рассказала, как мы сбежали, чтобы обручиться, как я придумала всю эту историю с похищением, чтобы обмануть родителей. Теперь и ты можешь подтвердить это, дорогой!

— А, да!.. Конечно, это так! — воодушевленно подтвердил Лори, думая о том, что не осмелился отрицать бы это, даже если бы ему захотелось.

— Ай да Лори! — воскликнул мистер Скрэгс восхищенно. — Только подумать, что он работает в нашей газете!

— Большим заголовком, мистер Скрэгс, — обратилась Джинкс к редактору, — «Светская львица сбегает с нашим репортером!»

— Не благодари меня, беспомощный болван ты, а не преступник, у которого нет даже задатков воображения! — шепнула тем временем Джинкс Лори, сжав его руку, когда они спускались по лестнице, удаляясь прочь от темного тюремного прохода. — Ты хотел предоставить им сенсационные новости? Так теперь только подумай, насколько сенсационными покажутся для них мои!

Около 1927 г.

ЭСКОРТ

Предисловие редактора

Вероятнее всего, этот небольшой рассказ был написан в 1929 г., когда Айн Рэнд вышла замуж за Фрэнка О'Коннора. Одним из его подарков были чучела двух маленьких львят, названных Оскаром и Освальдом. Вскоре они стали для семейной пары их собственным воплощением «великодушия вселенной». Каждое Рождество их наряжали в цветастые шляпки и вывозили в свет, дабы они тоже могли радоваться этому чудесному празднику.

Я упоминаю обо всем этом потому, что рукопись рассказа «Эскорт» была подписана у Айн Рэнд как «О. О. Львы». Все это свидетельствует о том, на мой взгляд, что история задумывалась простой и веселой, а сама писательница неотрывно связывала этот живой искрометный юмор с тем временем, которое она провела в обществе своего мужа вместе с Оскаром и Освальдом.

К тому моменту Айн Рэнд прочла огромное количество произведений О. Генри. Веселая, беззаботная ма-

нера повествования восхищала ее не меньше, чем виртуозная изобретательность в том, что касалось сюжетов его произведений. Таким образом, «Эскорт» и «Ночного Короля» можно воспринимать как дань уважения литературному гению О. Генри, а также как ее первые попытки удивить читателя неожиданной концовкой, как это делал О. Генри.

Леонард Пейкофф

Он уже было собирался выйти из дому, когда Сью спросила:

— Ты вернешься не раньше утра, дорогой?

Он поспешно кивнул, в очередной раз услышав от нее этот неудобный вопрос. Тот самый, который, как он всегда надеялся, его жена перестанет ему задавать. Сью никогда не жаловалась, только мягко и понимающе смотрела на него своими голубыми глазами, но в ее голосе ему всегда мерещился какой-то печальный упрек. Но сегодняшним вечером и сам вопрос, и ее голос звучали иначе. Казалось, она не возражала, даже переспросила:

— Так тебя не будет до рассвета?

— Да кто же знает, дорогая, — раздосадованно ответил он. — Ты же прекрасно понимаешь, что мне это тоже не по душе. Но работа есть работа.

Он уже столько раз и так тщательно ей это разъяснял: экспедиторы на товарных складах не могут работать тогда, когда им вздумается, а поскольку особого выбора у него нет, то ему приходится работать ночами. Хотя он, конечно, знал, с какой тоской во взгляде она смотрит на жен, чьи мужья после работы возвращаются домой и вечером садятся ужинать

вместе с ними за большой стол, ярко освещенный лампой. А ведь Сью проделала такую огромную работу, стремясь вселить в их дом уют и спокойствие. Он даже не заметил, в какой именно момент тоскливая лачужка, которую они когда-то вместе сняли, преобразилась в чудесный теплый дом. На кухне блестели чистенькие красно-белые тарелки, а сама Сью сияла рядом с ними в своем фартучке таких же оттенков, словно ребенок среди игрушек, стройная и светловолосая. Они были женаты уже третий год и едва припоминали, как впервые зашли в эти самые комнаты, тогда выглядевшие заброшенными, в которых все было в пыли и потрескавшейся краске. Тогда он только-только окончил колледж и мог дарить своей юной избраннице разве что жутковатые счета за аренду, с которыми им лишь чудом удавалось справляться каждый месяц. Вспомнив обо всем этом, он лишь мрачно поджал губы и сказал:

— Я должен всеми силами держаться за эту работу, солнышко, как бы ненавистна она ни была для тебя. Да и для меня тоже, вот только я ни за что на свете не позволю нам снова оказаться в том положении, как тогда.

— Да, конечно, — сказала Сью, смотря будто бы сквозь него и едва слыша его голос.

Он поцеловал ее и поспешил к двери, но Сью остановила его.

— Ларри, сегодня же суббота, — с нежностью в голосе напомнила она.

Так оно и было. Он забыл. Нащупав в кармане бумажник, он вытащил его и протянул ей ту сумму, которую обычно всегда давал на неделю. Ее рука уж слишком поспешно схватила купюры, но через мгновение Сью уже проказливо и задорно улыбалась ему, а ее искренние голубые глаза сияли от радости. И Ларри вышел из дому.

Он поднял воротник своего изящного, но в то же время скромного серого пальто, скрывая лицо от морозящего дождя. Еще раз с сожалением оглянулся на огонек, горевший над дверью, на цифру 745, номер их дома по адресу Грант стрит, и наконец пошел в сторону метро...

Сойдя на станции Гранд централ, Ларри Дину однако же, не пошел на выход. Вместо этого он поспешил к камерам хранения, открыл один из небольших шкафчиков, вытащил аккуратный чемодан и прошел в мужской туалет. Спустя пятнадцать минут он вышел обратно, и полноватый служащий метро с удивленным восхищением кинул взгляд на его стройную фигуру, облаченную в полную парадную форму. Костюм был столь наряден и так блестел от цилиндра до лакированных туфель, что казалось, будто стоит его обладателю встать под нужным углом, и он поставит весь мир на колени перед своим великолепием. Ларри сложил свой более чем скромный рабочий костюм в чемодан и убрал его на место, беззаботно прищелкнул пальцами и неспешно направился к выходу.

Златовласый швейцар у величественной двери на Парк авеню поприветствовал Ларри почтительным поклоном, как старого доброго знакомого. С привычным манерным бесстрашием вошел в лифт. Но его веселую улыбку стерло с лица, как только он остановился перед внушительной дверью, на которой было написано: ЭСКОРТ-БЮРО КЛЭР ВАН НЮС.

Ларри на дух не выносил это место, терпеть не мог свою работу. Каждый раз, ночь за ночью, ему приходилось сопровождать всяких полноватых вдов, старых дев и скудоумных, вечно хихикающих провинциальных матерей-героинь на бесчисленное количество банкетов, фуршетов, званых ужинов и в прочие ночные клубы. Ему приходилось учтиво кланяться, оболь-

ститительно улыбаться, смеяться и танцевать, а также сорить чаевыми так, будто он был миллионером. Он был вынужден без умолку болтать и слушать еще больше пустой болтовни в ответ, стараясь не потерять нить речи, в то время как его мысли бродили за много-много миль от того самого места. Тогда он мечтал о тихой маленькой комнатке, в которой за столом одинокой тенью сидела Сью.

По крайней мере, Сью не знала об этом, да и никогда не узнает. Он был бы готов скорее умереть, чем позволить ей догадаться, чем же он зарабатывает на жизнь на самом деле. Конечно же это была уважаемая профессия, и еще как уважаемая! Мисс ван Нюс лично проследила за тем, чтобы так оно и стало. Но совсем не подходящая для такого мужчины, как он, думал Ларри. Но все же он должен быть благодарен и за такой вариант, ведь это позволяло ему содержать тот маленький домик по адресу Грант-стрит-745.

Она никогда не должна узнать о его жертве, скромная и тихая Сью, которая пришла бы в ужас от одной мысли о ночном клубе, которого она никогда в своей жизни и не видела. Сперва она робко просила его куда-нибудь сводить ее ночью, но Ларри категорично отказывал, и в конце концов Сью бросила эту затею и никогда к ней больше не возвращалась. Он просто не мог допустить ее ни в одно из тех отвратительных шумных заведений, где прекрасно знали как его самого, так и то, кем он работает. Вдобавок его уже воротило от яркого света, джаза и официантов.

Он вздохнул, расправил плечи в преддверии ночного бдения, и вошел в офис мисс ван Нюс...

Когда Ларри ушел из дому, Сью долгое время не сходила с места, глядя ему вслед, зажав в руке деньги, которые он ей дал. Затем пошла на кухню и достала из глубокого ящика стола маленькую жестяную коробоч-

ку, добавив к своим секретным накоплениям последний доллар. Теперь их стало сто, ровно сто, а впереди ночь, которую она так долго ждала.

Уже давно она заботливо откладывала от общих денег на хозяйственные нужды по одному доллару на свои собственные. И вот теперь наконец момент настал. Она удалилась в уборную и достала прекрасное выходное платье голубого цвета, то самое мерцающее платье, которое она не надевала вот уже два года. Она осторожно расстелила его на кровати и стояла, молча любуясь им. Она наденет его, всего лишь на одну ночь наденет, и будет танцевать, и смеяться, и поедет в один из тех замечательных ночных клубов, о которых она столько слышала с тех пор, как приехала в Нью-Йорк. Она обманывала Ларри, но ей казалось, что это было таким безобидным пустяком! Всего лишь несколько часов танцев и беззаботного веселья, которое не суждено понять Ларри, ведь такой честный, трудолюбивый Ларри о подобных вещах даже помыслить не мог бы. Она так любила его и так была с ним счастлива в их маленьком домике, но вечера и ночи без него тянулись бесконечно, а она еще так юна, и платье смотрелось на ней так чудесно. Всего лишь одну ночь... что в этом страшного? Тем более Ларри никогда не узнает.

Все было бы иначе, если бы какой-то другой мужчина за нее заплатил и сводил в клуб. Но она не собиралась поступать так. Она заплатит за себя сама, и это будет правильно, сто долларов за одну бесшабашную ночь. Она много слышала о том, как можно все это устроить культурно и безопасно. С бьющимся сердцем она подошла к телефону.

А тем временем в офисе на Парк авеню, миловидная секретарша, прекрасно знающая свое дело, подняла глаза на стоящего перед ней Ларри Дина и объявила:

—Сегодня вы должны будете отвести клиента в лучшее заведение города, устроить отличный ужин, быть при полном параде и готовым танцевать. Через час вы должны быть у миссис Дин по адресу Грант-стрит, 745. Полагаю, она вам не родственница?

Около 1929 г.

ЕЕ ВТОРАЯ КАРЬЕРА

Предисловие редактора

«Ее вторая карьера», скорее всего, датируется 1929 годом. Вероятнее всего, рассказ был написан вскоре после того, как Айн Рэнд начала работать в костюмерной RKO (работа, которую она ненавидела, но которой должна была держаться в течение трех лет, пока не начала зарабатывать на жизнь писательством).

Основная тема «Ее второй карьеры» — примерно та же, что и в более ранних рассказах: значение нравственных ценностей в человеческой жизни. Но здесь фокус — на негативной стороне вопроса, на тех, кто не проживает жизнь, а только принимает красивые позы, тех, кто руководствуется чем-то помимо этих ценностей.

К 1929 г., Айн Рэнд имела уже некоторое количество наблюдений на этот счет: она уже в течение трех лет работала в Голливуде. Она уважала потенциал кинематографа и любила некоторые фильмы (ее любимыми были великие немецкие романтические немые

фильмы с такими звездами, как Конрад Вейт и Ганс Альберс, таких режиссеров, как Эрнст Любич и Фриц Ланг). Но она не принимала приторных, банальных историй, превозносящих посредственность, предлагающих оды «пареньку по соседству» или «нежной девице по соседству». Она презирала то, что видела в банальных ценностях Голливуда, в его неразборчивом вкусе, «непередаваемой низости духа», как она выразилась в «Романтическом манифесте».

В отличие от большинства критиков, Айн Рэнд не приписывала низкое качество фильмов «торгашеству» или «погоне за кассовыми сборами». Она выделила как основную причину внутреннее умственное усилие или умолчание, описанное одним из героев рассказа так:

В этом бизнесе нет никого, кто обладал бы честным представлением о том, что хорошо и что плохо. И нет никого, кто не был бы до смерти напуган тем, чтобы иметь это представление само по себе. Они все сидят и ждут, когда кто-то им это разъяснит. Умоляют, чтобы кто-то разъяснил. Кто угодно, лишь бы им самим не пришлось брать на себя чудовищную ответственность за собственные суждения и оценку. Итак, достоинства здесь не существует.

«Источник» не будет напечатан еще четырнадцать лет, но здесь мы уже видим первое письменное свидетельство о психологическом типе Питера Китинга, посредственности, человеку, который отрекается от собственной внутренней самобытности и живет без мысли о ценностях, паразитируя на других. Клэр Нэш в этом рассказе — вновь женщина в главной роли — предшественница Питера Китинга, она — противоположность Ирэн из рассказа «Муж, которого я купила»; она — женщина, которая даже не задумывается о существовании ценностей как таковых.

«Ее вторая карьера», однако, не психологическое исследование и не серьезный анализ посредственности. Это сатира, и, как и в «хорошей статье», веселая и легкая сатира. (Эта история также подписана «О.О.Львы».) Клэр, несмотря на свой характер, непростой случай, с достаточным уровнем добродетели, чтобы быть привлекательным персонажем. Более того, по ходу событий выясняется, что, в конце концов, здесь есть место достоинству, даже в Голливуде, и это становится спасительной нотой, делающей сатиру скорее элементом романтической истории, нежели едким развенчанием или горьким комментарием.

Этот рассказ, я уверен, был последним этапом подготовки, прежде чем Айн Рэнд обратилась к своему первому крупному литературному произведению, роману «Мы живые». Уже заметны многие черты взросления. Уинстон Эйерс и Хедди Леланд находятся гораздо ближе к узнаваемому типуажу героя и героини Айн Рэнд, чем персонажи более ранних рассказов. Впрочем, все еще остается некоторая внешняя неловкость, и, как в «Хорошей статье», излишняя непринужденность тона, но стиль в целом уже намного более уверенный. Некоторые эпизоды, особенно те, что происходят на студии во время съемок, по-настоящему смешны. И, что важнее всего, «Ее вторая карьера» представляет, впервые в раннем творчестве писательницы, важнейшую для ее позднего творчества особенность: захватывающий сюжет, совмещенный со свободной темой. В целом логика событий тщательно проработана (хотя у меня есть некоторые сомнения касательно мотивации Клэр, когда та принимает пари Эйерса, и касательно элемента случайности в том, что происходит ближе к концу).

С такими успехами период писания «в стол» уже вот-вот подойдет к концу. Айн Рэнд готова к карьере профессионального писателя.

Замечание по тексту: три страницы оригинальной рукописи были утрачены. Чтобы сохранить целостность текста, я вставил несколько абзацев — около трети утраченного отрывка — из более ранней версии рассказа, которая каким-то образом сохранилась. Вставленный отрывок начинается со слов «она достигла небольшой гостиницы, в которой жила» и заканчивается фразой «...я уверен, что не мог бы найти лучшего истолкователя для своей истории».

Леонард Пейкофф

«**Ж**елание сердца» имеет все шансы стать худ-
шим фильмом года. История стара как мир, и
о режиссуре мы лучше милосердно умолчим. Но... но
Клэр Нэш — настоящая звезда, и этим сказано все. Ее
утонченная индивидуальность освещает картину и за-
ставляет забыть обо всем, кроме ее собственной не-
превзойденной магии. Ее воплощение образа невин-
ной деревенской девушки заставит сжаться даже са-
мое сердце. Именно ей принадлежит тот гений, что
творит историю кинематографа...»

Газета была слегка помята, и, держа ее двумя паль-
чиками с розовыми ноготками, Клэр Нэш передала ее
Уинстону Эйерсу. Ее ротик, яркий, розовый и круглый,
как клубничка, был сложен в легчайшую из улыбок,
наполненную сочувственной жалостью. Но глаза, неж-
ные фиалки, спрятанные между еловыми иглами на-
крашенных ресниц, внимательно следили за тем, как
Уинстон Эйерс читает.

Он дочитал и передал газету обратно, не произнеся
ни слова.

— Итак? — спросила она.

— Возможно, мне не стоило говорить того, что я
сказал, мисс Нэш, — ответил он низким, чистым голо-
сом, и она не могла сказать, было ли это абсолютно

вежливо или совершенно издевательски. — Но вы спросили о моем беспристрастном мнении, и, когда меня спрашивают, обычно я отвечаю.

— Вы все еще придерживаетесь этого мнения?

— Да. Возможно, мне следовало бы извиниться.

Она издала короткий неестественный смешок, который должен был показаться радостным и дружеским, но не казался.

— Вы понимаете, что это, достаточно... ну, нестандартное мнение, мистер Эйерс, мягко выражаясь.

— Вполне, — ответил он с обворожительной улыбкой, — и я уверен, что это ничего не меняет.

— «Почти», — хотелось ей ответить, но она промолчала. Конечно, его мнение ничего не должно значить для Клэр Нэш, ведь она Клэр Нэш. У нее был дворец в Беверли-Хиллз, и два «роллс-ройса», и она увековечила на экране идеал умильной девицы. Из-за нее пятеро мужчин пытались покончить с собой, один из них со смертельным исходом, и в честь нее были названы кукурузные хлопья. Она была богиней, и ее святилища можно были найти по всему миру, небольшие святилища из стекла, с маленьким окошком спереди, через которое бесконечный поток монет тек днем и ночью; и солнце никогда не садилось над этим потоком. Почему же она должна чувствовать такую злость и обиду из-за одного-единственного мужчины?

Но Уинстон Эйерс прибыл в Голливуд, и Уинстона Эйерса звали, и приглашали, и умоляли приехать в Голливуд в течение трех лет. Уинстон Эйерс был подарком Англии театрам мира, или это театры мира были подарком, упавшим в безразличные умелые руки Уинстона Эйерса; и эти руки без усилия создавали такие чудеса драмы и комедии, что премьеры Эйерса оборачивались массовыми беспорядками, а со страниц театральной критики мировой прессы на обожающую публику смотрел молодой сценарист, которому было

скучно. Уинстону Эйерсу предложили сто тысяч долларов за один сценарий. и Уинстон Эйерс отказался.

Клэр Нэш поправила мягкие сияющие складки своего небесно-голубого пеньюара на плечах, розовых, как рассветные облака на атласном небе. Она задумчиво наклонила голову, свою голову с копной золотых волос, как солнце, встающее из облаков, и она улыбнулась той улыбкой беспомощного ребенка, которая сделала ее знаменитой. Организация этой встречи, между его великой звездой и человеком, которого он хотел бы видеть в качестве своего великого сценариста, стоила мистери Бамбургеру, главе «Уандер пикчерс», большего количества бессонных ночей и дипломатических ухищрений, чем она могла бы себе представить. Мистер Бамбургер надеялся, что Клэр Нэш, как обычно, преуспеет там, где другие проваливались, и склонит короля кассовых сборов к подписанию контракта. «Любой ценой», — наставлял ее мистер Бамбургер, не ясно, имея в виду себя или ее.

Но разговор, по видимости, не складывался. Потому что король кассовых сборов сказал нечто... нечто... впрочем, она не побоится повторить это перед мистером Бамбургером или кем бы то ни было.

Мягкие сумерки ее гримерной скрывали злую красноту, заливавшую щеки Клэр. Она смотрела на мужчину, сидевшего напротив. Он был молод, высок, необъясним. У него были очень чистые, очень холодные глаза, и, когда он говорил, он опускал веки таким странным и медленным движением, которое, казалось бы, оскорбляло все то, на что был направлен взгляд; она ненавидела это движение, но все же ловила себя на том, что ждет, когда он повторит его. «Слишком красив для писателя», — решила она для себя.

— Итак, вы думаете, — смело начала она, — что киноактрисы... — Она не смогла заставить себя закончить предложение.

— ...не стоят того, чтобы для них писать, — галантно закончил он за нее, так же галантно, как произнес это впервые, тем же уверенным, естественным тоном, не имея, казалось бы, никакого представления о том, какое потрясение оказали на нее его слова.

— Конечно... — Она мучительно нащупывала блестящие и звонкие слова. — Конечно, я... — Отчаявшись, она разразилась сбивчивой тирадой: — Конечно, я не считаю себя образцом великой киноактрисы, далеко, но есть и другие, кто...

— Напротив, — сказал он очаровательно, — напротив. Вы — совершенный образец великой киноактрисы, мисс Нэш. — И она не понимала, стоит ли ей благодарно улыбнуться или выкинуть его вон.

Розовый телефон на хрустальной подставке возле нее резко зазвонил. Она взяла трубку.

— Алло?... Да. — Она внимательно слушала. Она не зевала, но внезапно ее голос звучал именно так. — Дорогуша, сколько раз мне нужно говорить это? Это было окончательно... Нет... однозначно нет!.. И фильмы Генри Джинкса тоже нет... мне очень жаль...

Она уронила трубку и откинулась на подушки своего шезлонга, сверкнув глазами из-под накрашенных тушью сосновых иголок.

— Мой менеджер, — лениво объяснила она. — Здешний контракт заканчивается после этого фильма, и все студии донимают беднягу. Хотела бы я, чтобы он мне этим не докучал.

Вот что она сказала; вот что ей хотелось сказать: «Вот видите?»

Телефон зазвонил снова, прежде чем она смогла наблюдать результат.

— Алло?... Кто?... Про Хедди Леланд? — Лицо Клэр резко изменилось. Круглые щечки резко поднялись и спрятали ее глаза так, что не стало видно фиалок, только две узкие щелки, ошетилившиеся еловыми

иголками, торчащими, как стальные копыя, готовые к битве. И ни один поклонник не узнал бы знаменитый нежный голос в пронзительном лае, обрушившемся в розовую трубку, которая, казалось, покраснела под потоком слов: — Вы смеете снова меня спрашивать?.. Нет! Нет, я сказала!.. Я этого не позволю! Я больше никогда не хочу видеть эту девицу на съемках!.. Меня не волнуют ее оправдания!.. Вы слышали меня? Я не привыкла повторять дважды!.. И я надеюсь, мой дорогой мистер ассистент по подбору актеров, что вы больше не побеспокоите меня из-за какой-то пятидолларовой статистики!

Она швырнула трубку так сильно, что хрустальная подставка отозвалась высоким музыкальным стоном. И тогда она заметила выражение, впервые за время их разговора, настоящее выражение на лице Уинстона Эйерса: выражение издевательского изумления. Выражение ее лица не вполне соответствовало образу умильной девицы; она понимала это.

Она нетерпеливо тряхнула своими красивыми плечами.

— Дерзкая статистка, — попыталась она спокойно объяснить. — Представьте себе, сегодня на съемочной площадке я играла свою лучшую сцену — ах, какую сцену! И мне было так сложно проникнуться настроением для нее — я так чувствительна к подобным вещам — и когда мне это наконец удалось, прямо в середине, эта тварь сваливается прямо на меня! Практически сбила меня с ног! Конечно, сцена была испорчена. Пришлось переснимать, но конечно, у нас ничего не вышло! И все из-за ассистентки!

— Она, конечно, сделала это специально? — мягко спросил он, и тон его голоса отвечал на его собственный вопрос.

— Мне все равно! Она сказала, ее кто-то толкнул. Это ничего не меняет. Я сказала, что больше не хочу

видеть ее на своей площадке! — Она взяла сигарету, сломала ее, бросила обломки. — Давайте вернемся к нашему разговору, мистер Эйерс. Вы говорили, что...

— Я все равно войду! — вдруг раздался из-за двери молодой, звонкий голос. Дверь распахнулась, кто-то дикий, высокий, растрепанный ворвался в гримерную, захлопнул за собой дверь и внезапно остановился.

Девушка была одета в тесный костюмчик, заканчивавшийся внезапно над коленками ее сильных, тонких, изящных ножек. Ножки, прямые и подтянутые, казалось, приросли к полу; свет розовой лампы обрисовывал тонкую, мерцающую линию на каждом чулке, и они выглядели как струи фонтана, взлетевшие вверх и застывшие. Она, казалось, стояла на цыпочках, но это были всего лишь ее маленькие туфельки на высоком каблуке и напряжение ее стройного тела, остановившегося на бегу. Ее короткие волосы были в беспорядке отброшены назад, как будто она только что сняла свой сценический костюм, и тонкая полоска грима все еще оставалась у нее на лбу. Ее лицо имело странные, необычные черты, проказливые, утрюмые и серьезные одновременно. Ее глаза, огромные, сверкающие, невероятные, были темны и спокойны.

Клэр Нэш вскочила на ноги и стояла, глядя на незваную гостью, ее маленький рот распахнулся в изумлении.

— Простите, я что я так ворвалась, мисс Нэш, — сказала девушка. Ее голос был неожиданно тверд, как будто у нее было время взять себя в руки.

— Как... Хедди Леланд! — Клэр запнулась недоверчиво и замолчала.

— Ваш секретарь не впускал меня, — уверенно произнесла девушка, — но мне нужно было войти. Это была моя последняя возможность вас увидеть. Если они отправят меня домой сегодня вечером, у меня не будет возможности снова попасть на съемки.

— Мисс Леланд, я... я правда не могу понять, как... — Клэр начала величественно и закончила более естественно, взрываясь: — Ну что за наглость!

— Прошу вас, извините меня и выслушайте, мисс Нэш, — сказала девушка тихо и спокойно. — Это не моя вина. Мне очень жаль. Я прошу у вас прощения. Я обещаю, это больше никогда не повторится.

Клэр медленно опустилась в шезлонг, величественно и непринужденно завернувшись в складки голубого неглиже. Ей начинало это нравиться. Она медленно произнесла:

— Нет, это больше не повторится. Разве не понятно, что я больше не хочу видеть вас на своих съемках?

— Понятно. Именно поэтому я и пришла. Я подумала, что, возможно, вам не ясно, что значит для меня работа здесь. Мне пообещали две недели. Пожалуйста, разрешите мне остаться. Мне... — Она впервые запнулась. — Мне очень это важно.

— Правда? — сказала Клэр. — Возможно, вам показалось, что киностудия занимается благотворительностью?

Худые загорелые щеки девушки слегка покраснели, так слабо, что это стало заметно одному Уинстону Эйерсу. Она сделала над собой усилие, как будто принуждая себя сказать что-то совсем другое, чем то, что она произнесла низким, уверенным голосом:

— Простите меня. Вы правы. Было очень неумно с моей стороны упоминать об этом. Но, вы понимаете, я только начинаю в Голливуде, очень важно получить место даже ассистентки, быть замеченной. Вся моя карьера может зависеть от того, что я работаю в этом фильме.

— Вся ваша карьера? — нежно сказала Клэр. — Но, моя девочка, что заставляет вас думать, что у вас будет карьера?

Девушка не ожидала этого. Она внимательно посмотрела на Клэр. Две нежные издевательские ямочки возникли на щеках Клэр. Она продолжила, пожав плечами:

— В Голливуде тысячи и тысячи девочек вроде вас, и каждая из них думает, что ее ждет блестящая карьера.

— Но...

— Позвольте дам вам небольшой совет, мисс Леланд. Дружеский совет — правда, я ничего против вас не имею. Подумайте хорошенько и только потом делайте. Забудьте о кино. У меня больше опыта, и я знаю, отлично знаю свою профессию: экран не для вас.

— Мисс Нэш...

— О, не говорите, что это трагедия! Позвольте сказать вам правду. Вы не особенно-то и хорошенькая. Тысячи более симпатичных девочек голодают здесь. У вас нет шансов. И правда, работаете вы здесь или нет — это ничего не меняет. Все равно — высоко вам не подняться. Возвращайтесь домой и постарайтесь выйти замуж за какого-нибудь хорошего парня. Так будет лучше для вас.

Хедди Леланд посмотрела на нее; посмотрела на мужчину, который молча сидел и наблюдал за ними.

— Прошу извинить меня за вторжение, мисс Нэш, — сказала она, как будто произнося не связанные между собой слова, потому что ее голос не имел совсем никакого выражения. Она повернулась, вышла и осторожно закрыла за собой дверь. Мягкие портьеры персикового бархата слегка всколыхнулись и снова повисли неподвижно.

Клэр зажгла сигарету с великолепным презрением.

— Почему вы дали ей такой совет? — спросил Уинстон Эйерс.

— О! — Клэр наморщила прелестный носик. — О, как меня от этого тошнит! Когда я вижу этих девочек, которые получают пять долларов в день и хотят

стать звездами! Все хотят стать звездой! Как будто бы быть звездой ничего не значит!

— Совершенно верно, мисс Нэш. Это совсем ничего не значит.

Клэр просыпала пепел на свой голубой атлас, не заметив этого.

— Вы говорите это мне? — выдохнула она.

— Мне показалось, — ответил он, — что я говорил это раньше. Вы были так любезны, спросив, почему я отказываюсь писать для Голливуда. Возможно, теперь я могу все разъяснить. Видите ли, я полагаю, что киноактрисы — не великие артистки, редкие таланты, исключения. Они — не одна на тысячу, они всего лишь одни из тысяч, выбранные...

— Выбранные?..

— ...Случаем.

Клэр промолчала. Казалось, она потеряла дар речи.

— Посмотрите на себя, — продолжал он. — Тысячи и тысячи девушек борются за место в фильме. Некоторые красивы, как вы, некоторые красивее вас. Все могут играть, как вы играете. Есть ли у них право на славу и звездность? Такое же, как у вас.

— Понимаете ли вы, — сказала Клэр, и ее голос дрожал от злости, хотя сама она не обращала внимания ни на свой голос, ни на свои слова, — понимаете ли вы, мистер Эйерс, что разговариваете с женщиной, которая считается мировым гением?

— Мир, — сказал Уинстон Эйерс, — никогда бы не увидел этого гения, если бы кто-то не показал ему его — случайно.

— В самом деле, — Клэр запнулась, — я не напрашиваюсь на комплименты, мистер Эйерс, но...

— Я никоим образом не хотел бы вас обидеть, мисс Нэш. Но взгляните на вещи объективно. В этом бизнесе нет никого, кто обладал бы честным представлением о том, что хорошо и что плохо. И нет никого, кто не

был бы до смерти напуган тем, чтобы иметь это представление само по себе. Они все сидят и ждут, когда кто-то им это разъяснит. Умоляют, чтобы кто-то разъяснил. Кто угодно, лишь бы им самим не пришлось брать на себя чудовищную ответственность за собственные суждения и оценку. И так, достоинства здесь не существует. Зато здесь существует чья-то чепуха, которой все остальные более чем рады последовать. А чепуха происходит от меньшей разборчивости из менее достоверных источников, чем ставки на скачках. Только здесь больше зависит от случая, потому что на скачках всем лошадям хотя бы дают пробежать дистанцию.

Клэр встала.

— Очень занятно, мистер Эйерс, — сказала она с ледяной улыбкой. — Я бы хотела продолжить нашу увлекательную беседу. Но увы, завтра съемки начинаются очень рано, и...

— Сохраните, — сказал он, поднимаясь, — это маленькое воспоминание о нашей встрече. Вы сделали вашу карьеру. И я не спрашиваю, как вы ее сделали. Вы знамениты, велики, почитаемы. Вас считают одним из мировых гениев. Но вам бы не удалось сделать вторую карьеру.

Клэр остановилась, посмотрела на него, подошла к нему.

— Вторую карьеру? Что вы имеете в виду?

— Вот, что: если бы вам снова пришлось начать с начала, вы бы увидели, как легко ваш талант заметят. Как многим он будет интересен. Как вам будет легко, как многим из них не наплевать!

— Сядьте, — приказала она. Он покорился. — К чему вы ведете?

Он посмотрел на нее, и его глаза сузились. И он объяснил то, к чему он вел. Клэр Нэш сидела напротив, приоткрыв рот, расширив от ужаса глаза.

— Итак? — спросил он.

Она колебалась. Одна вещь была важна для Клэр Нэш: она верила в собственное величие, глубоко, страстно, преданно. Ее вера была тем теплым сиянием, которое встречало ее каждое утро при пробуждении; которое наполняло каждый день светом; которое вставало над съемочной площадкой ярче софитов и вело ее через лучшие сцены; которое сияло нимбом над ее головой, когда она проходила мимо других женщин на улице, женщин, которые были не такими. Она и правда вышла замуж за племянника продюсера много лет назад, в начале своей карьеры, и развелась с ним после; но это не могло быть единственным кратким путем, и это совсем ничего не значило. Только ее гений мог открыть ей двери Голливуда снова, и столько раз, сколько она пожелает. Кроме того, перед ней был высокий мужчина с прищуренными глазами. Он ей нравился — ей не хотелось это признавать, — но он однозначно ей нравился. Совершенно однозначно. Она вдруг поняла, что хочет видеть его снова. Каким триумфом будет заставить его взять свои слова обратно, увидеть его склоненным, как бесконечных предшественников!

— Итак? — повторил он.

Она подняла голову и внезапно рассмеялась.

— Конечно, — сказала она, — я готова это сделать.

Он посмотрел на нее и грациозно поклонился.

— Мисс Нэш, — сказал он, — я восхищен вами — впервые.

Она была зла на себя за бессмысленное удовольствие, которое ей доставили эти слова.

— Ну, тогда запомните, — продолжил он. — Вы начнете все заново, с самого начала. Вы возьмете свое настоящее имя — Джейн Робертс, не так ли? У вас не больше денег, чем у любой ассистентки. Вы никого в Голливуде не знаете. Никто никогда о вас не слышал. Желаю удачи.

— Она мне не понадобится, — весело сказала Клэр.

— Тогда, когда вы увидите то, что должны увидеть, вы можете вернуться к своей звездности и вернуть публике Клэр Нэш. Я надеюсь, тогда она совершенно по-другому насладится своей славой.

— Посмотрим.

— И чтобы доказать вам другую сторону моей теории, мисс Нэш, — сказал он, — пока вы пытаетесь пробиться на экран, я сделаю звезду из ассистентки, любой ассистентки, первой попавшейся — скажем, из той же крошки Хедди Леланд.

Взрыв звонкого хохота был ему ответом.

Клэр Нэш отбывала в Европу. Она закончила свой последний фильм и собиралась взять, как объясняли газеты, столь нужный отпуск.

Когда пришло время войти в роскошный вагон, толпа поклонников собралась, чтобы проводить ее. Она появилась, медленно, царственно, сияющая, как солнце. Она пересекла платформу, пройдя через волны цветов и восторгов. Репортеры снимали ее, одна нога грациозно поставлена на ступеньку вагона, огромный букет скрывает все тело, кроме изящно склоненной головки, маленькая французская шляпка заломлена на один глаз, губы сложены в нежную печальную улыбку. Три репортера задавали вопросы, которых не было слышно за ревом толпы, и записывали ответы, которых никогда не получали. Всхлипывающая сестра милосердия втискивала очки в ухо и выкрикивала вопросы касательно мнения Клэр о военной ситуации в Европе, которое Клэр излагала с достоинством и которое женщина записывала в жажде не упустить ни единого драгоценного слова. Поклонники сражались за розу, упавшую из букета Клэр. Женщина упала в обморок. Пошел дождь. Полицейские выбивались из сил, поддерживая порядок. Шесть человек было ранено.

Поезд тронулся. Стоя на площадке, Клэр Нэш грациозно кланялась направо и налево, нежно улыбалась и махала маленьким кружевным платочком...

Никто из пассажиров не обратил внимания, когда на первой остановке маленькая женщина в сером тихо сошла с поезда. Когда поезд тронулся, никто не знал, что за закрытыми дверьми купе Клэр Нэш не было звезды, а только чопорная, слегка обескураженная секретарша, отправлявшаяся в долгожданный отпуск.

Стройная женщина в простом сером пальто села на первый поезд в Лос-Анджелес. Клэр Нэш исчезла, отправилась в далекую Европу. Джейн Робертс прибывала в Голливуд, чтобы ворваться в кино.

— Сценарий будет готов в течение двух недель, мистер Бамбургер.

— О, мистер Эйерс!

— Сто тысяч долларов?

— Да, мистер Эйерс!

— Подписываем?

— Да, конечно, мистер Эйерс.

Мистер Бамбургер подтолкнул бумаги, попытался вложить перьевую ручку в ладонь мужчины перед собой, как будто опасаясь, что рука может передумать, промазал, уронил ручку на пол и увидел, как пузырящееся пятно синего цвета расплзается по ковру. Мистер Бамбургер наклонился за ней, сунул ручку в ладонь мужчины и вытер лоб, добавляя голубые разводы к сверканию пота. Мистер Бамбургер гордился своим самоконтролем. Но здесь, в его офисе, за его столом, был великий Уинстон Эйерс собственной персоной, и великий Уинстон Эйерс сдался!

— Я руковожу съемочным процессом?

— Конечно, мистер Эйерс.

— Я выбираю режиссера?

— Да, мистер Эйерс.

— И помните, мистер Бамбургер, я выбираю актеров.

— Да, мистер Эйерс.

— Мы ничего не можем обещать. Но возможно, статисты понадобятся нам позже. Загляните на следующей неделе.

Хедди Леланд повторила про себя слова, сказанные безразличным голосом ассистента по актерам.

— На следующей неделе... в шестой раз, — она добавила уже своим голосом, тихим и усталым.

Она шла домой со студии, из седьмой студии за тот день. Ответы на всех остальных были примерно такими же. Нет, не вполне. В одной из них ей пришлось прождать два часа, только чтобы услышать, что ассистент по актерам сегодня никого не примет. В другой какой-то ассистент, тощий мальчишка с мокрым носом, сказал: «Сегодня ничего, сестрица, — а когда она напомнила ему об обещании режиссера, огрызнулся: — Кто из нас тут главный? Убирайся, сестра».

Шесть недель без работы. Сорок два дня она поднимается по утрам, наряжается, как французская кукла, — всячески стараясь, чтобы никто не заметил дырок на ее шелковых чулках, скрытых туфлями, дырок на ее кружевной блузке, скрытых пиджаком по фигуре — входит в контору по подбору актеров, задает тот же вопрос с той же улыбкой и с тем же замиранием сердца; и слышит тот же ответ, всегда, каждый день, вечно.

Она дошла до маленькой гостиницы, в которой жила.

— Мне не звонили из «Генри Джинкс филмс», миссис Джонс? — спросила она у регистраторши.

— Мисс Леланд?.. Давайте посмотрим... «Генри Джинкс филмс». Да. Они звонили. просили передать, что им очень жаль, но сейчас у них, ничего нет, они надеются, что на следующей неделе...

Хедди сидела на кровати в своей комнате, положив локти на подушку, а лицо — на сложенные ладони, в мрачных размышлениях, когда телефон зазвонил сухо и резко.

— Алло.

— Мисс Леланд?

— Да.

— Это из «Уандер пикчерс». Мистер Бамбургер хочет видеть вас как можно скорее.

— Мистер Бамб...

— Мистер Бамбургер, да. Как можно скорее.

— Мисс Леланд — мистер Эйерс, — мистер Бамбургер представил их друг другу. Уинстон Эйерс посмотрел на нее — медленно, внимательно, заинтересованно. Она посмотрела на него спокойными, темными, решительными глазами. Он открыл глаза чуть шире. Она осталась неподвижна.

— Очень рад познакомиться с вами, мисс Леланд, — произнес он обворожительным голосом, голосом, улыбающимся с его серьезных губ, — и я нахожу, что не сумел бы найти лучшего исполнителя для своей истории.

— Я очень рада вашему выбору, мистер Эйерс, — ответила она уверенно. — И постараюсь его оправдать.

Уинстон Эйерс снова посмотрел на нее. Он знал, что всего несколько минут назад мистер Бамбургер сказал этой девушке, что сам великий автор выбрал ее для роли, которую мечтали сыграть крупнейшие голливудские звезды. Она выглядела спокойной, слишком спокойной. Он пожал плечами и отвернулся, равнодушно прищурившись, пока мистер Бамбургер продолжал свою нервную, сбивчивую речь; но обнаружил вдруг, что снова разглядывает странный, тонкий профиль, длинные ресницы, твердый, уверенный рот. Это

в ней не безразличие, подумал он, это что-то другое. Он вдруг осознал, что хотел знать — что, даже если бы ему пришлось сломать заносчивое маленькое создание, чтобы выяснить это.

Кончики ее пальцев плотно прижаты к столу мистера Бамбургера, единственное, что удерживало ее от того, чтобы покачнуться и упасть перед ними. Хедди Леланд понадобилось усилие, чтобы стоять ровно, слушать, слышать, как мистер Бамбургер говорит: «...Только для этой картины... триста долларов в неделю... для начала... в будущем все зависит от вашей работы...» — а затем медленный голос Уинстона Эйерса: «Вы сейчас же получите сценарий, мисс Леланд, и познакомьтесь с ролью королевы лани».

Округлые щеки слегка наарумянены, светлые локоны играют на ветру под полями дешевенькой шляпки (тут она была честна, шляпка стоила каких-то тридцать долларов и была прелестна!), широкий воротник слепяще-белого кружева вздымается под подбородком, Клэр Нэш, воплощение нежного девичества, отправилась на встречу с ассистентом по подбору актеров «Генри Джинкс фильм».

Ей тяжело давалось не улыбаться, когда она склоняла голову, чтобы не глазеть на пешеходов, и не рассмеяться, испортив таким образом все приключение. Она была давно утомлена Голливудом и не припоминала такого захватывающего утра за долгое-долгое время.

Когда она повернула за угол, перед ней возникла студия Генри Джинкса, белая, величественная, по-королевски гостеприимная. Она живо, уверенно, грациозно направилась к главному входу, поднялась по широким, отполированным ступеням к сверкающему входу. Ее остановил указатель. Это была грязная картонка с криво нацарапанными от руки буквами: «Офис

по подбору актеров — за углом». Он висел там как молчаливое оскорбление. Она скорчила гримаску, бодро пожала плечами и послушно повернула за угол.

Постройку, на двери которой красовался знак «Офис по подбору актеров», нельзя было назвать зданием и даже хижинкой. Это была криво сколоченная конструкция из досок, на которую никто не хотел тратить ни освещения, ни краски. Казалось бы, весь его вид был призван донести до посетителя то, что о нем думали на студии. Клэр не заворачивала за этот угол уже долгие годы. Она остановилась, потому что ни с того ни с сего ей показалось, будто кто-то вlepил ей пощечину. Затем пожала плечами, уже не так радостно, и вошла внутрь.

В комнате, представшей перед ней, были пол, потолок, четыре стены и две деревянные скамьи. Все это, должно быть, когда-то было чистым, подумала Клэр с сомнением. Не глядя по сторонам, она подошла прямо к маленькому окошку в противоположной стене.

Светловолосая, круглолицая, курносая девица посмотрела на нее и зевнула.

— Я хотела бы видеть ассистента по подбору актеров, — сказала Клэр. Она хотела произнести это просто, но вышел командный тон.

— Придется подождать своей очереди, — безразлично ответила девица.

Она присела на краешек скамьи. Она была не одна, там были и другие, и все ждали встречи с ассистентом по подбору актеров. Высокая рыжеволосая девушка в узком черном платье с пышными рукавами из голубого шифона, томатно-красными губами, без чулок, с браслетом на левой лодыжке. Высокий, атлетически сложенный молодой человек с темными, вялыми глазами, очень опрятной стрижкой и не очень опрятным воротничком. Дородная женщина в мужской шинели и понурым страусиным пером на шляпе. Кучка невы-

соких, полненьких существ, которые вечно оставались «хлопушками», с пухлыми ногами, выпирающими из слишком маленьких туфель. Неопрятная женщина с разнаряженным ребенком.

Клэр подтянула юбку и постаралась смотреть только в окно. Она не знала, как долго просидела здесь. Но время шло, хлопушки несколько раз доставали пудреницы и поправляли макияж. Она бы не позволила себе такого на публике. Она сидела не двигаясь. Ее левая нога ничего не чувствовала ниже колена. Она ждала.

Дверь врезалась в стену с оглушительным грохотом. Промелькнул толстый живот мужчины и над ним — злая бульдожья морда, которая, как она поняла через несколько минут, была лицом мужчины. «Кто первый?» — пролаял он.

Клэр поспешно поднялась. Кто-то рванул к двери мимо нее, грубо отодвинув ее в сторону; и дверь захлопнулась, прежде чем она заметила, что это была одна из «хлопушек», и услышала злые слова: «Жди своей очереди!»

Клэр снова села. Она чувствовала капли влаги на верхней губе. Она достала зеркальце и припудрила лицо.

Ее очередь подошла спустя час. Она вошла в соседнюю комнату медленно, с осознанием точеной грации каждого мускула своего тела, так тщательно просчитывая свой выход, будто бы выходила под пристальными взглядами камер.

— Ну? — крикнул бульдог из-за стола, не поднимая глаз от листа бумаги перед собой.

«Ну, — подумала Клэр, — что здесь говорить?» Голова вдруг совершенно опустела. Она беспомощно улыбнулась, ожидая, что он поднимет голову, — тогда слова уже станут не нужны. Он поднял голову и тупо на нее посмотрел.

— Ну? — повторил он нетерпеливо.

— Я... я бы хотела работать в кино. — Она только и могла пробормотать. Это было глупо, подумала она, и в этом не было ее вины; неужели он не мог с одного взгляда понять, кто стоит перед ним и что следует делать?

Впрочем, понятно было, что он не мог. Он на нее даже не смотрел и только протягивал какую-то бумажку.

— Работали статисткой раньше?

— Статисткой?

— Да, именно это я и спросил.

— Статисткой?

— Да, мэм.

Она хотела спорить, объяснить, но что-то схватило ее за горло, и она произнесла совсем не те слова, которые собиралась:

— Нет, я только начинаю свою карьеру.

Мужчина убрал листок.

— Ясно... тогда, мы не используем статистов, у которых нет никакого опыта.

— Статистов?

— Послушайте, да в чем с вами дело? Вы что, сразу хотели просить лакомый кусочек?

— Кусочек?

— Девушка, мы с вами просто тратим время. — Он толкнул дверь ногой. — Кто следующий?

«Нет никакой причины, — говорила себе Клэр, идя по улице, — нет никакой причины принимать этот фарс серьезно. Нет совсем никакой причины», — говорила она, крутя ручку сумочки, пока та не оторвалась.

Но она продолжала бороться. Она отправилась на «Эпик-студио» и три часа спустя увидела их ассистента по подбору актеров.

— Когда-нибудь снимались? — худой, усталый, мрачный господин спросил так, будто меньше всего на свете ему было интересно услышать ее ответ.

— Нет! — ответила она в качестве эксперимента равнодушно.

— Никакого опыта?

— Но... нет, никакого опыта.

— Как вас зовут-то?

— Клэ... Джейн Робертс.

— Ладно, мисс Робертс, — зевнул он, — мы так обычно не делаем, но могли бы... — он зевнул, — ...использовать вас когда-нибудь, дать вам шанс, когда... — он зевнул, — ох, боже мой!... когда нам понадобится действительно большая толпа статистов. Оставьте ваше имя и номер телефона моему секретарю. Но мы ничего не обещаем. Приходите и напомните нам на следующей неделе.

За прошедший с того момента месяц, Клэр Нэш слышала «на следующей неделе» по четыре раза на каждой из студий; на трех других она не слышала ничего — их ассистенты по подбору актеров не встречались с начинающими; на последней слышать было нечего — ее ассистент по подбору актеров был в путешествии по Европе в поисках новой звезды.

* * *

Неподвижным, задумчивым, более взволнованным, чем ему хотелось показать, взглядом Уинстон Эйерс наблюдал за съемками первых сцен. Работа над фильмом «Дитя опасности», его сценарием, началась. Он смотрел — с чувством, которое злило его и которое он не мог контролировать — за камерой и тем, что находилось перед камерой. А перед камерой вздымалась древняя крепостная стена, могучий гигант из огромных, грубых камней; и на стене находилась королева лани.

Королева лани была героиней его истории, диким, сверкающим, фантастическим существом, королевой варварского племени из эпохи легенд; жестоким, без-

законным, смеющимся маленьким тираном, босой ножкой топтавшим народы. Он видел ее смутно, неясно в своих мечтах. А теперь она стояла перед ним, более живая, более странная, более соблазнительная, чем он когда-либо мог себе представить, большая королева лани, чем королева лани из его сценария. Он смотрел на нее, сраженный, неподвижный.

Волосы развеваются по ветру, стройное тело покрыто только яркой мерцающей шалью, обнаженные ноги, руки и плечи отливают бронзой, огромные глаза сверкают угрозой и смехом, Хедди Леланд сидела на стене, под взглядами камер, дерзкая, невероятная, ослепительная королева, вззирающая на свои безграничные владения.

На площадке стояла мертвая тишина. Вернер фон Хальц, насмешливый, аристократичный импортный режиссер, грыз свой мегафон в остервенелом восторге.

— Это, — произнес мистер фон Хальц, показывая толстым пальцем на девушку, — это перфая настоящая актриса, с которой я рапотал!

Мистер Бамбургер кивнул, вытер лоб, уронил носовой платок, забыл подобрать его, кивнул снова и прошептал человеку позади себя:

— Ну и находка, а, мистер Эйерс?

— Я... я не знал... я не ожидал... — Уинстон Эйерс загнулся, не отрывая от девушки глаз.

Он подошел к ней, когда сцена была закончена и она спускалась со стены.

— Это было блестяще, — сказал он напряженно, резко и будто бы неохотно сощуриив темные глаза.

— Спасибо, мистер Эйерс, — ответила она вежливым, ничего не выражающим голосом, быстро повернулась и ушла.

— Я хочу, — кричал мистер Бамбургер, — я хочу статьи во всех журнальчиках! Я хочу, чтобы организовали интервью! Я хочу фотографии — где этот идиот

Миллер, он что, спит? — фотографии в купальниках и без купальников! Новое открытие «Уандер пикчерс»! Черт с два, открытие! Новая золотая жила!

Клэр Нэш страдала, рыдала, строчила письма, тратила монетки на телефонные автоматы, боролась и добилась-таки собеседования в Централ-кастинг.

Она сидела, дрожа и заикаясь, не контролируя себя, не понимая, почему разбегаются мысли — перед худой беспощадной женщиной, выглядевшей как святоша. Централ-кастинг правила судьбами тысяч статистов, она раздавала возможности и должности в день по сотне. Нет ли здесь, умоляла Клэр с негодованием, переходящим в слезы, нет ли здесь места еще для одной?

Женщина за столом покачала головой.

— Мне очень жаль, мисс Робертс, — сказала она деловито, — но мы не регистрируем начинающих. У нас тысячи более опытных людей, которые в этом бизнесе годы и которые голодают. Мы не можем найти работы для них. Мы стараемся сокращать списки, насколько можно, не добавляем в них новичков.

— Но я... я... — заикалась Клэр, — я хочу быть актрисой! У меня может оказаться великий талант... Я... боже, я знаю, что у меня великий талант!

— Вполне возможно, — сказала женщина обезоруживающе нежно. — Но то же самое говорят десятки тысяч других. Очень неумно, мисс Робертс, для юной и неопытной девушки вроде вас думать об этом жестоком, душераздирающем бизнесе. Очень неумно... Конечно же, — она добавила, когда Клэр бесцеремонно поднялась, — конечно, если ваша ситуация... скажем, сложная, мы можем предложить организацию, которая предоставляет ссуды, позволяющие достойным девушкам вроде вас добраться домой.

Клэр на мгновение забыла свою роль; она сделала то, чего ни одна начинающая актриса не делала — громко хлопнула дверью.

«Они идиоты, — думала Клэр, сидя в своем гостиничном номере, — все они просто слепые, ленивые идиоты. Их работа — искать таланты, но они просто не видят его, потому что... Потому что им, кажется, наплевать. Кто говорил мне об этом еще давно?» — И тогда она вспомнила холодные, насмешливые глаза и вскочила на ноги с новой решительностью; новой решительностью и новым чувством одиночества.

Если у них нет собственных глаз, решила она, она сама покажет им. Если им нужен актерский опыт, так пускай подавятся. Она начала с маленьких театров, которые росли, как грибы, в самых темных уголках Голливуда. Она узнала, что выступления в маленьких клубах не оплачиваются, потому что «шанс быть увиденной» считается уже достаточной платой за долгие недели репетиций. Она была готова это принять, хотя ей было немного интересно, как она могла бы принять подобное предложение, если бы она была настоящей новенькой, вынужденной кормиться собственным заработком. В четырех театрах ей сказали, что не берут никого без сценического опыта. В трех других ее имя и номер телефона записали с обещанием позвонить, «если что-нибудь подвернется», сделанным таким тоном, что становилось ясно, что этим все и кончится, — и этим все и кончалось.

Но в восьмом театре толстый, жирный менеджер посмотрел на ее шляпку за тридцать долларов и нетерпеливо проводил ее в контору.

— Ну конечно же, мисс Робертс, — он фонтанировал энтузиазмом, — Конечно! Вы рождены для экрана. У вас есть все данные, чтобы стать звездой, первой-классной звездой! Поверьте мне, я старая лошадка и знаю этот бизнес. Но талант должен быть замечен, та-

ков вот секрет Голливуда. Вы должны быть замечены. Сейчас у меня есть пьеса и роль специально для вас — ох, какая роль! Одна роль, как эта, и все уже для вас решено. Только, к сожалению, проект был отложен из-за финансовых затруднений, очень неудачно. Но двести долларов, к примеру, не были бы для вас затруднением, особенно вложенные в будущее, где вас ожидают миллионы. Так, — сказал менеджер своей секретарше, моргнувшей при хлопанье дверей. — Ну что с ней не так, ну скажи мне?

Агенты, подумала Клэр, агенты; они делают деньги, открывая новые таланты, так что они должны действительно заниматься поисками. Почему она об этом раньше не подумала?

Она была очень осторожна, звоня только тем агентам, которые никогда не встречали Клэр Нэш. Она обнаружила, что эта предосторожность была излишней, потому что ее не пускали дальше элегантных приемных, где полы были покрыты мягкими коврами, где бушевали стекло, медь и хром, где подтянутые секретарши вздыхали с сожалением, извиняясь, потому что мистер Смит, или мистер Джонс, или мистер Браун, увы, заняты на конференции; но если мисс Робертс оставит номер телефона, мистер Смит обязательно перезвонит. Мисс Робертс оставляла номер. Звонков не было.

Агенты без приемных и хрома, а только с дырой, выходящей на кирпичную стену, да с викторианским креслом, ронявшим вату на грязный ковер, были рады познакомиться с мисс Робертс и занести ее имя в список их потенциальных клиентов; и это было все, что они могли сделать для мисс Робертс.

Один из них, высокий и небритый, был рад видеть ее больше, чем остальные. «Ты пришла к правильному человеку, детка, — заверил он ее, — к правильному человеку. Ты знаешь Джо Биллингса из «Эпик пикчерс»?

Ассистента режиссера? Так вот, Джо — мой давний приятель, и у него море влияния в «Эпик». Все, что мне нужно сделать, — шепнуть ему пару слов и бинго! Тебя пригласят на пробы. На настоящие, подлинные пробы. Как насчет ужина сегодня у меня дома, детка?» Она сбежала.

Ее лицо... ее лицо, которое так часто называли «одним из сокровищ экрана»... Ее лицо, казалось, не производило ни на кого никакого впечатления. За единственным исключением. Один из агентов, которого она никогда прежде не видела, пристально смотрел на нее с минуту, а потом воскликнул:

— Боже, да ты двойник Клэр Нэш, сестрица!

Потом он посмотрел еще, покачал головой и передумал.

— Хотя нет, — сказал он, — не совсем. Глаза у Клэр поярче, и рот поменьше, и фигура у нее, конечно, гораздо лучше, чем у тебя. Моя близкая подруга, Клэр... Вот что мы сделаем: оставь мне свой телефон, и я найду тебе чудную работу в качестве дублерши Клэр. Ты так на нее похожа — ну немного. Только нам придется подождать — Клэр сейчас в Европе.

Шанс Джейн Робертс все же выпал; не совсем так, как она ожидала, но выпал.

Однажды вечером, когда она сидела на кровати в своем старомодном отеле, туфли были отброшены в угол, ноги мучительно болели, соседка зашла попросить разменять деньги. Соседка — высокая, страшная как смерть девица с длинным носом и семилетним стажем актрисы массовки.

— Никакой удачи на этих студиях, а? — она спросила с сочувствием, глядя Клэр в глаза. — Тяжело это, детка, вот как. Я знаю. — Она вдруг просияла. — Слушай, а хочешь завтра поработать?

Клер вскочила на ноги, услышав это.

— Понимаешь, — объяснила девушка, — у них завтра утром большая массовка, и мой друг-бутафорщик пристроил меня, и я уверена, что для тебя он тоже что-то придумает.

— Да! — задыхнулась Клэр. — О да, пожалуйста!

— Начало съемок в восемь, нужно быть уже одетыми и в гриме. Мы приходим к шести тридцати. Пойду позвоню дружку, думаю, все будет хорошо.

Она уже поворачивалась, чтобы уйти, когда Клэр спросила:

— Какая это студия и какая картина?

— «Уандер пикчерс», — ответила девушка. — «Дитя опасности», знаешь, большой фильм с их новой звездой, Хейди Леланд.

Клэр Нэш сидела, дрожа от холода, в уголке автобуса. Хрипя и урча, автобус плелся по направлению к студии через темные пустые утренние улицы. Автобус трясся, как коктейльный шейкер на колесах, бросая пассажиров друг на друга, подкидывая их вверх и бросая вниз на липкие кожаные сиденья на каждой кочке. Все пассажиры с усталыми лицами, с выдавшими виды коробками косметики, ехали в одно и то же место.

Клэр чувствовала себя замерзшей и разбитой. Веки казались ватными и закрывались помимо ее воли. Мысль, что режиссер, подлинный режиссер обязательно распознает талант, тоже проходила тяжело и мутно через безумный, нереальный мир вокруг нее.

Она все еще обдумывала это, проходя устало через ворота «Уандер пикчерс студио». Клэр Нэш проработала на этой студии семь лет. Но она впервые проходила через некрасивые ворота «Входа для статистов». Она осторожно склоняла голову, скрывая подбородок шарфом, чтобы никто не узнал. Впрочем, довольно скоро поняла, что бояться нечего: никто бы не разглядел ее в унылой толпе теней, проходящих мимо окошка конто-

ры по подбору актеров; никто бы не разглядел, и никто не пытался разглядеть. Паренек в окошке передал ей талон, даже не подняв головы. «Поторопись!» — нетерпеливо подтолкнула ее соседка, и Клэр вместе с остальными бросилась к гардеробу.

Три суровые, мрачные, холодные личности в рубашках передавали из-за деревянной стойки костюмы статистам. Они вылавливали первые попавшиеся тряпки из корзин, наполненных грязными обносками, и пихали их в безропотные руки. Когда подошла очередь Клэр, личность сунула ей что-то тяжелое, огромное, бесцветное, с грязными обрывками золотой ленты, с застарелым запахом грима и пота.

— Ваш талон? — приказал он резко, протягивая за ним руку.

— Мне не нравится этот костюм, — в ужасе объявила Клэр.

Мужчина посмотрел на нее с недоверием.

— Ну, это просто ужасно, не так ли? — заметил он, забрал ее талон, пробил его и повернулся с охапкой тряпок к следующей в очереди женщине.

Раздевалка статистов была холодной, как погреб, холоднее даже, чем ледяной воздух снаружи. Негнущимися пальцами Клэр сняла одежду и влезла в костюм. Затем посмотрела в зеркало и сразу зажмурилась. Затем, сделав над собой усилие, открыла их снова и посмотрела на себя: огромное одеяние могло вместить троих; тяжелые складки комом собирались на животе; она попыталась разгладить их, но они все равно соскальзывали на свое место; она была неуклюжей, жирной, бесформенной.

Задышавшись, она опустилась на деревянную скамью перед маленьким зеркалом на грязном столе из некрашеного дерева. Но она мало что знала о киногриме и это немного уже давно забыла. Последние семь лет с ней работал профессиональный визажист, который

знал, как скрыть небольшие дефекты лица. Сейчас она вдруг поняла, что ее глаза — немного узкие, щеки — слишком широкие, что у нее намечается второй подбородок. Она сидела, беспомощно вертя тюбик в руке и пытаясь вспомнить все, что знала.

Барак был полон оживленных, шумных, торопливых и болтливых женщин. Она видела полуголые, дрожащие тела и дряблые мышцы, пар, идущий из ртов при каждом слове, варварские туники и нижнее белье — не очень чистое белье.

Она уже собиралась встать, когда крепкая рука усадила ее обратно.

— Что за спешка, дорогуша? Давай-ка, надевай парик!

Невысокая, полненькая девушка в голубой спецовке стояла, держа во рту шпильки, а в руке — что-то, напоминавшее по виду мех нечистоплотного пуделя.

— Вот это... мне? — Клэр раскрыла рот. — Но... но я блондинка! Я... я не могу надеть черный парик!

— Неужто ты думаешь, что у нас есть время скакать вокруг каждой из вас? — спросила девушка, орудуя шпильками. — У тебя не может быть короткой стрижки в этом фильме. Он про древность. Давай надевай, мы не будем заботиться о цвете для двухсот голов.

— Но это будет выглядеть ужасно!

— Ну а за кого ты себя принимаешь? Это испортит картину, так ты думаешь?

Парик был мал. Парикмахерша натягивала его, пока он не сжал голову Клэр, как тиски. Она намотала сверху огромный тюрбан, чтобы удержать его на месте, и воткнула с десяток шпилек так грубо, что поцарапала Клэр голову.

— Ну, теперь ты в порядке. Поторопись, у тебя пять минут, чтобы добежать до площадки.

Клэр бросила последний взгляд в зеркало. Черный мех пуделя свисал ключьями; огромный тюрбан съехал

на глаза; она выглядела, как гриб с бугром посередине. Она в безопасности, никто ее не узнает; она сама себя не узнавала.

— Фсе на площадку! — Вернер фон Хальц прорычал в микрофон.

Послушная, как стадо, огромная толпа наполнила вымощенный камнем двор замка королевы лани. Четыреста пар глаз устремились вверх, где на площадке возвышалась величественная фигура мистера фон Хальца.

В торжественной тишине голос мистера фон Хальца прозвенел повелительно:

— Фот што фам нушно сделает. В вашей стране фойна, и фы только што одершали большую победу. Фаша королефа объяфит фам это с крепостной стены. Фы фстречаете нофост с фосторгом.

Замок возвышался на фоне голубого неба, гигант из неприступного гранита и гипса, окруженный строительными лесами и проводами. Армия в спецовках медленно прошла через замок, располагая листы металла внутри, над и под крепостными валами, направляя на толпу горячие солнечные лучи. Нервные ассистенты режиссера пробежали, расставляя людей по площадке.

Клэр провожала каждого ассистента взволнованным, ждущим взглядом. Но ни один не заметил ее. Ее не поставили на лучшее, заметное место. И когда один показал на нее, другой покачал головой: «Нет, не эту!»

Операторы склонились над камерами, напряженные, неподвижные, изучали сцену. Вернер фон Хальц внимательно осматривал площадку через темную линзу.

— Тень в левом углу! — приказывал он. — Фиключите тот сфет слефа!.. Я хочу еще семь челофек на этих ступеньках... Разбейте эту линию! Фы не солтаты на

параде!.. Не сбифайтесь, как кильки, ф отном месте! Разойтитесь по тфору!.. Хорошо! — наконец скомандовал он. — Тафайте попробуем!

Худая, юркая фигурка Хедди Леланд появилась на стене крепости. Она заговорила. Толпа взревела неподвижно, только сотни рук поднялись вверх механически, как во время зарядки.

— Останофите! — взревел Вернер фон Хальц. — Расфе так нарот встречает королефу, кофорящую о победе? Предстафьте себе, что она гофорит, что фам фсем сейчас татут обед! Посмотрим, как фы встретите это!

Королева лани снова заговорила. Подданные встретили ее слова с энтузиазмом. Мистер фон Хальц кивнул.

— Фот это картинка! — провозгласил он.

Ассистенты бросились в толпу, бросая последние приказания. «Эй, ты там! Сними очки, дубина!.. Не жуй жвачку!.. Спрячь тот подъюбник, слышишь?... Никакой жвачки! В том веке не жевали жвачку!»

— Готовы? — прокричал Вернер фон Хальц.

Вся площадка замерла в молчании, в благоговейном молчании.

— Камерааа!

Семь рук сработали, как рычаги. Семь маленьких, сияющих стеклянных глаз вдруг ожили, зловещие, направленные на сцену, как семь пушек. Четыреста человек в паническом энтузиазме бушевали, как котел, полный тряпок, у подножья замка. На стене две тонкие, сильные руки поднялись к небу, и юный голос восторженно зазвенел, перекрывая рев толпы.

А Клэр Нэш чувствовала, как ее сбивают с ног, толкают, пихают, переворачивают, бросают вправо и влево обезумевшие человеческие тела. Она пыталась сыграть радость. Зажатая между двумя восторженными мужчинами, она не могла бы сказать, с какой стороны находятся камеры и с какой — замок; все, что она мог-

ла видеть, был маленький кусочек неба над красными потными шеями. Она пыталась пробиться наружу. Ее отбросил назад чей-то локоть, вонзившийся под ребра, и чье-то колено, ударившее в живот. Женщина, неистово выкрикивавшая: «Да здравствует королева!» — брызгала слюной ей в лицо. Мужчина с внешностью атлета наступил на ее босую ногу, ободрав кожу на пальцах. Она жалко улыбалась и бормотала: «Да здравствует королева», — вяло помахивая ладонью над головой. Даже ее ладонь не было видно.

Затем, когда наконец раздался пронзительный вой сирены и ассистент прокричал: «Перерыв!», когда камеры остановились, когда Клэр смогла наконец глубоко вдохнуть и вынуть прядь парика изо рта, мистер фон Хальц довольно вытер лоб и сказал:

«Корошо!.. Еще раз, пошалуиста!»

Клэр была на ногах уже три часа, когда камеры передвинули, а ей удалось доковылять до медсестры, которая смазала ей царапины на руках и ногах, подышать, оглядеться.

Она увидела высокую, грациозную фигуру мужчины в простейшем сером костюме, бесстыдно прекрасном в своей простоте. Ее сердце перевернулось. Она узнала чистые, высокомерные глаза, презрительную, неотразимую улыбку. Он наклонялся к Хедди Леланд, разговаривая с ней так, словно они были одни на площадке. Хедди Леланд сидела в низком удобном кресле, темный шелковый халат был натянут поверх костюма, тонкие загорелые руки неподвижно лежали на подлокотниках. И она смотрела на Уинстона Эйерса снизу вверх с непроницаемым лицом; но смотрела на него так, словно он был единственным мужчиной на съемках.

Клэр почувствовала, как что-то ударилось под ребром. Ее не волновали ни площадка, ни толпа, ни ее ме-

сто в ней, ни место Хедди Леланд. Ее волновал мужчина в сером и то выражение, с которым он смотрел на девушку в кресле. Клэр была удивлена, обнаружив, как сильно ее это волнует. Она поспешно ушла, бросив последний, горький взгляд на кресло с черной надписью на полотняной спинке: «Не садиться. Хедди Леланд».

Она устало опустилась на первый попавшийся стул. «Прошу прощения!» — крикнул мальчик-ассистент и, не дожидаясь, пока она поднимется, выхватил из-под нее стул и унес прочь. Она увидела, что на спинке было написано: «Не садиться. Миссис Уиггинс, костюмер». Она отошла и присела на ступеньку стремянки. «Прошу прощения!» — крикнул электрик и унес стремянку. Она дотащилась до темного угла и жалко опустилась на пустую коробку.

— Фсе на площадку! — взревел Вернер фон Хальц.

Она тяжело побрела на площадку, немного покачиваясь, ослепленная белоснежным сиянием солнца в отражателях. Быстрая тень человека, проходящего мимо, упала на ее лицо. Она открыла глаза и обнаружила, что смотрит прямо на Уинстона Эйерса. Он остановился и посмотрел на нее, подняв бровь, открыл рот и закрыл его снова. Затем поклонился спокойно, элегантно, не произнося ни слова, повернулся и пошел дальше. Но Клэр заметила, как скривились его губы, будто ему очень большого усилия стоило не рассмеяться. Она покраснела, как свекла, даже сквозь толстые слои коричневого грима.

Пока репетировали новую сцену, Клэр расчищала себе путь, отчаянно и уверенно, к краю толпы, прямо перед камерами. «Они заметят меня!» — мрачно прошептала она. И они заметили.

— Что это за тефлонка в коричневом? — спросил Вернер фон Хальц после первого прогона, указывая большим пальцем на Клэр Нэш, свирепо боровшуюся с комом у себя на животе и с тюрбаном, съезжающим с

головы. — Уберите ее оттуда! Поставьте вперед кого-то, кто умеет играть!

К концу дня каждая кость в ее теле болела, и ее ноги горели, как раскаленное железо, с глазами, запорошенными пылью, и пылью на языке. Клэр Нэш стояла у окошка кассы, любопытная и взволнованная, видя, как девушки уходят, держа в руках чеки на семь с половиной и десять долларов. Когда она попросила свою оплату, на кусочке бумаги, протянутом ей, были написаны слова: «Выплатить Джейн Робертс сумму в пять долларов».

Клэр Нэш была упрямой женщиной. Кроме того, мысль о скривленных губах Уинстона Эйерса не давала ей уснуть всю ночь. На следующий день на студии она получила эпизод.

Она вспомнила начало своей карьеры. Она улыбнулась и подмигнула ассистенту режиссера; она поговорила с ним — не слишком строго. В итоге, когда мистер Хальц попросил девушку для эпизода, ее вытолкнули вперед.

Мистер фон Хальц критически ее осмотрел, наклоня голову из стороны в сторону.

— Ну корошо, попробуй, — сказал он в конце концов безразлично. — «Фот тот мужчина, — он показал на высокого, тощего, жалкого статиста, — трус, боится идти на фойну. Ты, — он показал на Клэр, — злишься и смеешься над ним. Ты... как фы это называете? Бесцеремонная женщина.

— Я? — открыла рот Клэр. — Бесцеремонная женщина? Но это не мой типаж!

— Што? — сказал мистер фон Хальц в изумлении — Мошет быть, ты не хочешь это делать?

— О нет! — сказала Клэр поспешно. — О нет, я хочу!

Камеры щелкнули. Трус задрожал, закрывая лицо руками. Клэр дьявольски рассмеялась, уперев руки в

бока, и хлопнула его по спине, стараясь забыть об идеале нежной девицы...

Тем же вечером Клэр присутствовала на просмотре своей сцены. Вообще, статистов не допускали в святая святых зала, но она мечтательно улыбнулась нежному ассистенту режиссера, и он сдался и тайком пропустил ее через узкую дверь, когда свет выключили и все великие уселись в глубокие кожаные кресла: мистер Бамбургер, мистер фон Хальц, мистер Эйерс, мисс Леланд. Клэр стояла в темном углу возле двери и с нетерпением смотрела на экран.

Ей пришлось признаться себе, что она выглядела на пленке хуже, чем обычно; и вспомнить, что в течение семи лет у нее был собственный оператор, который знал секрет, как расставить свет, чтобы ее лицо выглядело таким, каким считали его поклонники. Кроме того, бесцеремонные женщины никогда не были ее амплуа.

Мнение мистера фон Хальца было более обстоятельно. «Хм, — услышала она его слова, — у этой девицы таланта ни на грош. И она не смотрится на пленке. И она не актриса. Вырежьте это!»

Она не помнила, что произошло после этого. Она помнила, как стояла на темной аллее возле студии, подняв голову навстречу ветру, холодному ветру, который никак не мог охладить ее пылающего, пульсирующего лба; пока ассистент режиссера глупо бормотал что-то об ужине и о чем-то, что она обещала.

У ворот студии стоял длинный, низкий автомобиль, слегка поблескивающий в лунном свете. Стройная девушка стояла одной ногой на подножке, завернувшись в короткое пальто с широким меховым воротником; высокий мужчина в сером держал для нее дверь. Они тихо разговаривали, и Клэр не могла расслышать их голосов.

Все девушки прошли мимо, глядя на них. «Это Уинстон Эйерс и его открытие», — Клэр услышала их ше-

пот. Те двое слышали его тоже. Они посмотрели друг на друга, прямо в глаза. Его улыбка была теплой и мягкой, ее — скупой и горькой. Она села за руль, закрыла дверь и уехала. Он стоял не двигаясь и смотрел, как ее машина скрывается за поворотом темной дороги.

— Думайте что хотите! — сказала Клэр Нэш Уинстону Эйерсу, который встретился с ней по ее просьбе в безымянном ресторане. — С этим покончено! Я ничего не думаю, и я устала думать. Это все ужасно глупо. Я кладу конец этой нелепой комедии.

— Конечно, мисс Нэш, — ответил он невозмутимо. — Это можно легко устроить. Мне жаль, что это маленькое приключение вас так расстроило.

Это все, что он сказал. Он не задавал вопросов. Он никогда не упоминал съемочную площадку фильма «Дитя опасности», будто они там не встречались.

Она постаралась все забыть и улыбалась тепло, призывно, с надеждой. Холодное, твердое лицо его оставалось неподвижным. Она уже в первую встречу понимала, как мало надежды для чувств, которые пробуждает в ней этот мужчина. Теперь она понимала, что надежды нет никакой. Что-то изменило его. Она думала, что могла бы узнать, что это было, если бы вложила уверенность в свои слова; но она не хотела знать.

Она вернулась одна в свой гостиничный номер, чувствуя себя усталой и опустошенной.

Это было в понедельник. В среду кинообозреватели голливудских газет объявили, что Клэр Нэш отплыла из Европы, перехитрив репортеров, пытавшихся узнать название корабля; она, как уверяли газеты, собирается сразу по прибытию вылететь из Нью-Йорка в Голливуд.

Клэр купила все газеты. Она сидела в своей комнате, глядя на них. Казалось, она просыпается от кошмара.

Затем она отправила телеграмму своей секретарше в Нью-Йорк. Секретарша должна была прилететь в Голливуд на «Трансконтинентал делюкс» через пять дней; она должна была зарегистрироваться на рейс под именем Клэр Нэш, она, Клэр, встретит самолет на последней остановке перед Лос-Анджелесом, и они поменяются местами; затем ее ждет надлежащая встреча в Нью-Йорке.

Она отправила телеграмму, вошла в первый попавшийся бар и заказала выпивку. Она провела слишком много ночей одна в номере, опасаясь идти в развлекательные заведения, где могла бы встретить друзей. Она больше не могла этого выносить. Не могла терпеть еще неделю. Ей было все равно. Но в баре ничего не произошло. Никто ее не узнал.

Банкет подходил к концу. Длинный белый стол, аккуратный и формальный, напоминал реку подо льдом, с хрусталем, как кусочки льда, серебряными приборами, как сияющая вода в трещинах, с цветами, как острова в потоке. В денежном выражении фамилии людей, наполнявших зал, составили бы сумму, цифры которой выстроились бы в ряд длиной от одного конца стола до другого. Богатые и дорогие люди Голливуда собрались, чтобы отметить подписание пятилетнего контракта между мисс Хедди Леланд и «Уандер пикчерс».

На почетном месте сидела похожая на розу в облаке розового тюля, белого шифона и стразов, похожих на капли тумана, тонкая фигурка. Она сидела прямая, сдержанная, спокойная, вежливая, как того требовал случай, аккуратная вся, кроме волос, зачесанных со лба назад, непослушных, готовых улететь и забрать с собой это розовое облако прочь из этого ужасного места, где ей приходилось улыбаться, кланяться и прятать глаза вместе с желанием закричать. Слева от нее

располагалась огромная сияющая улыбкой физиономия мистера Бамбургера и сияющие бриллиантовые запонки мистера Бамбургера. Справа сидел Уинстон Эйерс.

Он сидел неподвижно, молча, утрумо; казалось, он лишился своих безупречных манер и забыл изобразить на лице подходящую случаю восторженную улыбку; он не показывал вовсе никакого энтузиазма; похоже было, что он не знает и не думает о том, где находится. Хедди вдруг поняла, что этот день, день, которого она дожидалась и добивалась таким адским трудом, не значил для нее ничего в сравнении с мыслями мужчины, сидевшего рядом. Он не пытался с ней заговорить. Она не поворачивалась к нему, а покорно улыбалась мистеру Бамбургеру, цветам, бесконечным громким фразам произносящих речи в ее честь:

«Мисс Леланд, чей несравненный талант... Мисс Леланд, блестящая юность которой... Голливуд рад приветствовать... Слава никогда так не улыбалась такому блестящему будущему... Мы, те, кто всегда в поиске великих и талантливых...»

«Мисс Леланд...» Уинстон Эйерс перехватил ее в темном коридоре, куда она сбежала, чтобы побыть одной, покинуть роскошный банкет незамеченной. Она остановилась. Все же кому-то ее не хватало; ему, хотя он, казалось, не замечал ее присутствия.

Она стояла неподвижно, белая, как статуя в темноте. Холодный ветер дул с голливудских холмов, раздувая ее юбку, как парус. Он приблизился. Остановился, глядя на нее. Взгляд не сочетался со словами, произнесенными тихим, насмешливым голосом:

— Я пренебрег своим долгом в этот великий день, мисс Леланд, — сказал он. — Читайте, что я вас поздравил.

Она ответила, не двигаясь:

— Спасибо, мистер Эйерс. И спасибо вам — за все.

— Не нужно, — пожал он плечами. — Теперь вам уже не понадобится моя помощь. — Она знала, что он хотел, чтобы это прозвучало насмешливо; но это было больше похоже на сожаление.

— Я рада этому! — вдруг сказала она, прежде чем поняла, что говорит, ее голос впервые ожил, страстный и дрожащий. — Я всем этим обязана вам, но хотела бы, чтобы это было не так. Только не вам. Кому угодно, но не вам. Благодарность — слишком сложная вещь, потому что она может... может... — Она не могла сказать этого. — Потому что она может занять место всего остального, пытаюсь покрыть, объяснить все... Я не хочу быть вам благодарна! Не благодарна! Я хотела бы умереть за вас, и не из благодарности! Потому что я...

Она вовремя остановилась. Она не понимала, что говорит; конечно, подумала она, он тоже не мог этого знать. Но он стоял так близко сейчас. Она подняла на него глаза. Она знала, о чем говорят его глаза, она вдруг поняла это так ясно, что почти не обращала внимания на его слова, слова, которые пока еще боролись с тем, чему поддались его глаза.

— Вы ничего мне не должны, — сказал он холодно. — Я давно хотел вам это сказать. Знал, что я должен. Я выбрал вас не потому, что что-то в вас увидел. Я такой же идиот, как другие. Это была шутка, выходка — чтобы доказать что-то неважное кое-кому еще менее важному. Когда-нибудь я расскажу вам эту историю. Я не заслуживаю вашей благодарности. Я ничего от вас не заслуживаю. Я не думал, что для меня что-то может иметь значение. Но кое-что имеет. — Он закончил мрачным, тихим голосом, все еще суровым, все еще холодным, но что-то сломалось в этой холодности: — Потому что я люблю вас.

И это был не насмешливый, циничный писатель, что обнял дрожащую белую фигурку и чьи голодные губы встретились с ее...

— О, боже, боже, — говорил Уинстон Эйерс, входя с Хейди Леланд в свою квартиру три дня спустя, — не только кинокарьеры зависят от случая!

Не только кинокарьеры зависят от случая...

«Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! — газетные мальчишки кричали на всех углах. — Чудовищная катастрофа! Разбился авиалайнер с двенадцатью пассажирами!»

Нетерпеливые горожане вырывали газеты из рук мальчишек, с голодной радостью. И сенсация росла с выходом следующих изданий с огромными черными заголовками:

КЛЭР НЭШ МЕРТВА

Более мелким шрифтом внизу объяснялось, что звезда зарегистрировалась на рейс среди пассажиров злополучного самолета, крушение которого произошло незадолго до последней остановки перед Лос-Анджелесом, что никто не выжил и что тела невозможно опознать.

Затем как будто прорвало плотину. От побережья к побережью в многокилометровых газетных колонках проливались слезы в связи с ужасной утратой. Говорилось, что экран лишился своего ярчайшего светила; что ее имя было записано в книге бессмертия; что весь мир ощутит ее потерю; что не будет другой Клэр Нэш; что «Уандер пикчерс» подписала с Лулой дель Мио, известной инженерю, контракт на главную роль в фильме «Душа и сердце», которую должна была получить Клэр Нэш.

В своем маленьком номере, вернувшись из города, куда так и не долетел самолет, Клэр Нэш сидела посе-

редине газетного моря. Никогда некрологи не находили более восторженного читателя. Вот, думала Клэр Нэш, читая, вот же оно. Вот что она значила для мира! Они знали ей настоящую цену, в конце концов. Какая известность! Какая сенсация будет, когда мир узнает, что его ярчайшее светило все еще сияет! Она решила отложить свое воскресение на несколько дней. Урожай прекрасных слов падал ей в руки с каждой газетой и становился долгожданным глотком вина для жаждущей души.

Она впервые нахмурилась, когда племянник продюсера, о котором она давно позабыла, появился в прессе со статьей об их давнишнем разводе; печальной, нежной статьей, который, впрочем, напоминал о некоторых вещах, которые лучше было бы сохранить в секрете. Без сомнения, ему хорошо заплатили, и изуродованный труп не мог подать в суд, но все же существовали женские клубы, а такая вещь едва ли улучшала репутацию женщины.

Она перестала улыбаться, когда известный своим пламенным латиноамериканским темпераментом плейбой, давно сидевший без работы, имя которого она с трудом припоминала, опубликовал длинное признание о своих любовных отношениях с мисс Нэш, детали которой она ох как хорошо помнила. Воскресные издания принесли такие истории, с фотографиями и факсимиле писем, что она решила, что время пришло остановить это. То, о чем страна начинала шептаться, было не так грустно и не так прекрасно, как некрологи.

— Я действительно не понимаю, мадам, как вы можете настаивать на этом, — сказал мистер Бамбургер Клэр Нэш, изможденной, осунувшейся, до зелени бледной Клэр Нэш с безумными глазами, которая сидела в его офисе, куда долго и отчаянно пыталась пробиться.

— Но, Джейк... — пробормотала она. — Но ты... Я... Ради бога, Джейк, ты не заставишь меня считать себя сумасшедшей. Ты знаешь меня. Ты узнаешь меня!

— Правда, мадам, я никогда прежде вас не видел.

Секретарша мистера Бамбургера вышла из комнаты. Мистер Бамбургер поспешно поднялся и закрыл за ней дверь.

— Послушай, Клэр...

Она вскочила на ноги, светящаяся улыбка осушила ее слезы.

— Джейк, дуралей! Ну что за проделки!

— Послушай, Клэр, конечно, я узнал тебя. Но я не узнаю тебя на людях. Ну, не смотри на меня так. Я не узнаю тебя — для твоего же блага.

Она села обратно, потому что едва устояла на ногах.

— Я... я не понимаю, — прошептала она.

— Ты понимаешь, — сказал мистер Бамбургер, — прекрасно понимаешь. Ты же читала все эти чертовы статьи, правда же? И как ты думаешь, какой продюсер захочет подойти теперь к тебе ближе чем на десяток метров?

— Но я могла бы...

— Нет, ты не могла бы. Ты не можешь подать на них в суд, потому что они все докажут. И мы знаем, что дамские клубы и общество поборников морали бойкотирует студию, сотрет ее с лица земли, если один из нас окажется таким идиотом, что снимет тебя снова.

— Но...

— Где ты была все это время, пустоголовая дура? Почему ты позволила им печатать эти некрологи? И если бы это было все! Как ты думаешь, публика простит тебе это? Нажиться на катастрофе! Это разрушит всю веру в киноиндустрию, если они только узнают! Прошло время таких пресс-секретарских трюков!

— Но я же объяснила тебе! Я сделала это только потому, что...

— А, так ты собираешься выложить реальную историю? Рассказать миру, что тебя не было на самолете, потому что ты играла в глупую, жалкую игру со студиями? И что ты думаешь, что после этого продюсеры подхватят тебя и изобразят себя кучкой остолопов?

— Да... да, но... Но я знаменитость... я — большая звезда... я — кассо...

— Была, а еще ты начала проваливаться. Да, определенно проваливаться, девочка моя. Публике надеются инженю. Ну и потом, мы подписали уже контракт с Лулой дель Мио, она займет твое место. Нам не нужно две звезды...

— Послушайся моего совета, Клэр, — мистер Бамбургер говорил белому призраку женщины, который покидал его офис полчаса спустя. — Останься мертва официально, бросай Голливуд, бросай кино. Так будет лучше для твоей репутации и твоего душевного покоя. Конечно, можно легко идентифицировать твою личность. Но публика тебя не примет, ты просто выступишь себя в нелепом свете. И ни один продюсер не возьмет тебя. Поспрашивай их, они все скажут то же, что и я. Ты нажила неплохое состояние, тебе больше не понадобится работать — так отдыхай и наслаждайся. Выйди замуж за какого-нибудь милого, порядочного миллионера. Забудь про кино. Я гораздо опытней тебя в этих делах, и я скажу тебе — экран больше не для тебя.

Мистер Бамбургер был категорически против. Вернер фон Хальц протестовал чередой ругательств на всех мыслимых европейских языках. Но Уинстон Эйерс и Хедди Леланд Эйерс, его жена, настояли на своем, спокойно, непоколебимо. Так Джейн Робертс подписала контракт на вторую главную женскую

роль в «Дитя опасности». Персонаж появлялся во второй половине фильма, и актриса на роль еще не была отобрана.

Мистер Бамбургер сдался при условии, что Джейн Робертс останется Джейн Робертс, перекрасит волосы, изменит форму бровей, не будет выходить в свет и исключит любую связь своего имени с именем Клэр Нэш.

— И все же, — вздыхал мистер Бамбургер, — все же публика догадается.

— Я надеюсь, — сказал Уинстон Эйерс серьезно, — я всем сердцем надеюсь, что они догадуются. Но у меня есть основания сомневаться в этом.

Джейн Робертс сыграла простую, невинную деревенскую девушку из владений королевы лани. Это была небольшая роль, но стоила десяти главных. Она дала ей возможность сыграть все эмоции, которые она мечтала показать. Она подходила ей идеально. Она была сочетанием всех ее великих ролей.

Клэр Нэш собрала все силы. Она вспомнила все свои великие роли и взяла от каждой только лучшее. Она привнесла в свою роль нежные, беспомощные взгляды, дрожащие губы, знаменитую невинную улыбку, все движения, грации, ужимки, которыми так восхищались поклонники и критики. Она сделала все, что когда-либо делала, и даже больше. Она в жизни так хорошо не играла.

Шесть месяцев спустя появились отзывы:

«Дитя опасности — картина века. Слова теряют смысл, когда мы говорим о великолепии этого чуда экрана. Его нужно увидеть, чтобы понять волшебство этого кинематографического триумфа. История так же велика, как ее автор — Уинстон Эйерс. И когда сказано это — сказано все. Вернер фон Хальц завоевал блестящей режиссурой этого шедевра подлинное бессмертие. Хедди Леланд, новая звезда, — это открытие,

которое превосходит все, прежде виденное на экране. Ее игра отмечена пламенеющей печатью гениальности, которая создает историю кино...

Если нам будет позволено обратить внимание читателя на незначительные изъяны этого умопомрачительного произведения, мы бы хотели отметить, не углубляясь в детали, небольшую неприятность, омрачившую идеальный вечер. Мы говорим о второй главной женской роли. Это одна из тех неинтересных, простодушных юных штучек, у которых нет ничего, кроме сладкой улыбки и хорошенького личика. Она напоминает нам ту или другую звезду, но ее слабое, бесцветное изображение деревенской девицы показывает нам невыгодное положение хорошей роли в руках любителя. Роль играет некая Джейн Робертс».

Около 1929 г.

КРАСНАЯ ПЕШКА

Предисловие редактора

В 1930-м, все еще работая в костюмерной РКО, Айн Рэнд начала намечать «Мы, живые». Но она прервала работу над романом, чтобы написать сценарий для фильма, надеясь, что это принесет ей достаточно денег, чтобы заниматься только творчеством. Айн Рэнд считала «Красную пешку» своей первой профессиональной работой. К счастью, это же было ее первой публикацией, принесшей заработок: она продала рассказ «Юниверсал пикчерс» в 1932 г. за 1500 долларов, и наконец смогла выйти из РКО. Плата в 1500 долларов включала в себя как сюжет истории, так и сценарий.

«Юниверсал» позже продал историю «Парамаунт» (за что «Парамаунт» заплатил 2000 долларов). Правами теперь обладала «Парамаунт пикчерс», так никогда и не выпустившая историю в свет, что позволило напечатать ее.

«Красная пешка» представляет первую для Айн Рэнд серьезную философскую тему: зло диктатуры —

в частности, в Советской России. Однозначное отвержение мисс Рэнд диктатуры включает в себя целую философскую систему, в том числе взгляд на природу реальности и требования человеческого рас­судка (см. «Капитализм: незнакомый идеал»). Но в «Красной пешке» аргументы сведены к его сущности. Коммунизм требует, чтобы индивид отказался от собственной независимости и счастья и стал шестеренкой, беззаветно работающей на благо группы. Коммунизм, таким образом, — это разрушитель индивидуального счастья и человеческой радости. Или, если выражать это в терминах «Мужа, которого я купила» и «Хорошей статье», философский вопрос таков: коммунизм против «поклонения человеку» и коммунизм против «благосклонной вселенной», то есть коммунизм против ценностей. Такова связь между политической темой рассказа и этическими воззрениями Айн Рэнд.

Ответом коммунизму, как считала Айн Рэнд, было бы признание человеческого права на жизнь — на жизнь по собственному уму и ради себя самого, не принося ни себя в жертву другим, ни других в жертву себе. Цель и лозунг такого человека — род счастья, который в этом рассказе символизирует «Песня танцующих огней». Эта песня, по сути, является опровержением коммунизма от Айн Рэнд — радостный дух песни, тот факт, что такая радость доступна человеку — это ответ апостолам безответного труда. Требовать отказа от такой радости, по мнению Айн Рэнд, подлинное зло.

В «Красной пешке» есть и еще одна тема — философское сходство коммунизма и религии. Они подчиняют индивида чему-то якобы высшему (Богу или государству) и отождествляют благодетель с самоотверженным трудом. С ранних лет Айн Рэнд четко видела, что коммунизм, несмотря на его пропаганду,

не альтернатива религии, но только лишь обмирщенная версия ее, наделяющая государство прерогативами, ранее отведенными потустороннему (В противовес философии здравого смысла и самоуважения.)

Сюжет «Красной пешки», как и тема, очень близок к «Мы живые». Обе работы подразумевают треугольник: страстная женщина (преобладающая в действии), ее возлюбленный (или муж) антикоммунист, преданный коммунист, обладающий властью над ними и которого она должна соблазнить, чтобы спасти жизнь своего возлюбленного. В таком треугольнике женщина презирает третьего и делит с ним постель только из практических соображений. В версии Айн Рэнд коммунист, впрочем, не злодей, но заблуждающийся идеалист, которого героиня начинает любить; это погружает героиню в гораздо более болезненную ситуацию, которую ей необходимо разрешить, и история становится несравнимо более захватывающей.

Как в большинстве произведений Айн Рэнд, история оставляет в нас веру в чувство человеческого достоинства, даже величия, потому что конфликт истории — не между добром и злом, а между добром и добром (двумя мужчинами). В соответствии со своим представлением о том, что зло беспомощно, злодеи в историях Айн Рэнд редко поднимаются до ролей доминирующих, определяющих сюжет фигур. Чаще всего они, как Федосич в этой истории, они — периферийные создания, приговоренные своей иррациональностью к провалам и поражениям. Фокус истории, таким образом, — не на подломе человека, а на человеке героическом.

В «Красной пешке», как это подходит истории, предназначенной для экранизации, центральная ситуация представляется в упрощенном виде. Муж (Ми-

хаил) отбывает заключение на пустынном острове, коммунист (Кареев) — комендант острова, а цель жены (Джоан) — помочь мужу сбежать. Детали и темп развития сюжета отличаются от «Мы, живые» так же, как и концовка, которая сама по себе блестяща; неизвестность разрешается в четырех словах, прошепанных Джоан солдатам. Название кажется игрой слов: Джоан — пешка, данная Карееву красным государством, но и сам Кареев — «красный», ставший пешкой на поле Джоан.

По своей природе киносценарий концентрируется на драматическом действии, разворачивающемся перед камерой. Этот сценарий предоставляет романтическому режиссеру изобилие ходов такой драмы. Можно практически представить себе лицо Михаила, разрываемого ревностью, когда он прислуживает за столом своему сопернику и собственной жене или крупный план, когда на фоне звенящих колоколов зачитывается срочное послание; или, в конце, двое саней медленно разъезжаются в противоположные стороны по чистому снегу, взгляд Джоан обращен на того, чья голова гордо поднята, хотя он направляется к верной смерти.

Наиболее выразительна сцена в библиотеке. Кареев стоит между коммунистическим плакатом и фреской, оставленной на острове монахами. Плакат изображает людей размером с муравьев, под надписью, требующей жертвы коллективу; фреска изображает святого, умирающего на костре. И через комнату — Джоан: «Откинув назад голову, на темных алтарных ступенях, напряженная, слушая песню [танцующих огней], она казалась священным подношением Божеству, которому она служила». Здесь — соотнесение человекопоклонения с двумя разрушительными культами, и все это — в визуальной сцене. Вот что значит «писать для кино».

Удивительно, какой литературной ценностью обладает этот простой пересказ сюжета. Здесь проявляет себя экономия средств Айн Рэнд, позволяющая двумя словами выразить содержание целых томов. К примеру, сцена, в которой Кареев спрашивает Джоан, зачем она прибыла на остров, и она отвечает ему, что слышала, что он — самый одинокий человек в Республике. «Ясно, — говорит он. — «Жалость?» — «Нет. Зависть». Есть и драматические антитезы в стиле Виктора Гюго («Гражданская война подарила ему шрам на плече и презрение к смерти. Мир дал ему Страстной остров и презрение к жизни».) И есть также живые описания с пробуждающими воспоминания картинами — например, описание монастыря в сумерках или ночных волн.

После «Красной пешки» и «Мы живые» Айн Рэнд редко писала о советской России. Она сказала то, что хотела, о рабском государстве, в котором выросла. И после этого сфера ее интересов переместились с политики на фундаментальные ветви философии, и от рабства — на достижения (и проблемы) жизни в гражданской стране.

Замечание по тексту:

Айн Рэнд написала оригинальный набросок этого сюжета, затем отредактировала примерно двадцать страниц, до того места, где Михаил впервые видит Джоан на острове. Предполагается, что эти страницы имели значение для подачи на студию, и дальнейшее редактирование оказалось ненужно. Поэтому, возможно, более ранние страницы более гладко написаны, чем последующие.

Редактируя, мисс Рэнд меняла имена и предыстории героев. Джоан первоначально была Таней, русской княжной; Михаил был Виктором, русским князем; и заключенные были преимущественно из рус-

ского дворянства. Мне пришлось сделать некоторые поправки, чтобы придать тексту однородность с новым началом. Я просто изменил, где нужно, имена и удалил отсылки к предысториям, которые позже были изменены

Леонард Пейкофф

— Ни одна женщина, — сказал юный заключенный, — не примет ничего подобного.

— Как ты можешь заметить, — ответил пожилой заключенный, пожимая плечами, — одна приняла.

Они склонились над парапетом башни, чтобы посмотреть на море. От покрытого инеем камня под их локтями башня круто обрывалась вниз на триста футов до земли глубоко внизу; вдалеке, на море, где, как первое обещание снежных бурь, мягко катились белые облака, лодка прокладывала путь к острову.

Внизу береговая охрана была наготове, ожидая под стеной, на причале из старых, прогнивших досок; на стене охранники остановили свой обход; они смотрели на лодку, опершись на штыки. Это было серьезным нарушением дисциплины.

— Я всегда думал, — сказал молодой заключенный, — что есть какой-то предел добровольному падению женщины.

— Это, — сказал старый заключенный, показывая на лодку, — доказывает, что его нет.

Он тряхнул волосами, потому что они закрывали ему монокль; ветер был силен, а ему давно требовалась стрижка.

Облезлый позолоченный купол вздымался над ними так же, как и те бесконечные купола, которые венчались золотыми крестами в тяжелом небе России; но здесь крест был отломан; флаг развевался над ним — яркий, вьющийся язык алого цвета, как язык пламени, танцующий в облаках. Когда ветер развернул его в ровную, дрожащую линию, белые символы Советской республики сверкнули на мгновение на красном полотне — серп, скрещенный с молотом.

Во времена царя этот остров был монастырем. Монахи-фанатики выбрали для себя этот кусочек земли в арктических водах у берегов Сибири; они относились подвижнически к снегу и ветру и в добровольной жертвенности поклонялись ледяному миру, в котором человек не протягивал больше нескольких лет. Революция изгнала монахов и привела на остров новых людей, людей, которые прибыли туда не по собственной воле. Письма никогда не достигали острова, письма никогда не отправлялись с острова. Много арестантов прибывало на остров, никто никогда его не покидал. Когда человека приговаривали к заключению на Страстном острове, те, кого он оставлял, молились о нем, как о покойном.

— Я не видел женщины три года, — сказал молодой заключенный. В его голосе не было сожаления, только задумчивое изумление.

— Я не видел женщины десять лет, — сказал старший заключенный. — На эту и смотреть нечего.

— Может быть, она красивая.

— Не будь дураком. Красивым женщинам это не нужно.

— Может быть, она расскажет нам, что происходит... снаружи.

— Я советую тебе с ней не разговаривать.

— Почему?

— Ты не хочешь расстаться с последним, что у тебя осталось.

— С чем?

— С самоуважением.

— Но, может, она...

Он остановился. Никто не давал приказа прекратить, и он не слышал ничего за спиной, никаких шагов, ни звука. Но он знал, что кто-то стоит у него за спиной, и он знал, кто это, и он медленно обернулся, хотя никто не приказывал повернуться, думая, что лучше броситься с башни, чем столкнуться лицом к лицу с этим человеком.

Комендант Кареев стоял перед ним на лестничной площадке. Люди понимали, что комендант Кареев вошел в комнату, возможно, потому, что он сам никогда не думал ни о них, ни о комнате, ни о том, что он в нее вошел. Он стоял неподвижно, глядя на двух заключенных. Он был высок, прям и худ. Казалось, он был сделан из костей и кожи. В его взгляде не было ни злости, ни угрозы, он вообще ничего не выражал. В его глазах никогда не проскальзывало ничего человеческого.

Заключенные видели и как он награждает охранников за выдающиеся заслуги, и как приказывает засечь до смерти арестанта — всегда с одним и тем же выражением лица. Они не знали, кто боится его больше — охранники или заключенные. Его глаза, казалось, не видели людей; они видели, казалось, не человека, а мысль; единственную мысль, на многие столетия вперед; и поэтому, когда люди смотрели на него, им становилось так холодно и одиноко — словно они выходили ночью на бесконечное открытое пространство.

Он не сказал ни слова. Два заключенных проскользнули мимо него к лестнице и поспешно спустились вниз на подгибающихся ногах; он услышал бы, как один из них споткнулся, если бы вообще их заметил. Он не отдавал им приказа уйти.

Комендант Кареев стоял один на башенной площадке, его волосы развевались по ветру. Он склонился над парапетом и взглянул на лодку. Небо над ним было серо, как пистолет у пояса.

Комендант Кареев носил пистолет вот уже пять лет. Вот уже пять лет он был комендантом Страстного острова, единственный в гарнизоне, кто мог выносить эти условия. Много лет назад, он, со штыком наперевес, воевал в гражданской войне против людей, многих из которых теперь охранял, и против родителей других заключенных. Гражданская война подарила ему шрам на плече и презрение к смерти. Мир подарил ему Страстной остров и презрение к жизни.

Комендант Кареев все еще служил революции, как он служил ей в войну. Он принял остров, как принимал ночные атаки и окопы; только это было тяжелее.

Он шел резко, легко, как будто с каждым шагом электрический разряд бросал его вперед; несколько седых волосков поблескивало на его голове, как первый подарок Севера; его губы были неподвижны, когда он бывал доволен, и улыбались, когда он злился; он никогда не повторял приказ дважды. Ночами он сидел у окна и смотрел куда-то, неподвижно, бездумно. Его звали товарищ комендант — в лицо, за его спиной — Зверем.

Лодка приближалась. Комендант Кареев уже мог различить фигуры на палубе. Он склонился над парапетом; в его глазах не было ни нетерпения, ни любопытства. Он не мог найти фигуры, которую ожидал. Он повернулся и направился к лестнице.

Охрана на первой площадке быстро выпрямилась при его приближении; они смотрели на лодку.

У подножья лестницы двое заключенных смотрели на море, перегнувшись через подоконник.

— ...он сказал, что ему было одиноко, — услышал он слова одного.

— Я бы не хотел того, что он получит, — ответил другой.

Он прошел по пустому коридору. В одной из камер он увидел трех мужчин, стоявших на столе, придвинутом к зарешеченному окошку. Они смотрели на море.

В фойе его остановил товарищ Федоссич, его помощник. Товарищ Федоссич закашлялся, и, когда он кашлял, его плечи тряслись, выходя вперед, а длинная шея наклонялась, как шея изголодавшейся птицы. Глаза товарища Федоссича потеряли цвет. В них, как в замерзшем зеркале, отражались серые монастырские стены. Он смотрел одновременно застенчиво и высокомерно, как будто опасаясь и желая оскорбления. Вместо пояса он носил кожаную плеть.

Товарищу Федоссичу говорили, что Страстной остров нехорош для его легких, но это было единственное место, где он мог бы носить плеть. Товарищ Федоссич остался.

Он отдал честь коменданту и поклонился и сказал с ухмылочкой, и ухмылочка эта лаком растекалась по острым углам его слов:

— Если вам угодно, товарищ комендант... Конечно, товарищ комендант лучше меня знает, но я просто подумал: женщина прибывает сюда вопреки всем правилам, и...

— Чего тебе?

— Ну, к примеру, наши комнаты сгодятся для нас, но не думаете же вы, товарищ, что женщине понравится ее комната? Не хотели бы вы, чтобы я ее немного улучшил?

— Не переживай. Для нее комната достаточно хороша.

Во дворе заключенные кололи дрова. Широкая арка открывалась на море, и охранник стоял в ней, спиной к арестантам, следя за лодкой, которая мягко покачивалась, вырастая, приближаясь в бледно-зеленом тумане волн и неба.

Топоры рубили дрова безразлично, одно за другим; заключенные тоже смотрели на море. Статный господин в ободранной тюремной робе прошептал своим товарищам:

— Правда, это ж лучшая история, что я слышал. Видите ли, комендант Кареев подал в отставку. Я полагаю, пять лет Страстного острова не так просто дались его нервам. Но как бы они справлялись с этим местом, без Зверя-то? Ему отказали.

— Где бы они нашли другого идиота, который мерз бы тут ради революционного долга?

— И условие, которое он поставил руководителям на материке: пришлите мне женщину, любую женщину — и я останусь.

— Просто так: любую женщину.

— Ну, господа, это же естественно: хороший красный гражданин позволяет вышестоящим выбирать для себя пару. Оставляет это на их усмотрение. И все — во имя долга.

— А вы можете себе представить, как низко нужно пасть женщине, чтобы принять такое предложение?

— А мужчина, который сделает это предложение?

Михаил Волконцев стоял в стороне от других. Он не смотрел на море. Топор сверкал над его головой ритмично, неистово, безостановочно. Прядь черных волос поднималась и опадала над его правым глазом. Один из рукавов был порван, и проглядывала мускулистая рука, молодая и сильная. Он не принимал участия в разговоре, но, когда он бывал свободен, он любил разговаривать со своими товарищами, заключенными, долго и обстоятельно; но только чем больше он говорил, тем меньше они знали о нем. Только одно они знали о нем точно — когда он говорил, он смеялся; смеялся радостно, легко, мальчишески-небрежно; и это было важно знать о нем — что он был человеком, кото-

рый даже после двух лет Страстного острова мог так смеяться. Только он один и мог.

Арестанты любили говорить о своем прошлом. Их воспоминания были единственным будущим, которое у них оставалось. И было так много воспоминаний: об университетах, в которых они преподавали, о больницах, в которых они работали, о зданиях, которые они спроектировали, о мостах, которые они построили. Все они были полезны и много работали в прошлом. И у всех них была общая черта: красное государство решило избавиться от них и бросить в тюрьму, по той или иной причине, а иногда и вовсе без причины; возможно, из-за неосторожно оброненного слова; возможно, просто потому, что они были слишком способны и слишком хорошо работали.

Михаил Волконцев единственный из них не мог говорить о прошлом. Он говорил о чем угодно, и часто на такие темы и в такое время, что лучше бы ему промолчать; он рисковал, рисуя карикатуры на коменданта на стенах своей камеры; но он не говорил о своем прошлом. Подозревали, что когда-то он был инженером, потому что он всегда подписывался на любую работу, которая требовала умений инженера, например ремонт динамо-машины, питавшей радиомачту. Но больше никто о нем ничего не знал.

Сирена лодки взревела снаружи. Заключенный махнул рукой в сторону моря и провозгласил:

— Господа, поприветствуйте первую женщину на Страстном острове!

Михаил поднял голову.

— Откуда такой восторг, — спросил он безразлично, — по поводу дешевой бродяжки?

Комендант Кареев остановился на входе во двор и медленно подошел к Михаилу. Остановился, молча глядя на него. Но Михаил, казалось, его не замечал,

поднял топор и расщепил еще одно полено. Кареев сказал:

— Я тебя предупреждаю, Волконцев. Я знаю, как мало ты боишься и как сильно ты любишь это показывать. Но ты не будешь высказываться по поводу этой женщины. Ты оставишь ее в покое.

Михаил запрокинул голову и невинно посмотрел на Кареева.

— Конечно, комендант, — сказал он с очаровательной улыбкой. — Она будет оставлена в покое, поверьте моему хорошему вкусу.

Он собрал охапку дров и направился к двери подвала.

Сирена лодки взревела снова. Комендант Кареев отправился встречать ее на причале.

Лодка прибывала на остров четырежды в год, привозя продукты и новых заключенных. На этот раз на борту было двое арестантов: один из них бормотал молитвы, а другой пытался держать голову высоко, но это выглядело неубедительно, потому что губы его дрожали, когда он смотрел на остров.

Женщина стояла на палубе и тоже смотрела на остров. На ней было простое черное пальто. Оно не выглядело дорогим, и было слишком простым, и слишком хорошо сидело, обрисовывая стройное молодое тело. Женщина выглядела не так, как комендант Кареев привык видеть на темных улицах русских городов. Рука держала меховой воротник плотно у горла. У руки были длинные, изящные пальцы. В ее больших глазах было тихое любопытство и такое безразличное спокойствие, что комендант Кареев не поверил бы, что она смотрит на остров. Никто никогда не смотрел так. Кроме нее.

Он смотрел, как она идет по сходням. Тот факт, что ее шаги были легки, уверенны, спокойны, завораживал; тот факт, что она выглядела как женщина, принадлежащая самым изысканным гостиным, завора-

живал; но факт, что она была красива, был невероятен. Это была какая-то ошибка — ему не могли послать такую женщину.

Он вежливо поклонился. Спросил:

— Что вы делаете здесь, гражданка?

— Комендант Кареев? — поинтересовалась она. В ее голосе было странное, тихое, безразличное спокойствие и странный иностранный акцент.

— Да.

— Я думала, вы меня ожидаете.

— О!

Ее холодные глаза смотрели на него, как они смотрели на остров. В ней не было ничего от улыбчивого, призывного, профессионального шарма, которого он ожидал. Она не улыбалась. Она, казалось, не замечала его изумления. Она не видела в ситуации ничего необычного. Она сказала:

— Меня зовут Джоан Хардинг.

— Англичанка?

— Американка.

— Что вы делаете в России?

Она достала из кармана письмо и отдала ему.

— Вот мое рекомендательное письмо из ГПУ в Нижнеколымске.

Он взял письмо, но не стал открывать. Сказал коротко:

— Ну хорошо. Пройдемте сюда, товарищ Хардинг.

Он поднялся в гору, к монастырю, жесткий, молчаливый, не предложив ей руки, чтобы помочь подняться по древним каменным ступеням, не оборачиваясь к ней, под взглядами всех мужчин на пристани и под давно забытый звук французских каблучков.

Комната, приготовленная для нее, представляла собой маленький куб из серого камня. Там была узкая железная койка, стол, свеча на столе, стул, маленькое зарешеченное окошко, печь из красного кирпича,

встроенная в стену. Ничто не приветствовало ее, ничто не показывало, что в этой комнате ожидали человека, только тонкая красная полоска огня, подрагивающая по краю печной дверцы.

— Не очень комфортабельно, — произнес комендант Кареев. — Это место не предназначено для женщин. Здесь был монастырь — до революции. У монахов был закон: женская нога не должна ступать на эту землю. Женщина — это грех.

— Ваше мнение о женщинах немного выше, правда, товарищ Кареев?

— Я не боюсь прослыть грешником.

Она посмотрела на него. Проговорила медленно, как будто зная, что отвечает на что-то, чего он не говорил:

— Единственный грех — это упускать то, чего вам больше всего хочется в жизни. Если у вас это забрали, вам придется потребовать это обратно — любой ценой.

— Если вы платите эту цену за что-то, чего желаете, это немного высоковато, знаете ли. Вы уверены, что это того стоит?

Она пожала плечами:

— Я привыкла к дорогостоящим вещам.

— Я заметил это, товарищ Хардинг.

— Зовите меня Джоан.

— Забавное у вас имя.

— Вы к нему привыкнете.

— Что вы делаете в России?

— Ближайшие месяцы — все, что вы пожелаете.

Это не было ни обещанием, ни призывом; это было сказано, как могла бы сказать вышколенная секретарша, и еще более холодно, более безлично; как один из охраны мог сказать, как будто ожидая приказов; будто бы сам звук ее голоса прибавил, что слова не значат ничего, ни для него, ни для нее.

Он спросил:

— Как вы вообще оказались в России?

Она лениво пожала плечами. Сказала:

— Вопросы так утомительны. Я ответила на такое их количество в ГПУ, прежде чем они послали меня сюда. Я думаю, вряд ли вы можете с ними не согласиться?

Он смотрел, как она снимает шляпу и бросает ее на кровать и встряхивает волосами. Ее волосы были короткими, светлыми и обрамляли лицо нимбом. Она подошла к столу и дотронулась до него пальцем. Она достала маленький кружевной платочек и стерла со стола пыль. Она уронила платочек на пол. Он смотрел на все это. Но не поднял платка.

Он пристально смотрел на нее. Повернулся, чтобы уйти. У двери остановился и резко повернулся к ней.

— Понимаете ли вы, — спросил он, — кто бы вы там ни были, для чего вы здесь?

Она посмотрела ему прямо в глаза, долгим, спокойным, обескураживающим взглядом, и ее глаза были так загадочны, потому что они были так спокойны и так открыты.

— Да, — сказала она медленно, — я понимаю.

В письме из ГПУ говорилось:

Товарищ Кареев,

По вашей просьбе мы посылаем к вам подателя этого письма, товарища Джоан Хардинг. Мы отвечаем за ее политическую благонадежность. Ее репутация гарантирует, что она удовлетворит цели вашей просьбы и облегчит тяжесть службы на дальнем рубеже пролетарской республики.

С коммунистическим приветом,

Иван Верехов,

Политический комиссар.

Кровать коменданта Кареева была покрыта серым одеялом, как и койки заключенных. Но его комната из сырого серого камня выглядела более пустой, чем их камеры; там была кровать, стол и два стула. Высокая стеклянная дверь, длинная и узкая, как окно храма, вела на галерею снаружи. Комната выглядела так, будто человек был заброшен туда ненадолго: из голых стен торчали ряды гвоздей, на которых висели за один рукав помятые рубашки, старые кожаные куртки, винтовки, вывернутые наизнанку штаны, патронташи; на голом каменном полу валялись окурки и кучки пепла. Человек прожил там пять лет.

Не было ни одной картины, ни одной книги, ни даже пепельницы. Там была кровать, потому что человеку нужно было спать, и одежда, потому что ему нужно было быть одетым; больше ему ничего было не нужно.

Но там находился один-единственный предмет, в котором он не нуждался, его единственный ответ на все вопросы, которые люди могли бы задать, глядя на эту комнату, хотя никто никогда их не задавал: в нише, где когда-то были иконы, теперь висела на гвозде красноармейская фуражка коменданта Кареева.

Некрашенный деревянный стол был выдвинут на середину комнаты. На столе расставлена тяжелая оловянная посуда и оловянные чашки без блюдец, свеча в старой бутылке и никакой скатерти.

Комендант Кареев и Джоан Хардинг заканчивали первый совместный ужин.

Она подняла оловянную кружку с остывшим чаем с улыбкой, которая должна была сопровождать бокал шампанского, и сказала:

— Ваше здоровье, товарищ Кареев.

Он ответил сурово:

— Если это намек — вы зря тратите время. Никакого алкоголя здесь, это запрещено всем. И никаких исключений.

— Никаких исключений и намеков, товарищ Кареев. И все же — ваше здоровье.

— Прекратите. Вам не нужно пить за мое здоровье. Вам не нужно улыбаться. И вам не нужно врать. Вы меня возненавидите — и вы это знаете. И я это знаю. Но, возможно, вы не знаете, что мне все равно, — я вас предупредил.

— Я не знала, что возненавижу вас.

— Вы знаете теперь, правда?

— Меньше, чем когда бы то ни было.

— Послушайте, забудьте красивые слова. Это не часть вашей работы. Если вы ждете комплиментов, вам лучше разочароваться прямо сейчас.

— Я не ждала никаких комплиментов, когда села в лодку на Страстной острове.

— И я надеюсь, вы не ожидали никаких чувств.

— Это все, товарищ Кареев.

— Вы ожидали спутника вроде меня?

— Я слышала о вас.

— А вы слышали, как меня называют?

— Зверь.

— Возможно, вы обнаружите, что я заслужил это имя.

— Возможно, вы обнаружите, что мне это понравится.

— Не нужно говорить мне об этом — если вам понравится. Мне плевать, что вы обо мне думаете.

— Тогда зачем предупреждать меня?

— Потому что лодка еще здесь. Она возвращается на рассвете. И другой не будет целых три месяца.

Она зажгла сигарету. Она держала ее между двух выпрямленных пальцев, глядя на него.

— Вы были на гражданской войне, товарищ Кареев?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Вы приобрели привычку отступать?

— Нет.

— Вот и я нет.

Он наклонился к ней, скрещенные локти — на столе, и смотрел на нее в дрожащем свете свечи, его глаза прищурены насмешливо. Он сказал:

— Я видел, как некоторые солдаты переоценивали свою силу.

Она улыбнулась, протянула руку и стряхнула пепел со своей сигареты в его пустую тарелку.

— Хорошие солдаты, — ответила она, — рискуют.

— Послушайте, — сказал он нетерпеливо, — вы не любите вопросов, так что я не буду вам докучать, потому что я тоже не люблю разговоров. Но здесь есть только одна вещь, о которой я вас спрошу. В письме из ГПУ написано, что вы политически верны, но вы выглядите, как... как вы не должны выглядеть.

Она выдохнула дым и не стала отвечать. Затем она посмотрела на него и пожала плечами:

— В письме говорится о моем настоящем. Мое прошлое мертво. Если я о нем не думаю, почему вы должны?

— Незачем, — согласился он. — Это ничего не меняет.

Заклученный, прислуживавший коменданту за столом, убрал грязную посуду и тихо выскользнул из комнаты. Джоан поднялась.

— Покажите мне остров, — сказала она. — Я хочу познакомиться. Я здесь надолго — надеюсь.

— Я надеюсь, вы повторите это, — ответил он, поднимаясь, — через три месяца.

Когда они вышли, небо за монастырем было красным, дрожаще-красным, словно свет умирал в судорогах. Монастырь смотрел на них тихо, зарешеченные окошки, как упрямые глаза, открытые грешному миру, охранялись грозными святыми из серого камня; холодные вечерние тени лежали в морщинах лиц святых, вырезанных благоговейными руками, штормовыми ветрами и столетиями. Толстая каменная стена

окружала берег, и часовые медленно бродили по стене со штыками, красными в закатном свете, со смиренно склоненными головами, со взглядами пристальными и усталыми, как у святых за окнами.

— Здесь заключенных не запирают в камеры, — объяснил ей комендант Кареев. — Они свободно могут передвигаться, но не так-то много здесь места. Здесь безопасно.

— Они устают от острова, правда?

— Они сходят с ума. Не то чтобы это что-то меняло. Это — последнее место, которое они увидят на земле.

— А когда они умирают?

— Здесь нет места для кладбища, но зато сильное течение.

— Кто-нибудь пытался сбежать?

— Они забывают о мире, когда оказываются здесь.

— А вы сам?

Он посмотрел на нее не понимая.

— Я сам?

— Вы когда-нибудь пытались сбежать?

— От кого?

— От коменданта Кареева.

— Продолжайте. К чему вы ведете?

— Вы счастливы здесь?

— Никто не заставляет меня оставаться.

— Я спросила: вы счастливы?

— Кого волнует счастье? В мире слишком много работы, которую нужно сделать.

— Зачем ее делать?

— Потому что это долг.

— Перед кем?

— Когда это долг, вы не спрашиваете, почему и перед кем. Вы не задаете никаких вопросов. Когда вы сталкиваетесь с тем, что не можете ответить ни на один вопрос, — вот тогда вы знаете, что вы столкнулись со своим долгом.

Она показала вдаль, на темнеющее море, и спросила: — Вы когда-нибудь думали о том, что лежит там, за побережьем?

Он ответил, презрительно передернув плечами:

— Лучший мир за побережьем — это здесь.

— И это?..

— Моя работа.

Он повернулся и пошел обратно к монастырю. Она послушно последовала за ним.

Они прошли по длинному коридору, где зарешеченные окна бросали на пол тени в виде темных крестов, по красным прямоугольникам умирающего света, мимо фигур святых на старинных фресках. Из-за каждой двери пара глаз незаметно следила за ними. Комендант Кареев не замечал их; Джоан была храбрее, она замечала и шла, не обращая внимания.

Они достигли подножья лестницы, где у высоких окон болталась группа заключенных, как будто бы случайно, бесцельно глядя на закат.

Ее нога была на первой ступеньке, когда крик остановил ее, такой, будто бы мученики на стенах вдруг обрели голоса.

— Фрэнсис!

Михаил Волконцев стоял, вцепившись в перила, загораживая ей путь. Многие смотрели на его лицо, но оно выглядело так, что лучше бы ему быть невидимым.

— Фрэнсис! Что ты здесь делаешь?

Мужчины вокруг не могли понять вопроса из-за того, как звучал его голос, — и потому, что он произнес это по-английски.

Ее лицо было холодно, и пусто, и немного удивленно — вежливо, безразлично удивленно.

— Прошу прощения, — ответила она по-русски. — Я не уверена, что знаю вас.

Кареев шагнул между ними и схватил Михаила за плечо, спрашивая.

— Ты знаешь ее?

Михаил посмотрел на нее, на лестницу, на мужчин вокруг.

— Нет, — прошептал он, — я обознался.

— Я тебя предупреждал, — зло сказал Кареев и отбросил его с дороги, к стене. Джоан повернулась и стала подниматься по лестнице. Кареев последовал за ней.

Заключенные смотрели на Михаила, прижатого к стене и неподвижного, не стремящегося выпрямиться, и только его глаза смотрели вслед женщине, и его голова покачивалась медленно, словно отмеряя каждый ее шаг.

Между камерами Джоан и Кареева не было двери. Пять лет не разговаривал комендант Кареев с женщинами, но почти сорок лет прошло с тех пор, как он разговаривал с женщинами вроде нынешней гостьи. Она была призом, его наградой, пешкой от красной республики за долгие часы и годы его жизни, за его кровь, за его седину. Она принадлежала ему как его зарплата, как хлебный паек горожанам по продовольственным карточкам. Но у нее были беспомощные белые пальцы и холодные глаза, которые не звали и не запрещали и смотрели на него с открытым, удивленным спокойствием, которое было выше его понимания. Он ждал пять лет; он мог подождать еще одну ночь.

Он закрыл дверь и прислушался. Он мог слышать стон волн снаружи, и шаги охранников на стене, и шуршание ее длинного платья по полу соседней камеры.

После полуночи, когда монастырские башни растворились в черном небе, и только коптящие фонари охраны плыли в темноте, кто-то постучал в дверь Джоан. Она не спала. Она стояла у голой каменной стены,

под бледным прямоугольником зарешеченного окна, и зажженная свеча выхватывала из темноты белые пятна ее рук и склоненного лица. Воск от свечи застыл в длинных струйках поперек стола. Она колебалась одну только секунду. Она затянула складки своего длинного черного халата и открыла дверь.

Это был не комендант Кареев, это был Михаил.

Он положил руку на дверь, чтобы она не могла ее закрыть. Его губы были сжаты, но глаза колебались, измученные, молящие.

— Тихо, — сказал он, — я должен был увидеть тебя наедине.

— Убирайся отсюда, — шепотом приказала она, — сию секунду.

— Фрэнсис, — умолял он, — это... это невозможно. Я не понимаю... Я должен услышать хоть слово...

— Я не знаю, кто вы такой. Я не знаю, чего вы хотите. Дайте мне закрыть дверь.

— Фрэнсис... Я должен... Я не могу... Я должен знать, почему ты...

— Если вы не уйдете, я вызову коменданта Кареева.

— Да, позовете? — Он дерзко поднял голову. — Ну, я бы взглянул, как вы это сделаете.

Она открыла дверь шире и крикнула:

— Товарищ Кареев!

Ей не пришлось звать дважды. Он распахнул дверь и оказался лицом к лицу с ними, рука на пистолете у ремня.

— Я приехала сюда не для того, чтобы мне досаждали ваши заключенные, товарищ Кареев! — сказала она уверенно.

Комендант Кареев не произнес ни слова. Он дунул в свисток. Из конца длинного коридора, стук тяжелых сапог отдавался эхом в камерах, на его зов явилось двое стражников.

— В карцер, — приказал он, указывая на Михаила.

В глазах Михаила больше не было отчаяния. Презрительная улыбка застыла в уголках его рта. Рука поднялась ко лбу, салютуя Джоан.

Она стояла неподвижно, пока шаги охранников не замолкли в темноте под лестницей, уводя Михаила. Он посмотрел на ее шею, белую на фоне черного халата.

— Но, в самом деле, — сказал комендант Кареев, — в чем-то он был прав.

Он не понимал, принадлежит ли мягкое тепло под его руками бархату или телу под тканью. На одну секунду ему показалось, что ее глаза потеряли свое твердое спокойствие, что они беспомощны и испуганны — совершенно детские, как и пушистые белые волосы, падавшие на его руку. Но ему было все равно, потому что затем ее губы расплылись в улыбке и снова скрылись под его губами.

II

Джоан распаковывала чемодан. Она вешала свою одежду на ряд гвоздей. Совсем немного света падало из зарешеченного окошка, ровно столько, чтобы заставить мерцать шелка и кружева, подрагивавших в нише, предназначенной для монашеских ряс.

Свет, казалось, исходил от моря; небо, мертвенно-серое, висело над ним, отражая чужое сияние. Ртутные волны неустанно двигались; они, казалось, не двигались к берегу; они кипели и сталкивались, взбешенные, клочья пены мелькали и исчезали мгновенно, словно море было огромным котлом.

Из своего окна Джоан могла видеть статую святого Георгия на карнизе. Его огромное, нелепое лицо смотрело прямо на далекий горизонт, не наклоняясь над драконом под копытами своей лошади. Голова дракона

нависала над морем, серая, словно последние капли крови уже давно упали из распахнутой пасти в море.

Джоан вешала шаль, чтобы закрыть нишу, квадратный кусок льна, тяжелый от вышитых крестов. Командант Кареев вошел в тот самый момент, когда она ушибла молотком палец, пытаясь вогнать гвоздь в твердую, деревянную раму ниши.

— Это все вы виноваты, — сказала она и улыбнулась в безмолвном приветствии. — Вы обещали мне помочь.

Он взял ее руку без колебаний, властно и с тревогой посмотрел на маленькое красное пятнышко.

— Мне очень жаль. Сейчас я для вас его прибью.

— Вы оставили меня совсем одну уже трижды этим утром.

— Простите, мне нужно было идти. Нарушение внизу. Один из этих дурней отрубил себе палец на ноге.

— Несчастный случай?

— Нет. Безумие. Он думал, что его пошлют в больницу на материке.

— Вы его послали?

— Нет. У меня есть для него доктор. Очень полезно иметь врача среди заключенных; раньше был хирургом в Санкт-Петербургской медицинской академии. Сейчас прижигает несчастному ногу — каленым железом... А что у вас здесь?

— Моя одежда.

— Зачем вам столько?

— Зачем вы носите этот пистолет?

— Это моя профессия.

— А вот это, — показала она на нишу — моя.

— А-а-а. — Он посмотрел на одежду, на нее, пожал плечами. — Да, и неплохо вас кормящая... Да, если вы столько зарабатывали, зачем приехали сюда?

— Я устала. Я слышала о вас — и мне это очень понравилось.

— Что же вы слышали?

— Что вы — самый одинокий мужчина во всей республике.

— Ясно. Жалость?

— Нет. Зависть.

Она наклонилась и достала из чемодана платье из темного мягкого атласа.

— Подержите, — приказала она, доставая палантин, встряхивая его пушистый меховой воротник, нежно поглаживая и осторожно вешая в нишу. Он осторожно держал платье, и его пальцы медленно двигались под гладкими, мерцающими складками, мягкими и изумительными, как шкура какого-то загадочного зверя. Он сказал:

— Вам здесь такое не понадобится.

— Я думала, они вам понравятся.

— Я не замечаю тряпок.

— Отдайте мне платье. Его не держат вот так, за подол.

— Зачем вообще такие вещи?

— Оно красивое.

— Оно бессмысленное.

— Но оно красивое. Разве это не причина, чтобы привезти его?

— Кому-то из нас, — сказал комендант Кареев, — многому предстоит научиться.

— Да, кому-то из нас предстоит, — ответила она коротко.

Она склонилась над чемоданом и извлекла длинную шелковую ночную рубашку. Она демонстрировала роскошь своих утонченных принадлежностей естественно и безразлично, как будто это все было ожидаемо, как будто она не замечала изумленных глаз Кареева; как будто она не знала, что эта элегантность модного будуара, будучи перенесена в монашескую келью, была испытанием и для обледеневших стен, и для

утрюмого коммуниста, и для самого долга, который она выполняла. Возле пыльной бутылки, державшей свечу, она поставила пуховку с пудрой.

Он спросил грубо:

— Вы вообще понимаете, где находитесь?

— Я думаю, — ответила она с легчайшей улыбкой, — что вы однажды могли бы пожелать подумать о местах, где вы не были. Однажды.

— У меня не так много желаний, — ответил он сурово, — кроме тех, что приходят на официальных бланках с печатью партии. Если она приказывает мне остаться здесь — я остаюсь.

Он посмотрел на ряд платьев в нише и нетерпеливо пнул открытый чемодан.

— Вы с этим закончили? — спросил он. — Я не так много времени могу потратить на помощь вам.

— Вы не так много времени на меня потратили, — пожаловалась она, — вас все утро вызывали.

— Меня снова вызовут. У меня есть дела поважнее, чем развешивание этого вашего барахла.

Она извлекла шелковую туфельку и стала пристально изучать пряжку.

— Мужчина, который вчера ночью пришел ко мне, — спросила она. — Куда вы его дели?

— В карцер.

— В карцер?

— Пять метров под землей. Там можно было бы плавать, если бы стены не замерзли. Но они замерзли. И я поставил ему предел.

— Предел чего?

— Света. Когда мы ставим предел, мы накрываем дыру крышкой. И пока мы не откроем ее, чтобы бросить ему еду, он может быть слепым, потому что глаза все равно ничего не увидят.

— Сколько дней продлится его заключение?

— Десять дней.

Она наклонилась за второй туфелькой. Она осторожно поставила их под складками длинного халата. Спросила с легкой улыбкой:

— Неужели мужчины думают, что такое наказание удовлетворит женщину?

— А что бы сделала женщина?

— Я бы заставила его извиниться.

— Но вы бы не хотели, чтобы я застрелил его? За неповиновение. Он никогда не извинится.

— Увеличьте его наказание, если он не согласится.

— Он — тяжелый случай. Я многих здесь сломал, но он, как сталь, пока. Он не заржавел на Страстном острове — пока.

— Ну? Вас разве интересуют только те, кого легко сломать?

Комендант Кареев подошел к двери, открыл ее и дунул в свисток.

— Товарищ Федоссич, — приказал своему помощнику, когда шаркающие шаги остановились у двери, — приведите сюда гражданина Волконцева.

Товарищ Федоссич удивленно посмотрел на Кареева. Взглянул в комнату, на Джоан, глазами, полными возмущенной ненависти. Он поклонился и потащился обратно.

Они снова слышали его шаги, смешанные с гулкой поступью Волконцева. Федоссич распахнул дверь ногой и, отступая, втягивая голову в плечи в угодливом поклоне, прижав локти плотно к бокам, пропустил Михаила, затем приблизился к Карееву и заметил, мягко улыбаясь (его улыбка казалась одновременно застенчиво извиняющейся и высокомерной):

— Это незаконно, товарищ комендант. Наказание должно быть — десять дней.

— Неужели товарищ Федоссич забыл, — спросил Кареев, — что мой приказ — привести сюда гражданина Волконцева.

И он захлопнул дверь, оставляя своего подчиненного снаружи.

Комендант Кареев посмотрел на Михаила, бледного, прямого, в старой куртке, которая так хорошо на нем сидела; затем посмотрел на Джоан, которая внимательно изучала заплатки на рукавах этой куртки и синие, замерзшие руки в рукавах.

— Вы здесь, Волконцев, — сказал комендант, — чтобы извиниться.

— Перед кем? — спокойно спросил Михаил.

— Перед товарищем Хардинг.

Михаил сделал шаг по направлению к ней и вежливо поклонился.

— Мне очень жаль, мадам, — улыбнулся он, — что вы заставили достойного коменданта Кареева нарушить закон — впервые в жизни. Но я предупреждаю вас, товарищ комендант...мм... товарищ Хардинг легко нарушает закон.

— Гражданин Волконцев — не очень справедливый судья женщин, — ответила Джоан ничего не выражающим голосом.

— Я бы очень не хотел судить всех женщин, товарищ Хардинг, по тем немногим, кого я знал.

— Вы здесь, чтобы извиниться, — напомнил Кареев. — Если вы это сделаете, ваше наказание будет отменено.

— А если не сделаю?

— Я здесь уже пять лет, и все заключенные до последнего всегда мне повиновались. Если я останусь здесь, все они покорятся мне. И я — пока — не собираюсь покидать пост.

— Ну, тогда вы можете скормить меня крысам в камере; или приказать хлестать меня, пока я не истеку кровью, но я не извинюсь перед этой женщиной.

Комендант Кареев не ответил, но в этот момент дверь распахнулась и, задыхаясь, ему салютовал Федосич.

— Товарищ комендант! На кухне волнение!

— В чем дело?

— Заключенные на овощах отказываются чистить картошку. Они говорят, она гнилая и мерзлая и не годится для готовки.

— Ну, тогда они съедят ее сырой.

Он поспешно вышел, Федоссич последовал за ним.

В одно движение Джоан оказалась у закрытой двери. Она прислушалась, приставив одно ухо и ладони к доскам. Дождалась, пока эхо последних шагов не затихло внизу.

Затем повернулась и произнесла всего одно слово, и ее голос — дрожащий и торжественный — звенел, как первый поток из прорванной плотины, умоляющий, и торжествующий, и страдающий:

— Мишель!

Слово ударило его, как пощечина. Он не двинулся. Не смягчился, не улыбнулся. Только его губы шевельнулись, когда он спросил, почти беззвучно:

— Почему ты здесь?

Она мягко улыбнулась, и ее улыбка была молящей и сияющей. Ее руки поднялись — жадно, повелительно — ему на плечи. Он сжал ее запястья; это было усилие, заставившее содрогнуться каждый мускул его тела, но он отбросил ее руки.

— Почему ты здесь? — повторил он.

Она прошептала с легким упреком в голосе:

— Я думала, у тебя хватит веры в меня, чтобы понять. Я не могла признать тебя вчера, я боялась, что за нами следят. Я здесь, чтобы спасти тебя.

Он спросил мрачно:

— Как ты попала сюда?

— У меня есть друг в Нижне-Колымске, — поспешно прошептала она. — Большой английский торговец, Эллерс. Живет через дорогу от ГПУ. Он знает людей там, влиятельных людей, которым он может приказыв-

вать, понимаешь? Мы услышали об этом... о том приглашении от Кареева. Эллерс все сделал, чтобы меня прислали сюда.

Она остановилась, глядя на его бледное лицо:

— Почему ты так... суров, милый? Ты не улыбнешься, чтобы поблагодарить меня?

— Улыбнуться чему? Моя жена — в руках гнилого коммуниста.

— Мишель!

— Неужели ты думала, что я захочу быть спасенным — такой ценой?

Она спокойно улыбнулась.

— Неужели ты не знаешь, как много женщина может пообещать — и как мало — исполнить?

— Моя жена не может играть такую роль.

— Но мы не можем выбирать оружие, Мишель.

— Но есть честь, которую...

Она проговорила гордо, уверенно, высоко держа голову, напряженным звенящим голосом, бросая каждое слово ему в лицо.

— У меня есть щит, который моя честь пронесет через все битвы. Я люблю тебя... Взгляни на эти стены. В камне — замерзшая вода. Еще несколько лет, и твои глаза, твоя кожа, твой разум замерзнет, как она, раздавленная этим камнем, днями и часами, которые не двигаются с места. Ты хочешь, чтобы я покинула тебя и шла по миру с одной лишь мыслью, одним желанием, и оставила тебя в этом ледяном аду?

Он посмотрел на нее. Шагнул к ней. Она не шевельнулась. Она не издала ни звука, но ее кости хрустнули, когда его руки оторвали ее от земли, и его губы впились в ее тело, голодные мечтами, отчаянием, бессонными ночами двух долгих лет.

— Фрэнсис!... Фрэнсис...

Она первой оторвалась от него. Она прислушалась и отбросила прядь волос с лица тыльной стороной ла-

дони с расслабленными пальцами быстрым, резким движением.

Он прошептал, задыхаясь:

— Сделай так еще раз.

— Как?

— Твои волосы... как ты их отбрасываешь... Я мечтал — два года — о том, чтобы увидеть, как ты это делаешь... и как ты ходишь, и как ты поворачиваешь голову, с прядью, упавшей на один глаз... Я пытался это увидеть — будто ты здесь — так много раз. А теперь ты здесь... здесь... Фрэнсис... но я хочу, чтобы ты уехала обратно.

— Уже слишком поздно ехать обратно, Мишель.

— Послушай. — Его лицо помрачнело. — Ты не можешь здесь остаться. Я благодарю тебя. Я очень признателен за то, что ты сделала. Но я не могу позволить тебе остаться. Это сумасшествие. Ты ничего не можешь сделать.

— Есть. У меня есть план. Я не могу рассказать тебе сейчас. И нет другого способа спасти тебя. Я перепробовала все. Я потратила все деньги. Пути со Страстного острова нет. Кроме одного. Ты должен мне помочь.

— Но не тогда, когда ты здесь.

Она отошла от него, спокойно повернулась, встала, скрестив руки на груди, положив ладони на локти, золотая прядь волос упала на глаза, посмотрела на него с легкой насмешливой улыбкой в уголках тонкого рта.

— Ну? — спросила она. — Я здесь. Что ты можешь с этим поделать?

— Если ты не уедешь, я скажу одну вещь Карееву. Только одну вещь. Твое имя.

— А ты смог бы? Подумай хорошенько, Мишель. Ты не подумал, что он сделает со мной, когда узнает правду?

— Но...

— Мне будет хуже, чем тебе, если ты меня предашь. Ты можешь попытаться убить его. Но у тебя ничего не выйдет, он казнит тебя, и ты покинешь меня — оставишь в его власти.

— Но...

— Или ты мог бы покончить с собой — если хочешь. Это тоже оставит меня — одну.

Она понимала, что победила. Она бросилась к нему неожиданно, и ее голос дрожал:

— Мишель, неужели ты не понимаешь? Я люблю тебя. Я прошу тебя поверить мне. Никогда не было у тебя возможности проявить свою веру, как ты можешь сделать это сейчас. Я прошу тебя о тягчайшей из жертв. Ты не знаешь, насколько тяжелее стоять в стороне и хранить молчание, чем действовать? Я делаю свою часть. Это не просто. Но твоя роль сложнее. Но достаточно ли ты силен для нее?

С каменным лицом, уставившись на нее с огнем во взгляде, он ответил:

— Да.

Она прошептала, приблизив свои губы к его губам:

— Это не только для тебя, Мишель. Это наша жизнь. Это годы, которые ждут нас, и все, что у нас осталось, пока еще возможно — если мы будем за это сражаться. Один последний рывок, и тогда... тогда... Мишель, я люблю тебя.

— Я сделаю то, о чем ты просишь, Фрэнсис.

— Не подходи ко мне. Сделай вид, что никогда не видел меня прежде. Помни: твое молчание — единственная твоя возможность защитить меня.

Внизу раздалась шаги Кареева.

— Он идет, Мишель, — прошептала она. — Вот твое начало. Извинись передо мной. Это будет твоим первым шагом, чтобы мне помочь.

Когда комендант Кареев вошел, Джоан стояла у стола, изучая безразлично пару чулок. Михаил стоял у двери, склонив голову.

— Итак, Волконцев, — поинтересовался комендант, — у вас было время все обдумать? Не изменили ли вы своего мнения?

Михаил поднял голову. Джоан посмотрела на него. Ни один мускул не дрогнул на ее спокойном лице, даже у глаз. Но ее глаза смотрели на него с молчаливой и отчаянной мольбой, которую он один мог понять.

Михаил шагнул вперед и слегка поклонился.

— Я ошибался на ваш счет, товарищ Хардинг, — сказал он отчетливо, уверенно. — Я прошу прощения.

Примечание редактора.

В кратком содержании «Красной пешки», Айн Рэнд писала о предыстории Джоан и Михаила. Предполагается, что эта информация относится к вышеизложенной части:

«За три года до описываемых событий инженера с советской фабрики, Михаила, направили в Америку. Там он встретил Джоан и женился на ней. Но его принудили вернуться в Россию, потому что его мать держали в заложниках, пока он не вернется. Джоан прибыла с ним в Россию. Вскоре, во время одной из обычных в то время политических облав, Михаил был арестован; власти уже некоторое время следили за ним, потому что он казался слишком способным, а способных людей в России считали опасными; кроме того, он бывал за границей и взял в жены американку, которая, как предполагалось, должна была научить его опасным идеям о свободе. Михаила отправили на Страстной остров. Джоан понадобилось два года, чтобы найти, куда его послали».

III

Библиотека Страстного острова находилась в бывшем храме. Здесь заключенным и стражникам разрешалось проводить долгие дни, и они здесь пытались забыть, что в их днях — по двадцать четыре часа — у всех одинаково.

Священные символы и иконы, которые можно было убрать, были убраны. Но древние изображения на стенах никуда нельзя было деть. Много веков назад неизвестная рука великого художника, проведшего целую жизнь, долгие дни в стенах храма, создала эти фрески, спасая бессмертную душу. Никто не мог рассказать темного секрета, какая печаль привела его из мира на этот последний рубеж. Но вся сила и страсть, весь огонь и бунт мятущегося духа выплеснулись в этих мрачных цветах, в этих торжественных фигурах из другой жизни, жизни, которую эти глаза видели и от которой отказались. И тела пытаемых святых тихо плакали о его экстазе, его сомнении, его голоде.

Через три узкие бойницы окон холодный мглистый свет лился в библиотеку, как серый туман, идущий от моря. Он оставлял тени веков дремать в темных сводчатых углах. Он бросал белые блики на грубые, некрашенные доски книжных стеллажей, и на лбы святых, и на ангельские крылья, и на процессию, следующую за Иисусом, несущим крест, и на красные буквы на белой полосе ткани: **ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

Высокие свечи в серебряных подсвечниках в алтаре зажигались в дневное время. Их маленькие красные огоньки стояли неподвижно, каждая свеча казалась люстрой, будучи отраженной множество раз в позолоченных нимбах резных фигур святых; они горели — как безмолвное, тихое напоминание о православных службах — у портрета Ленина.

Вверху, на сводчатом потолке, безымянный художник поместил последнее свое творение. Фигура Иисуса парила в облаках, Его одеяние было белее снега. Он взирал вниз с печальной мудрой улыбкой, протянув руки в молчаливом приглашении и благословении.

Библиотека была созданием Федоссича, который любил рассуждать о «нашем долге перед новой культурой». Фрески не совпадали с чувством прекрасного Федоссича, и он постарался улучшить их. Он вписал красный флаг в воздетую руку Владимира Святого, первого правителя, который обратил свой народ в веру; он изобразил серп и молот на скрижалях Моисея. Но старинная глазурь защищала фрески, и ее секрет был давно утрачен монахами, поэтому краска держалась плохо. Красный флаг стек со стены. Товарищ Федоссич отказался от художественных поправок. Он ограничился тем, что наклеил на живот Владимира Святого плакат с изображением солдата и аэроплана и надписью: «ТОВАРИЩИ! ЖЕРТВУЙТЕ НА КРАСНУЮ АВИАЦИЮ!»

На полках стояли: Конституция СССР, Азбука Коммунизма, первый том романа, поэтический сборник без обложки, дамское пособие по вышиванию, математический задачник для первоклассников и прочее.

Джоан принесла радио. Она вошла в библиотеку, неся его под мышкой, квадратную коробку со странным громкоговорителем.

Мужчины в комнате поднялись, кланяясь ей, улыбаясь в застенчивом приветствии. Это так отличалось от их встречи неделю назад. Тогда они не обращали на нее внимания — когда она входила в библиотеку, никто не входил туда; все отходили с ее пути, осторожно и поспешно, как будто она была ядовитым растением, которого никто не хотел касаться. Она завоевала их всех, и никто не мог сказать, что она для этого старалась. Это все ее детские пушистые волосы, и ее мудрая

загадочная улыбка, и ее глаза, вызывающе распахнутые, и ее медленные, свободные шаги, несущие ее по залам монастыря как видение из прошлого всех этих мужчин — женщин, которых они оставили, и лет, которые прошли, и залов домов, в которых они бывали.

Старый хирург и бывший сенатор все же ее не приветствовали. Они играли в шахматы на краю длинного библиотечного стола, где шахматная доска была нарисована на некрашенных досках дешевыми лиловыми чернилами. Фигуры были вылеплены из хлебного мякиша. У сенатора была длинная черная борода; он никогда не брился, говорил мало, в в его глазах плескалась тревога; он мог часами смотреть в одну точку. Он не поднимал головы, когда входила Джоан, как и старый хирург.

Старый генерал в залатанной куртке и с георгиевской ленточкой в петлице тоже не здоровался с ней. Он сидел у окна один, склонившись, прищурившись в неярком свете, и вырезал деревянные игрушки.

И еще один человек не двигался, когда она входила. Михаил сидел один у свечи и читал одну и ту же книгу уже в третий раз. Он поворачивал страницу и склонялся ниже, когда дверь открывалась, чтобы впустить ее.

— Доброе утро, мисс Хардинг, — заключенный, некогда бывший графом, поприветствовал ее. — Как чудно вы выглядите! Могу ли я вам чем-то помочь? Что это такое?

— Доброе утро, — сказала Джоан. — Это радио.

— Радио!

Они окружили ее, потрясенные, нетерпеливые, любопытные, глядя на коробочку откуда-то, где история, для них остановившаяся, все еще шла вперед.

— Радио! — сказал граф, поправляя монокль. — Значит, я все же не умру, не увидев ни одного.

— Что такое радио? — спросил старый профессор.

Товарищ Федоссич, рисовавший плакат, сидя в одиночестве за столом в углу, опустил кисть и посмотрел вверх, с отвращением передернув плечами.

Джоан опустила радио на алтарь, под портретом Ленина:

— Это нас немного взбодрит.

— Прелестная мысль! — Граф галантно щелкнул каблуками. — И что за прелестное платье! В старину мы говорили — женщина была цветком творения, а платье — лепестками.

— Ничто не может погасить факел человеческого прогресса, — печально сказал седовласый профессор. Его волосы были белыми, как крылья ангелов на стенах, его глаза так же грустны и невинны, как их.

Высокий молодой заключенный — светлые волосы взлохмачены, и лицо еще бледно после пятидесяти ударов кнутом — сказал мягко, нервными пальцами застенчиво касаясь радио:

— Я не слышал музыки... три года.

— Первый концерт, — объявила Джоан, — на Страстном острове.

Радио зашипело, закашлялось, словно прочищая горло. Затем — первые ноты музыки полились в храм, как капли, падающие в глубокий застоявшийся пруд, который никогда не тревожили звуки жизни.

*Судьбы рука проводит вечную черту,
Твое лицо так близко к моему...*

Женский голос, проникнутый острой радостью, пел о памяти, смягчающей горечь, как осенний день, все еще дышащий прошлым солнцем и отдающий его тепло без грозы, без бури, с первой каплей первого холодного дождя.

Музыка летела к изуродованным фрескам, к книжным полкам и плакатам и свечам из внешнего мира.

где жизнь дышала и посылала им единственный слабый порыв. И они стояли, и их сердца были открыты в страстном желании не упустить этот порыв, благоговейно, как на литургии, воспринимая музыку не ушами, а душой, чем-то странным, сжимающимся в груди.

Они не говорили, пока голос диктора не произнес, что это станция из Ленинграда. Тогда светловолосый юнец нарушил тишину:

— Это было прекрасно, мисс Хардинг... Почти так же... — Сильный кашель сотряс худые плечи, прерывая его. — Прекрасно, как и вы сами... Спасибо...

Он схватил ее руку и прижал к губам и держал дольше, чем того требовала благодарность.

— Ленинград, — заметил граф, поправляя монокль, с усилием возвращая на свое лицо непринужденную улыбку. — В мои дни это был Санкт-Петербург. Занятно, как бежит время... Набережные Невы были все белые. Снег скрипел под полозьями саней. У нас тоже была музыка, в Аквариуме. Шампанское, искрящееся в бокалах, музыка и девушки, которые приводили в восторг, как шампанское...

— Я из Москвы, — сказал профессор. — Я читал лекции... в университете. История эстетики — это был мой последний курс.

— Я с Волги, — продолжил воспоминания светловолосый юноша. — Мы строили мост через Волгу. Он сверкал на солнце — как стальной нож, рассекавший тело реки.

— Когда мадемуазель Колетт танцевала в Аквариуме, — сказал граф, — мы бросали золотые монеты на столы.

— Молодые студенты слушали меня, — прошептал профессор. — Раскрасневшиеся щеки, блестящие глаза... Молодая Россия...

— Это должен был быть самый длинный мост в мире... Возможно, однажды... Я вернусь и... — Он не закончил, закашлялся.

— Я верю в Россию, — торжественно, как пророк, проговорил профессор. — Наша Святая Русь знавала темные времена и прежде и восстанавливалась в торжестве. Ну и что, что мы должны опасть, как осенние листья? Россия выживет.

— Мне кажется, гражданка, — товарищ Федоссич поднялся медленно и приблизился к Джоан, расправляя плечи, — что это может оказаться незаконным — включать тут ваше радио.

— Неужели, товарищ Федоссич?

— Если вы спросите меня — да. Но потом — у меня нет права голоса. Может быть, для коменданта Кареева все и в порядке. Пребывание здесь женщины тоже считалась незаконным. Но теперь — как они могут в чем-то отказать такому достойному человеку, как комендант Кареев?

Он вышел, хлопнув дверью. Пять лет назад в Нижне-Колымске товарищ Федоссич был одним из кандидатов на пост коменданта Страстного острова. Но ГПУ выбрало товарища Кареева.

— Я полагаю, — сказал граф, провожая Федоссича взглядом, — что этот мужчина не интересуется изящными искусствами и музыкой. И я замечаю, что не он один. Как насчет вас, Волконцев? Не интересуетесь?

— Я слушал музыку раньше, — быстро ответил Михаил, переворачивая страницу.

— Я считаю, что мужчина, который позволяет какому-то глупому предубеждению стоять между ним и прекраснейшей женщиной на свете, — сказал молодой инженер, — заслуживает быть брошенным в карцер.

— Оставьте его, — попросил граф. — Я уверен, что госпожа Хардинг простит его бессознательную антипатию.

— Но простит ли она мою? — спросил грубый голос. Все повернулись на звук.

Старый генерал встал, глядя прямо на Джоан, с застенчивым, неловким извинением на упрямом лице. Он сделал шаг вперед, вернулся, подобрал свою деревянную игрушку; затем направился к ней, сжимая драгоценную работу в больших узловатых пальцах.

— Я прошу прощения, мисс Хардинг. — Он щелкнул каблуками лубяных башмаков, словно силясь услышать звук бряцающих шпор. — Я был достаточно... Вы могли бы забыть?

— Конечно, генерал. — Джоан улыбнулась нежно и ласково и протянула руку.

Генерал быстро переложил игрушку в левую руку и крепко пожал ее ладонь.

— Это... — Он показал на коробочку, из которой по комнате разносилась нежная мелодия народной песни. — Это играют в Санкт-Петербурге?

— Да.

— Я из Санкт-Петербурга. Одиннадцать лет, как я оставил там жену. И Юру, моего внука. Он грандиозный молодой человек. Ему было два года, когда я покинул их. У него голубые глаза, прямо как... как у моего сына.

Он вдруг оборвал воспоминание. Джоан заметила неловкое молчание, которое никто не решался нарушить.

Граф оказался самым храбрым.

— Что вы сейчас делаете, генерал? Что-то новое? — спросил, показывая на игрушку. — Знаете ли, мисс Хардинг, наш генерал — гордый человек. У нас здесь есть маленькая мастерская, где нам разрешается делать разные вещи: сапоги, корзинки и прочее. Когда прибывает лодка, они все это собирают и увозят в город. Взамен привозят нам сигареты, шерстяные носки, шарфы. Сапоги делать наиболее выгодно. Но генерал никогда не делает сапог.

— Никто не скажет, — гордо перебил генерал, — что генерал армии его императорского величества пал до того, что делает сапоги.

— Вместо этого он изготавливает деревянные игрушки, — объяснил граф. — Он их сам выдумывает.

— Это новая. — Генерал улыбнулся нетерпеливо. — Я вам покажу.

Он поднял игрушку и потянул за маленькую палочку; деревянный крестьянин и медведь, вооруженные молотками, по очереди били по наковальне, смешно дергаясь. Маленькие молоточки ритмично ударяли в такт музыке. Граф тихо прошептал на ухо Джоан:

— Никогда не заговаривайте о его сыне. Он был капитаном в старой армии. Красные повесили его — на глазах отца.

— Видите ли, — объяснял генерал, — я всегда думаю, что мои игрушки идут в мир, и с ними играют дети, маленькие, крепенькие, розовые ребятишки, как Юра... И иногда я думаю ну: не смешно ли будет, если одна из игрушек попадет к нему в руки и... Но какой я дурак!.. Одиннадцать лет... он уже взрослый юноша теперь...

— Шах и мат, доктор. — Хриплый голос сенатора прозвучал неожиданно громко. — Вы вообще следили за игрой? Или я потеряю единственного человека, с которым могу говорить?

Он бросил на генерала мрачный, многозначительный взгляд и покинул комнату, хлопнув дверью.

— Бедняга, — вздохнул генерал. — Вы не должны на него злиться, мисс Хардинг. Он не разговаривает ни с кем, кто говорит с вами. Он немного не в своем уме.

— Он не может вас простить, — объяснил граф, — за то, что он считает нашими... скажем, культурными различиями. С его кодексом чести. Видите ли, он застрелил собственную дочь вместе с большевиком, который на нее напал.

Товарищ Федоссич нашел коменданта Кареева инспектирующим посты охраны на стене.

— Я беру на себя смелость рапортовать, — он салютовал, — что нечто незаконное происходит сейчас в библиотеке.

— В чем дело?

— Эта женщина... Она ставит музыку.

— На чем?

— Передают по радио.

— Ну и прекрасно. Я не слышал музыки пять лет.

Когда комендант Кареев вошел, в библиотеке стояла странная, напряженная тишина. Мужчины окружили Джоан. Она сидела на корточках перед радиоприемником, медленно поворачивая ручку, прислушиваясь, сгорбившись сосредоточенно. Он почувствовал тревожность момента и остановился в дверях.

— Кажется, нашла. — Торжествующий голос Джоан встретил легкое урчание в динамике.

Взрывная волна джаза ворвалась в комнату, как ракета, из динамика, поднимаясь и разрываясь на цветные всполохи под темными сводами.

— Заграница... — произнес один из мужчин, затаив дыхание, будто говоря: «Небеса».

Музыка оказалась концовкой танцевальной мелодии. Она резко оборвалась в реве аплодисментов. Это был очень необычный звук для библиотеки. Мужчины ухмыльнулись и тоже захлопали.

Голос произнес что-то в нос, на французском. Джоан перевела:

— Это «Кафе Электрик», Токио, Япония. Сейчас мы услышим легчайшую, веселейшую, безумнейшую мелодию, которая когда-либо захватывала европейские столицы: «Песню танцующих огней».

Это было испытанием, оскорблением — взрыв смеха на Страстном острове.

Это было похоже на луч света, разбитый зеркалом; его сверкающие частицы взлетели, танцуя, в музыке, пьяной своим весельем. Это был голос фонарей на сверкающем бульваре под темным небом, электрических знаков, автомобильных фар, алмазных пряжек на танцующих ногах.

Все еще на коленях перед приемником, как жрица перед источником жизни, Джоан заговорила. Она говорила для мужчин, но ее глаза были направлены на коменданта Кареева. Он стоял у двери. С одной стороны его была фреска, изображающая святого, жарящегося на костре, с лицом в блаженном экстазе, низводя все муки и терзания плоти перед славой небесной; с другой стороны — плакат с огромной машиной и муравьеподобными людьми, в поте лица трудящимися у ее огромных рычагов, и подписью: «Наш долг — это наша жертва красному коллективу и коммунистическому государству!»

Джоан говорила:

— Где-то танцуют под эту музыку. Это не так далеко. На этой же самой земле. Там мужчина держит женщину в своих руках. У них тоже есть долг. Это долг смотреть друг другу в глаза и улыбаться жизни, что выше всех сомнений, всех вопросов, всех печалей.

Откинув назад голову, на темных алтарных ступенях, напряженная, внимательно слушая песню, она казалась священным подношением божеству, которому она служила. Свет свечей тонул в ее волосах, как в нимбах святых.

Она не чувствовала взгляда Мишеля. Она улыбалась коменданту Карееву.

Комендант Кареев не проронил ни слова. Он подошел к алтарю. Повернул рычажок приемника не глядя, направив взгляд только на нее. Он крутил его, пока не нашел голос, говорящий с суровыми, знакомыми партийными интонациями:

—...и в завершение этого собрания работников Первой московской текстильной фабрики, позвольте мне напомнить вам, товарищи, что только одна преданность есть в нашей жизни — наша преданность великой цели мировой революции.

Присутствующие зааплодировали. Другой голос объявил:

— Товарищи! Мы закрываем наше собрание нашим великим гимном — «Интернационалом»!

Медленные, величественные ноты красного гимна торжественно зазвучали в воздухе.

— Всем встать! — скомандовал комендант Кареев.

Казалось, красные флаги развернулись под сводами, под белоснежным одеянием Иисуса. Казалось, барабаны пробиваются через голоса хора, голоса и шаги людей, послушно, уверенно идущих в бой, готовых пожертвовать жизнью во имя общей цели.

Комендант Кареев не сказал ни слова. Он посмотрел на Джоан, его губы слегка улыбались, и его песня давала ей ответ.

Джоан поднялась. Прислонилась к приемнику. Посмотрела на него, спокойная, непобежденная. Ее губы расплылись в медлительной, загадочной, снисходительной улыбке.

IV

За окнами библиотеки падал снег. Он собирался на подоконниках и постепенно закрывал их собой целиком. Белые снежинки безмолвно падали с неба и разбивались о толстые оконные стекла, застывая на них рваными пушистыми звездочками. От этого в библиотеке становилось темнее. У алтаря горели новые свечи.

У коменданта Кареева были длинные и сильные пальцы. Он крепко и расчетливо хватал ими вещи,

словно нажимая на курок заряженного пистолета. Комендант Кареев нетерпеливо крутил шкалу радиоприемника.

— Не могу отыскать, дорогая, — сказал он. — Похоже, сегодня никто не будет играть нашу «Песню танцующих огней».

Рука Джоан накрыла его руку и неспешно стала искать нужную станцию вместе с ним. Она склонилась над Кареевым и прижалась щекой к его лбу, прядь ее светлых волос скользнула вниз к его виску, закрыв ему обзор, и сплелась с кончиками его ресниц.

И среди прочего невразумительного шума они наконец услышали знакомую мелодию. К ним будто скользнула призрачная рука из внешнего мира, опуская занавес из беспорядочных нот поверх гнущихся под тяжестью снега окон и побуждая коменданта Кареева улыбнуться весело и охотно. Столь юное ощущение радости, казалось, разгладило его суровые морщины.

В библиотеке не было ни души. Он сел на ступени алтаря и привлек к себе Джоан.

— Вот он, — сказал он, — гимн нашего долга.

Ее пальчик бродил по его лбу, следуя направлению вен, просвечивающих под кожей на виске. Она сказала:

— Сегодня они играют ее особенно хорошо. В Японии сейчас ночь.

— И там огоньки... танцующие огоньки...

— Не просто свечи, как здесь.

— Если бы мы сегодня оказались там, то я отвел бы тебя в то место, где они исполняют нашу песню. А если бы там был снег, как у нас, то я бы на руках вынес тебя из автомобиля и пошел по снегу сам, чтобы твои прекрасные ножки не касались его.

— У них в это время не бывает снега. Лишь цветут вишневые деревья — все в белом.

— Словно твои плечи под светом огоньков. За столами там сидят люди, такие, которые носят черные костюмы с алмазными запонками. Они все смотрят на тебя. И я хочу, чтобы они смотрели на тебя. На твои плечи. Хочу, чтобы они знали, что ты моя.

— Цветы вишневых деревьев и музыка... никаких шагов снаружи, никаких стонов из ям.

— Но ты пришла сюда, ко всему этому, пришла ко мне. И осталась рядом.

— Я пришла потому, что была в отчаянии. А осталась — найдя что-то, чего не ожидала отыскать тут.

Ее рука медленно спустилась вниз со лба к подбородку коменданта, с нежностью изучая каждую линию его волевого лица.

— Это так странно, Джоан... Я пробирался через всю Россию, сквозь леса и болота, с пистолетом и красным флагом наперевес. Думал, что гордо иду навстречу рассвету новой мировой революции. Это ощущение всегда ждало меня где-то там, впереди. А теперь я гляжу вперед, и этот золотистый рассвет для меня не что иное, — с нежным смехом закончил он, привлекая ее ближе, — как сияние светлого локона твоих волос, который ты забыла завить.

Он сидел на ступенях алтаря. Она стояла на коленях с ним рядом, возложив ему руки на плечи. Позади них перед позолоченными статуями святых горели длинные свечи, над ними стоял портрет Ленина, а из радио доносилась «Песня танцующих огней».

Из-за окон, где снаружи снег становился все белее на фоне темнеющего неба, до них донесся резкий сигнал корабля. Казалось, комендант этого не заметил, но зато Джоан встрепенулась.

— Корабль, — сказала она. — Последний корабль перед тем, как замерзнет море.

Он не повернулся и не взглянул в окно. Лишь улыбнулся, лукаво и счастливо.

— У меня для тебя небольшой сюрприз, Джоан. Ты ведь сделаешь для меня кое-что? Наденешь сегодня к ужину то голубое платье, которое мне так нравится?

Она прошла к окну и выглянула на улицу сквозь рисунок из замерзших снежинок. Корабль остановился у старого причала. Большинству узников приказали переносить груз, которого на этот раз пришло больше обычного.

Первым появился генерал, согнувшийся над огромным ящиком. Вскоре Джоан услышала его шаги в коридоре. Она открыла дверь в библиотеку и смотрела ему вслед, когда он поднимался наверх по лестнице.

— Думаю, это кресло, — ухмыльнулся генерал, взглянув на нее, когда проходил мимо, — похоже на то. Хотя мне никогда не доводилось угадывать, что это, не заглядывая внутрь.

Следующим пришел товарищ Федосич. Он пошаркал к двери в библиотеку и остановился, отдавая честь и пытаясь отдышаться.

— Он здесь, товарищ комендант. Прибыл, — отрапортовал он. В его голосе явно боролись подобострастие с возмущением. — Корабль прибыл. Разве вы не хотите спуститься вниз и понаблюдать за людьми в необычных условиях?

Комендант Кареев раздраженно махнул рукой:

— Мне казалось, я велел вам присмотреть за ними. Вы ведь можете этим заняться. А я занят.

Посылки все прибывали и прибывали, их несли по коридору, наверх, в комнату к Карееву. Узники оставляли за собой на полу следы грязи и таявший снег.

Профессор и сенатор зашли к нему, держа в руках большой и тяжелый ковер, замотанный в рулон. Профессор улыбнулся Джоан. Сенатор, чья борода выросла еще больше, а щеки побледнели сильнее, отвернулся.

Молодой инженер принес коробку, в которой грохотало что-то металлическое. Его щеки окрасились в неестественно алый цвет, а глаза сверкали лихорадочной бодростью.

— Думаю, это для мисс Хардинг, — сказал он громко, будто самому себе, проходя мимо двери в библиотеку, трясая коробку и наблюдая за Джоан краем глаз. Впервые я в восторге от коменданта.

Граф нес аккуратно упакованную коробку, набитую соломой. Он держал ее с почтением из-за бесценного содержимого. Содержимое издавало звуки звенящего стекла.

— Поздравляю, мисс Хардинг, — победоносно улыбнулся он, подмигивая коробке. — Вот это я называю настоящей победой!

Комендант Кареев наблюдал за расширившимися от удивления глазами Джоан, когда они стали подниматься по лестнице вслед за процессией. Он не объяснил зачем.

Мишель остановился у открытой двери. Его худые плечи стали все больше сникать, как и уголки рта. Его глаза выглядели темнее обычного, и эта тьма, словно волна невыносимой боли, овладела его глазами и застыла в кругах из синих лужиц под ними. Сияющее неповиновение исчезло из Мишеля Волконцева, ему на смену пришла задумчивая горечь. Он нес за плечами узел, зашитый в тяжелую мешковину. Она казалась мягкой и легкой. Он взглянул на стоявших у порога Джоан и Кареева. Джоан склонила голову к плечу коменданта.

— Думаю, здесь подушки, — сказал Мишель. — Они отправляются в вашу комнату или в ее? Или без разницы?

Джоан даже и не подняла голову.

— В мою комнату, — велел Кареев.

К ужину Джоан облачилась в голубое платье. Темный вельвет тесно прилегал к ее телу, чересчур тесно,

но строгий военный ворот высоко окружал ее шею, прямо под подбородок. На столе, стоявшем в центре комнаты Кареева, горела одна-единственная свеча. Она словно была островком света во тьме, ярким пламенем на фоне темных оконных стекол. Она видела блуждающие по занавескам длинные тени, чувствовала мягкость ковра у себя под ногами. У стола стояли два больших кресла. Белым пятном в окружающем полумраке выделялось постельное кружево, где также лежали две атласные подушки, ловящие отблески от слабого света свечи.

— Все это окажется в твоей комнате, — поспешил объяснить Кареев, счастливо улыбаясь, слишком смущенный, прежде чем она успела вымолвить хотя бы слово. — А здесь оно просто... сюрприза ради.

Джоан улыбнулась ему сквозь покачивающееся пламя свечи. Он не отрывал от нее взгляда. Он смотрел на нее в ожидании того, когда она заметит белоснежную скатерть, изысканные фарфоровые тарелки, красные огоньки, пляшущие на столовом серебре, и длинные хрустальные бокалы.

Глаза Джоан растворились в мягком мечтательном тепле. Когда она смотрела на Кареева, то в них сверкало нечто большее, помимо отблесков от огонька свечи. Это чувство замирало в ее взгляде лишь на пару мгновений дольше обычного, но этого было достаточно, чтобы они оба поняли друг друга без слов.

И тем не менее они не были одни. У стены стоял официант. Теперь настала очередь Мишеля ждать у стола коменданта.

Он стоял, опустив плечи и вытянув голову вперед, и заботливо наблюдал за каждым движением коменданта Кареева, неловко, но благоразумно улыбаясь, воплощая собой преувеличенное изображение идеального официанта. Он положил на запястье салфетку, хоть того и не требовалось. И все же метрдотель одно-

го из тех ресторанов, в которые любил ходить Мишель Волконцев, не одобрил бы то, каким взглядом идеальный официант смотрел на коменданта.

— У нас сегодня юбилей, Джоан, — сказал Кареев, когда сели за стол. — Разве ты не помнишь? Ты приехала сюда ровно три месяца назад.

Она улыбнулась, указав на стол:

— И вот к чему это привело коменданта Кареева.

— Нет, это всего лишь начало.

Он наклонился к ней ближе и пылко заговорил:

— Я привезу сюда все, что ты только пожелаешь. Я сделаю этот остров раем для тебя, таким, каким ты делаешь его для меня.

— Все, что я сделала, — ради нас.

Она не замечала, как Мишель будто взглядом вбирает в себя каждый звук, срывающийся с ее губ, и разрывает его в клочья в безумной и безмолвной агонии.

Кареев тряхнул головой:

— Мне не нравится это слово. Я так долго прислуживал с ним на устах. Ради нас. Нас — людей, коллективного общества, миллионов. Я сражался на баррикадах — ради нас. Сражался в окопах — ради нас. Я стрелял в людей, и люди стреляли в меня в ответ. Ради нас, ради них, ради тех бесчисленных других, кто вокруг меня, ради тех, кому я продал бесценное время своей жизни, каждый миг, каждую свою мысль, каждую каплю крови. Ради нас. Я не желаю слышать этого слова. Потому что теперь это — ради меня. Ты приехала сюда — ради меня. Ты моя. И я не стану делиться этим ни с кем другим на всем свете. Моя. Когда начинаешь задумываться, понимаешь, что же это за слово.

Она улыбнулась, дразнясь, словно слегка упрекая его:

— Ну как же так, товарищ Кареев!

Он робко улыбнулся в ответ, будто извиняясь.

— Да, завтра я стану товарищем Кареевым. И послезавтра. И буду им еще множество дней. Но не сегодняшней ночью. Имею же я право на ночь ради самого себя, не правда ли? Посмотри, — и он с гордостью указал на стол, — я заказал все это для тебя — по радио. У меня есть деньги на счете в банке Нижне-Колымска. Моя зарплата. Мне нечего было с ней делать целых пять лет... Полагаю, не по самим деньгам я скучал все эти пять лет — более, чем тридцать пять.

— Никогда не поздно, пока живешь, и если еще хочешь жить.

— Это так странно, Джоан. Я никогда не знал наверняка, как понять, что ты хочешь жить. Я никогда не думал о завтрашнем дне. Я не беспокоился, чья пуля сразит меня последней и когда это случится. Но теперь, впервые, я хочу, чтобы меня пощадили. Я предатель, Джоан?

— Нельзя предать ничто на свете, — ответила Джоан, — кроме самого себя.

— Преданность, — сказал Мишель, — она как резина: можно растянуть ее ужасно далеко, но затем она порвется.

Кареев удивленно посмотрел на него, словно заметив в первый раз.

— Где тебя научили таким изысканным манерам, официант Волконцев? — поинтересовался он.

— О, у меня было много опыта, сэр, — спокойно ответил Мишель, — воспринимал я его, правда, с несколько другого ракурса. В мою честь также устраивали банкеты. Я помню один из них. Там было много цветов и гостей. Состоялась свадьба, такая, какую устраивали в давние дни. Она держала в руках букет так грациозно, как не смогла бы ни одна другая женщина. На ней тогда была длинная белая вуаль.

Комендант Кареев смотрел на него, и впервые в его взгляде ощущалась какая-то незримая тень сочувствия.

— Ты скучаешь по ней? — спросил он.

— Нет, — ответил Мишель. — Но хотел бы.

— А она?

— Она из тех, кто не остается одинокой надолго.

— Я бы так не сказал про женщину, которую любил.

— У нас с вами, комендант, не одна и та же женщина.

— После ужина, — медленно сказала Джоан, глядя на Мишеля, — вы ведь занесете ко мне в комнату немного дров? Я сожгла последние. А ночью очень холодно.

Мишель молча кивнул.

Комендант Кареев указал на темную бутылку, стоящую на столе. Мишель откупорил ее и разлил спиртное по бокалам.

Вино было темно-красного цвета, и пока он наливал его, рубиновые искорки окутывали стекло изнутри, а сквозняк играл с пламенем свечи.

Комендант Кареев встал, держа в руках бокал, и посмотрел на Джоан. Она тоже встала.

— За любовь, — сказал он торжественно и невозмутимо.

Он произнес это слово впервые.

Джоан чокнулась с его бокалом. Они столкнулись над свечой, чей свет сквозь темную жидкость отразился красным на лицах Кареева и Джоан. Тени скользнули по их лицам, словно сквозняк по острию пламени.

Когда она садилась, ее рука случайно дернулась, оставив тонкий красный след от вина на скатерти. Мишель спешно подошел к ней, чтобы долить вина в бокал.

— За любовь, мадам, — сказал он. — За ту, что есть, и ту, что была.

Она выпила.

Джоан была одна в комнате, когда Мишель вошел к ней с охапкой дров.

Она молча наблюдала за ним, стоя у окна, скрестив руки, не двигаясь. Он положил дрова у печи и спросил, не глядя на нее:

— Это все?

— Растопи ее, — велела она.

Он повиновался, присев на колени перед печью. Он чиркнул спичкой, и хрустящая кора затрещала, скручиваясь и сворачиваясь, поедаемая огоньками белого пламени. Она подошла к нему и прошептала:

— Мишель, пожалуйста, послушай. Я...

— Как много бревен мне туда положить, мадам? — холодно спросил он.

— Мишель, что ты пытался сделать? Ты хотел сорвать мой план?

— Твоя верность недорого стоит, не так ли?

— Моя верность? А что насчет его? Я видела, что ты сотворил с ней.

— Разве мне не этим следовало заниматься?

— Да, но я вижу, как ты смотришь на него. Я вижу, как ты разговариваешь с ним. Кто я такая, чтобы верить?

— Любовь моя.

— Я верю в это. Да. Твоя любовь. Но для кого это?

— Разве ты не знаешь?

— Он тоже тебе доверяет. Кого из нас, как думаешь, ты обманываешь?

Она посмотрела на него, ее глаза сузились в безразличном, слегка загадочном взгляде. Она медленно сказала с невинным безупречным спокойствием:

— Возможно, обоих.

Он подошел к ней, его голос был напряжен, а глаза умоляли:

— Фрэнсис, я доверяю тебе. Я бы не протянул здесь и дня, если бы не доверял тебе. Но я не просто не могу

этого вынести. Мы пытались. Ничего нельзя поделывать. Ты должна это понять прямо сейчас. Это безнадежно. Корабль отходит завтра на рассвете. Он будет последним, и после этого море замерзнет. Ты отправишься назад. Сядешь завтра на этот корабль.

Она заговорила медленно, не меняя тембра, лениво и безразлично:

— Я не сяду на этот корабль, Мишель. На него сядет кое-кто другой.

— И кто же это будет?

— Ты.

Он уставился на нее, потеряв дар речи.

— Продолжай растапливать печь, — велела она.

Он повиновался. Она склонилась к нему и быстро, страстно прошептала:

— Послушай меня внимательно. Ты сядешь на корабль. Ты спрячешься в хранилище. Комендант не станет делать обход этой ночью, я прослежу за этим.

— Но...

— Вот ключи к входной двери и к воротам. На стене лишь один часовой, который наблюдает за дорогой к причалу. Не отрывай от него глаз. В полночь его устроят.

— Как?

— Предоставь это мне. Как только увидишь, что его больше нет, — бегом беги к кораблю.

— А ты?

— Я остаюсь здесь.

Он уставился на нее. Она прибавила:

— Остаюсь совсем ненадолго. Чтобы он не смог обнаружить, что ты сбежал. Не волнуйся. В этом нет никакой опасности. Он никогда не узнает, кто помог тебе.

Он взял ее за руку.

— Фрэнсис...

— Дорогой мой, ни слова. Прошу тебя! Я три долгих месяца ждала этой самой ночи. Мы не можем позво-

лить себе никакой слабости. Мы не можем отступить. Это наша решающая битва. Понимаешь?

Он медленно кивнул. Она прошептала:

— Я присоединюсь к тебе в свободной стране, где мы вычеркнем эти два года из нашей жизни, запечатаем их и никогда вновь не откроем.

— Но я хотел бы снова прочесть о том, что ты для меня сделала.

— Есть лишь одно то, что я хочу, чтобы ты прочел и накрепко запомнил. Одна вещь, которую я напишу поверх всего того, что с нами приключилось за эти годы, — я люблю тебя.

Они услышали звук шагов Кареева снаружи. К тому моменту, как он собрался войти, Мишель уже был у порога. Джоан присела у дверцы печки, в чьем нутре задорно пылало яркое пламя. Она громко сказала Мишелю:

— Спасибо тебе, в этой комнате тепло. Сегодня ночью я буду себя чувствовать гораздо лучше.

V

Остров был окутан голубоватым свечением луны, блестящей на небосводе, словно белоснежный кусок сахара. Темные тени оставляли зияющие черные следы на земле с заостренными краями. Небо, развернувшееся словно черная пропасть над всем этим, мерцало в белой пене стремительно проплывающих по нему созвездий, и пена эта была схожа с той, что оставалась едва видимой на фоне черных скал после очередного беспощадного удара волны о них. На черной пропасти моря белели первые тени проступающего льда.

В монастыре горел свет. Входная дверь была закрыта на ночь. Серый флаг боролся с ветром на верхушке башни.

Мишель сидел в темноте на своей раскладушке и наблюдал за внешней стеной. Часовой медленно прохаживался по ней взад-вперед. Лампа в его руках казалась Мишелю злобным красным глазом, поглядывающим на него. Его шарф дрожал на ветру.

Сосед Мишеля по комнате, пожилой профессор, уже лег спать. Но сам он не мог заснуть. Он вздыхал в темноте и мастерил знак в виде креста.

— Ты не собираешься спать, Мишель?

— Пока нет.

— Почему на тебе пальто?

— Мне холодно

— Забавно, мне вот здесь душно... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Профессор отвернулся к стене. Затем он вздохнул и снова повернулся к Мишелю.

— Ты слышишь море отсюда? Оно вот так билось о скалы уже много столетий. Оно стонало задолго до того, как появились здесь мы. И будет стонать даже после того, как мы исчезнем.

Он сделал знак в форме креста. Мишель следил за лампой часового.

— Мы бродим в потемках, — продолжал профессор. — Человек потерял способность отличать прекрасное. А на нашей земле его еще столько... Той красоты, которую человеческая душа может оценить, лишь отринув все прочее. Но сколько людей хоть иногда размышляет над этим?

Из темноты его комнаты окно комнаты коменданта Кареева обретало длинный и тусклый синеватый контур. Лунный свет выстраивался в длинную тонкую дорожку на земле, поделенную на части и направляющуюся в сторону древнего собора. В темноте окна угадывалось очертание головы Джоан, откинувшейся на кресло, ее лицо было бледно-белым, и на ямочках ее щек блуждали синеватые тени, как и под подбородком, на

грудь; ее губы, темные, мягкие и нежные, блестели при свете луны. Тьма поглотила ее тело, остались видны лишь бледные руки, лежащие на коленях, а в этих руках покоилась голова коменданта Кареева, вставшего перед ней на колени. Он не двигался. Пламя единственной в комнате свечи не доставало до них. Его темные волосы коснулись ее бледных запястий, и он прошептал:

—...и тогда, в один из дней, тебе захочется оставить меня...

Она медленно покачала головой:

—Тебе здесь будет одиноко зимой. Море замерзает. А ночи длятся без конца.

—Такие, как эта?

Он взглянул в окно и рассмеялся.

—Прекрасно, не правда ли? Никогда не замечал этого. Как будто... как будто эта ночь существует лишь для нас двоих.

Где-то далеко внизу старые часы медленно пробили полночь. Она медленно и мягко повторила конец его фразы:

—Да... лишь для нас... двоих. Давай выйдем на улицу. Там прекрасно.

Комендант Кареев накинул ей на плечи зимнее пальто. Огромный воротник из пушистой серой лисички окутал ее голову, поднявшись до кончиков ее светлых кудрей.

Снаружи на карнизе балкона, с тяжелого края сверкающих сосул, на них лилось мягкое серебристое свечение. Часовой с лампой медленно прошел по стене мимо них. А за стеной возвышалась черная дымовая труба корабля.

Комендант Кареев посмотрел на нее. Он впервые за пять лет выпил вина. Это был первый раз, когда он праздновал что-либо. Он привлек ее ближе к себе. Его рука скользнула под лисичий ворот. Но она дернулась в сторону.

— В чем дело? — прошептал он.

— Не здесь.

— Почему?

Она невозмутимо указала на часового, который прохаживался по стене всего в нескольких шагах от них. Комендант Кареев улыбнулся. Он дунул в свой свисток. Часовой круто повернулся, поднял голову и отдал честь.

— Перейдите на пост номер четыре немедленно, — крикнул сквозь шум волн Кареев. — Патрулируйте по заданному маршруту и ждите дальнейших указаний.

Часовой отдал честь, спустился вниз и поспешил прочь через белый двор, снег хрустел у него под ногами.

Губы коменданта Кареева утонули в губах Джоан. Он крепко обнял ее и прижал к себе.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что знаешь, ради чего жила все это время, моя дорогая... дорогая... — прошептал он. — Я счастлив, Джоан.

Она запрокинула голову так высоко, что могла видеть отражение звезд, так высоко, что видела перед собой весь двор. Она опрометчиво накренилась назад, безвольно повиснув в его руках. Он с победоносным и довольным видом улыбался.

— Почему ты так странно смотришь, Джоан? Почему ты так улыбаешься?

— Сегодня я счастлива, — прошептала она звездам.

Мишель бесшумно открыл входную дверь. Он осторожно проверил надежность замерзших ступеней и снова проверил пистолет в кармане. Затем он вышел. Ему потребовалось три минуты для того, чтобы снова закрыть дверь, медленно, постепенно, не издавая ни звука. Он запер ее на замок за собой.

Голубоватый снег освещал его фигуру. Но в тени под стенами дома шла тонкая полоса тени. По ней он мог

добраться напрямик до ворот причала. Он тихо заскользил по глубокому снегу, прижавшись к стене как можно плотнее. Снега напало выше его ног, и он чувствовал, как белая пудра засыпается к нему в обувь. Чувствовалось это не так, как ожог, в тех местах, где его старые шерстяные носки были продырявлены. Он двигался медленно, не отрывая взгляда от пустующей стены, по которой еще недавно ходил часовой, словно магнитом притягиваемый туда.

Он остановился напротив ворот, ведущих к причалу. Оттуда виднелась черная труба корабля. На острове не раздавалось никаких звуков, кроме шума морского прибоя. Вдалеке он видел два красных мерцающих огонька чьих-то ламп. Ему было необходимо добраться до ворот по открытой местности, по снегу. Но часовые находились слишком далеко. В здании горел свет.

Он упал на снег и пополз к воротам так быстро, как только мог. Он чувствовал, как снег обжигает его запястья, обнаженную кожу между перчатками и рукавами. Пройдя полпути, он приподнялся и оглянулся на здание. И замер.

Наверху, в коридоре, он увидел фигуры двух людей. Они стояли неподвижно, обняв друг друга. Мужчина стоял спиной ко двору.

Мишель поднялся на ноги. Он стоял на виду у всех, на сверкающем снегу, и смотрел на тех двоих. Одна из перчаток упала с его руки, но он не заметил этого. Он не слышал ни звука падающей перчатки, ни звука собственного дыхания, ни даже звука биения сердца. А затем он помчался по снегу при свете луны обратно к двери в монастырь.

Комендант Кареев развернулся вместе с Джоан, когда дверь в его комнату распахнулась настежь. Джоан пронзительно закричала. Мишель стоял на пороге, и с его одежды падал тающий снег.

— Может, вам понадобится это, — кинул он ключи в лицо Карееву. — Я пытался сбежать. И мне все равно, что вы со мной сделаете. Мне все равно, что вы сделаете с ней.

— Мишель! — закричала она. — Убирайся отсюда! Замолчи!

— Она боится, — сказал Мишель, — что я расскажу вам, что она моя жена!

— Но все в порядке, — продолжил он, не дождав-шись ответа. — Можете забирать ее, вместе с моим поощрением и разрешением. Вот только я не думаю, что вам так необходимо это разрешение.

Комендант Кареев посмотрел на Джоан. Она стояла прямо, глядя на него в ответ. Пальто с пушистым лисьим воротником упало к ее ногам.

Комендант Кареев наклонился и подобрал ключи. Затем он трижды дунул в свисток. С его губ упала маленькая капля крови, с того места, куда его ударили ключи.

Товарищ Федоссич и двое часовых прибежали к двери. Товарищ Федоссич торопливо засовывал ночную рубашку в штаны.

— Проводите гражданина Волконцева в башню СИЗО, — приказал комендант Кареев.

— Почему бы вам не бросить меня в яму? — спросил Мишель. — Так вы скорее избавитесь от меня. А затем без помех сможете наслаждаться моей женой.

— Ты сказал, твоей женой, гражданин Волконцев? — судорожно вздохнул товарищ Федоссич.

— Проводите гражданина Волконцева в башню СИЗО, — повторил комендант Кареев.

Часовые схватили Мишеля за руки. Он вышел, высоко подняв голову и смеясь. За ними последовал товарищ Федоссич.

Высокое пламя догоревшей свечи шипело и дымило в темноте комнаты. Комендант Кареев взглянул на

Джоан. Она стояла, склонив голову и облокотившись о стол, и смотрела себе под ноги, где лежало пальто с лисьим воротником.

Комендант Кареев подошел к шкафу, взял новую свечу, зажег ее потушил старую. Он молча стоял и ждал. Она не решалась посмотреть на него, так же как не решалась и заговорить. Он спросил:

— И что ты собираешься сказать?

— Ничего.

— Это правда?

— Мое имя — Фрэнсис Волконцева.

— Ты любишь его?

Она медленно взглянула на него, внимательно, из-под полуприкрытых век, не поднимая головы.

— Я не говорила этого.

Он ждал. Она молчала.

— Это все, что ты можешь рассказать мне? — спросил он.

— Нет, но это все, что я тебе собираюсь сказать.

— Почему?

— Я не стану объяснять. Ты мне не поверишь.

— Это уже мне решать.

В его голосе звучал приказ, но в глазах стояла мольба.

Она вновь внимательно посмотрела на него из-под полуприкрытых век. Затем подняла голову и взглянула прямо на него. В ее глазах сквозило явное высокомерие, как всегда, когда она была горда, что говорит правду, но еще более горда, что говорила ложь.

— В общем, да, я его жена. Да, я прибыла сюда только для того, чтобы спасти своего мужа. Я приехала сюда, ненавидя всех коммунистов. Но осталась потому, что полюбила одного из них.

Он не шелохнулся. Но она заметила, чего для него стоило это усилие оставаться неподвижным, и знала, что может продолжать.

— Сперва все это было лишь игрой, как и мое имя — Джоан. Но, видите ли, Джоан убила Фрэнсис, и теперь есть только Джоан... она живет... и любит.

— И тем не менее она не забыла о планах Фрэнсис.

— Ох, разве ты не понимаешь? Я хотела, чтобы он не мешал нам. Как я могла все время оставаться перед такой угрозой, перед таким напоминанием о прошлом? Я хотела освободить его ради того, чтобы почувствовать, чего добилась сама. Но тебе, конечно, все необязательно верить мне.

Взгляд ее был дерзким, но губы дрожали совсем по-детски наивно, а тело внезапно прижалось к столу, словно в безнадежности, взывая к защите.

— Я была молода, когда вышла замуж за Мишеля. Я думала, что люблю его. Но я не выяснила, что такое любовь, пока не стало слишком поздно.

В его руках билась вся сила отчаяния, вся сила веры, которая была благодарна тому, что ее вновь заставили поверить.

— Никогда не бывает слишком поздно, — прошептал он. — Пока ты жива... пока ты хочешь жить.

Она смеялась, когда он целовал ее, смеялась счастливо.

— Позволь ему сбежать, — прошептала она. — Ты не можешь оставить его здесь. И не можешь убить его. Он вечно будет стоять преградой на нашем пути.

— Не говори о нем, дорогая. Давай просто помолчим, а я буду рядом и обниму тебя... вот так.

— Отпусти его, и я останусь здесь с тобой... навсегда.

— Ты не ведаешь, о чем просишь. Если я позволю ему уйти, то начнется расследование. Они узнают твое настоящее имя и арестуют. И нас разлучат. Навечно.

— Я не могу остаться здесь, если он тоже будет тут.

— До тех пор, пока я здесь комендант, я не могу предать веру своей партии.

— В таком случае стоит ли тебе оставаться здесь комендантом?

Он выпустил ее из рук и отступил на шаг назад, взглянув на нее. Он не был возмущен, лишь удивлен.

— Ах, разве ты не понимаешь? — Ее голос сошел до пламенного, задыхающегося шепота. — Я предала все свое прошлое, когда сказала, что люблю тебя. Сделай же это и ты. Давай покончим с годами, что остались позади, одним стремительным ударом — и начнем новую жизнь с этих могил.

— Что ты имеешь в виду, Джоан?

— Давай сбежим вместе — все трое. Я знаю, что ты не можешь уехать без разрешения, но мы возьмем аварийный катер. Мы поедем в Нижне-Колымск. У меня там друг — торговец из Англии. У него влиятельные связи с КГБ — их здание прямо напротив его дома на той же улице.

— А... потом?

— Он организует для нас поездку на английском корабле за границу, в далекие-далекие страны. В Америку. И там Мишель отдаст мне мою свободу. Это справедливый обмен. А затем...

— Джоан, я состоял в партии двадцать два года. В партии, которая боролась за революцию.

— Которая боролась за них? За людей, за коллектив? Посмотри на них, на эти миллионы. Они спят, едят, женятся и умирают. Найдется ли среди них хоть один, кто почтит память доблестного воина своей слезой, воина, отдавшего жизнь за исполнение их желаний?

— Они мне братья, Джоан. Ты не понимаешь сути нашего чувства долга, нашей великой борьбы. Они голодают. Их необходимо кормить.

— Но твое собственное сердце умрет от голода.

— Они без всякой надежды трудились многие века.

— Но ты откажешься от своей последней надежды.

— Они сполна настрадались.

— Но тебе только предстоит узнать суть страданий.

— У меня есть огромный долг...

— Он у нас у каждого есть. Священный нерушимый долг, и мы проживаем свои жизни в попытках нарушить его. Наш долг — по отношению к самим себе. Мы боремся с ним, мы душим его, мы идем с ним на компромиссы. Но настает день, когда он отдает нам приказ, последний, самый главный приказ — и его мы не можем больше послушаться. Ты хочешь уехать. Со мной. Ты хочешь этого. И вот самая главная причина всему. Ты не можешь подвергать это сомнению. А когда ты не можешь более подвергнуть это сомнению, ты понимаешь, что вот он — твой долг.

Он беспомощно простонал:

— Ох, Джоан, Джоан...

Она торжественно стояла подле него, словно жрица, смотрящая в будущее, но слова ее были мягкими, мечтательными, и ее голос словно улыбался ему с ее серьезных губ, и казалось, что его привлекали к ней вовсе не слова и не голос, а лишь призрачные движения ее губ, искушая его, отбивая всякую способность к сопротивлению, маня в будущее, которое имо был подвластно и которого сам он не ведал.

— И прямо там, далеко-далеко, будут гореть электрические огни на темных бульварах... и они будут играть «Песню пляшущих огоньков»...

Он покорно прошептал:

— ...и я вынесу тебя на руках из машины...

— ...и я научу тебя танцевать...

— ...и я буду смеяться, смеяться и никогда вновь не стану чувствовать себя виноватым...

— Так мы едем?

Казалось, он внезапно проснулся. Он отошел в сторону и закрыл глаза. Когда он вновь открыл их, она

увидела тот взгляд Чудовища, о котором уже успела позабыть.

— Корабль отплывает на рассвете, — медленно произнес он. — Я велю им подождать до полудня. Ты можешь собирать свои вещи. В полдень ты уедешь, одна.

— Таков твой выбор?

— Я знаю, чего теряю. Но есть то, чего я позволить себе не могу. Я хочу, чтобы ты уехала, до того, как для меня будет слишком поздно.

— Повтори это снова. — Ее голос был спокоен, как и его, безразличен.

— Завтра. В полдень. Ты уедешь. Одна.

— Хорошо, комендант. Тогда я пойду спать, раз завтра мне предстоит долгая поездка... Доброй ночи... Когда ты будешь думать обо мне, помни лишь то, что я... любила тебя.

VI

Большой чемодан был открыт посередине комнаты Джоан. Она неторопливо складывала вещи и клала их в него, одну за другой. Тапочки она завернула в бумагу. Она собрала свои чулки, которые словно тонкой кинопленкой натягивались у нее в руках; стеклянные бутылочки с духами и белые пудреницы отправлялись туда же. Она безмолвно передвигалась по комнате, никуда не спеша. Она была необычайно спокойна и вела себя так же безразлично, как в тот день, когда разгружала этот же самый чемодан три месяца назад.

Сквозь рев моря она порой слышала сильный звон колоколов на ветру. Грязно-белое море, мутное, как помой, яростно качалось, готовое вылиться из ведра. Взбивающиеся брызги пены грозили загрязнить своей серостью все небо.

Дважды Джоан выходила в гостиную и смотрела на соседнюю к ней комнату. Дверь в нее была открыта, и внутри она была пуста. Новый ковер сиял синевой при свете дня. Постельное кружево было расправлено, подушки безмятежно покоились у изголовья кровати. Еще одна подушка, однако, лежала у стены в дальнем углу комнаты.

В монастыре было тихо. Ветер бродил в покинутых кельях высоко под сводами башен. Внизу же, по длинным запыленным залам, раздавались осторожные шепотки, словно укрощенные порывы ветра.

— ...и все это время она была его женой.

— Я не завидую ему.

— А я да. Вот бы у меня была женщина, которая бы так меня любила.

Среди ютящейся у лестницы группки людей вздыхал пожилой профессор, который время от времени шепотом причитал, вздыхая:

— Сколь же одиноко здесь снова станет без нее!

— А я рад, что она уезжает, — ответил усталый голос, — ради ее же собственного блага.

У окна генерал прислонился к плечу графа. Они наблюдали за морем.

— Ну, Чудовищу было не впервой заставлять людей страдать, — прошептал генерал. — Теперь настал его черед.

— Он возвращает то, что занял, — отметил граф, — и его это еще как интересует.

Товарищ Федоссич с трудом и кряхтя прислонился к подоконнику. Он не смотрел на море, а на платформу башни под колоколами расширившимся зрачками. На парапете стояла высокая фигура мужчины. Товарищ Федоссич прекрасно знал, о чем думает комендант.

Комендант Кареев стоял на башне, и ветер трепал его волосы. Он смотрел вдаль, туда, где плывшие нескончаемым потоком серые облака уходили за ли-

нию побережья и всего того, что лежало за ним. Коменданту Карееву довелось повидать длинные городские улицы с выстроенными на них баррикадами, посреди которых реяли людские флаги и лилась людская кровь, где за каждым углом, с каждой крыши пулеметы заходились в смертельном кашле, что был страшнее чахоточного. Он повидал длинные траншеи, где за колючей проволокой скрывались тонкие, отливающие голубым безмолвные лезвия, поджидавшие своих жертв, решительные и беспощадные. Но никогда его лицо не выглядело таким, как сейчас.

На лестнице за ним зазвучали шаги. Он развернулся. К нему поднимался молодой инженер, который тащил за собой новую стремянку и красный флаг. Старый флаг уже был серым и покинуто дрожал, переживая свои последние конвульсии, высоко над куполом башни, покрытым снегом.

Инженер взглянул на него. В его юных голубых глазах была видна та печаль, которую он разделял вместе с комендантом. Он медленно сказал:

— Сегодня выдалось плохое утро, комендант. Серое. Без солнца.

— Солнца не будет еще долго, — сказал Кареев.

— Мне холодно, так холодно. И... — он посмотрел Карееву прямо в глаза, — не только мне одному, комендант.

— Нет, — ответил комендант Кареев, — не только тебе одному.

Инженер прислонил стремянку к стене башни. Затем он развернулся и сказал, словно каждое слово должно было пронзить бездонные мрачные зрачки того человека, которого он до этого момента ненавидел:

— Если бы я понял, что здешний климат вредит моей крови, то я бы сбежал на конец света, если бы только был свободен.

Кареев взглянул на него. Затем медленно поднял глаза наверх, к старому флагу, которой боролся с ветром посреди нависших облаков и на фоне белеющего снега. Он мечтательно и совсем невпопад сказал:

— Взгляни на этот красный флаг. Красный на фоне белого снега. Они не смотрятся вместе.

— Флаг выцвел, — медленно сказал инженер. — Снег вобрал в себя его цвет.

— Он был соткан из дешевой материи. Хорошая вещь сохранит свой цвет в любую погоду.

— Все это к переменам, комендант. Он отслужил свое.

Он взобрался на стремянку и снова оглянулся на человека позади. И внезапно заговорил, словно вспыхнув стремительным пожаром, со всей торжественной серьезностью пророка, четким и вибрирующим на ветру голосом:

— Спустя тысячу лет, комендант, не важно, станет ли мир красным, как этот флаг, или белым, подобно снегу, кого еще будет волновать, что один из коммунистов на маленьком пятнышке острова отдал свое сердце и свою кровь во славу мировой революции?

Дверь Джоан была открыта. Комендант Кареев, колебавшись, все же решил пройти мимо. Но она заметила его и окликнула:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответил он.

— Ты не зайдешь? Мы же не расстаемся, как враги, верно?

— Конечно же нет.

— Быть может, ты сможешь мне собраться? Вот, можешь сложить за меня это вельветовое платье?

Она протянула ему то платье, которое надела к ужину прошлым вечером, его любимое. Он сложил его, протянул обратно ей и бесцеремонно сказал:

— Прости. Мне тебе помочь особо нечем. Я занят.

И он вышел. В коридоре его остановил товарищ Федоссич. Федоссич поклонился и мягко сказал:

— Корабль ожидает Фрэнсис Волконцеву, товарищ комендант.

— Ну и?

— Я правильно понимаю, что она уезжает свободной, ее никто не собирается арестовывать за предательский контрреволюционный план.

— Она уезжает свободной.

— Осмелюсь полагать, что нам следует отослать ее в отдел КПУ Нижне-Колмыска. Осмелюсь выразить свое мнение, что ее поступок является угрозой государству, наказуемым...

— Когда-нибудь, товарищ Федоссич, вы можете стать комендантом этого острова. Когда-нибудь. Но пока вы им не являетесь.

Комендант Кареев снова увиделся с Джоан в библиотеке. Она прощалась с заключенными и оставила им в подарок радио, как напоминание о себе, сказала она. Она заметила его у двери, но не повернулась.

Случилось нечто странное. Бледный бородатый сенатор, который ни разу не взглянул на нее за все это время, встал. Он подошел прямо к ней, взял ее за руку и в крайне учтивой манере поднес ее к губам.

— Хочу сказать вам, гражданка Волконцева, — начал он хриплым, сухим голосом, — что вы замечательная женщина.

— Спасибо, сенатор, — ответила она. — Вот только когда я уеду, то я уже не буду гражданкой Волконцевой. Я стану Джоан Хардинг.

Комендант Кареев поспешил прочь. Снаружи, у верфи, рябой одноглазый капитан стоял, прислонившись к перилам у корабля и куря трубку. Он взглянул на небо и сказал:

— Почти полдень, товарищ комендант. Женщина готова?

— Пока еще нет, — ответил Кареев.

— Конечно, товарищ комендант, вы можете не сомневаться в нашей преданности. Об этом никто и никогда не узнает. Но я просто подумал о том, что вдруг один из членов партии решит поплыть с нами и сообщит ГПУ о сбежавшей аристократке...

— Аварийный катер к услугам того, кто захочет отправиться первым, — сказал Кареев. — Спросите меня, если вам понадобится ключ.

По склону к коменданту бежал часовой, на ходу отдавая честь и пытаясь отдышаться.

— Гражданка Волконцева хочет вас видеть, товарищ комендант.

Кареев помчался к монастырю через сугробы, перескакивая расстояние в два шага. Охранник посмотрел ему вслед удивленно. Товарищ Федосич кивнул медленно.

Чемодан Джоан был закрыт.

— Я думаю, время, — сказала она тихо, когда Кареев вошел. — У тебя найдется человек спустить мой чемодан?

— Тебе следует немного подождать, — отвечал он отчаянно. — Лодка еще не готова.

Затем он вошел в свою комнату и захлопнул дверь. Она прислушивалась за стеной своей камеры, но не могла услышать ни звука.

Затем она вновь услышала его шаги. Она открыла свою дверь.

Он упал к ее ногам, как будто все силы покинули его тело и дух.

— Ты не можешь идти своим путем... ты не можешь идти... — все, что он мог прошептать.

Она погладила его по голове, улыбаясь, целуя его волосы. Прошептала:

— Дорогой... мы будем так счастливы... так счастливы...

Он молча прятал лицо в складках ее платья. Его руки оцепили ее ноги, удерживая, в панике от страха, что она исчезнет из его пальцев, казалось, навсегда. Она прошептала:

— Это будет легко... Сегодня ночью. Мы возьмем катер. Мы, вдвоем.

— Ты не покинешь меня... ты никогда не покинешь меня.

— Нет, дорогой, никогда... Скажи, чтобы капитан шел.

— И они будут играть «Песню танцующих огней»... только для двоих из нас...

— Держи катер наготове.

— Я куплю тебе маленькие сатиновые тапочки. Украшенные мягкими розовыми перьями. Я сам надену их на твои босые ноги...

— Уничтожь беспроводной, чтобы они не могли дать сигнал.

Ветер преследовал тучи. Красная дрожащая линия задыхалась беззвучно над морем, в котором тонуло солнце. Красные пятна медленно умирали на снегу куполов.

Осужденные заканчивали ужин. Комендант Кареев мог слышать звон посуды на кухне. Но среди них не было звука голосов. Он знал, что они все думали.. Когда он проходил сквозь коридор, то видел глаза, обращенные на него с преувеличенным безразличием, и он почувствовал эти взгляды за своей спиной.

Миновав помещение для охраны, он услышал товарища Федоссича. Товарищ Федоссич разговаривал со своим другом, начальником охраны. Заметив Кареева, он не стал понижать голос:

— ...серебро, ковры, вино... вот к чему ведет буржуазная роскошь. Я никогда не поддерживал идею привести сюда суку. Я знаю, она «белая».

Комендант Кареев не стал входить. Пошел дальше. Товарищ Федоссич последовал за ним.

— Товарищ комендант инспектировал катер сегодня, — заметил он. — С ним что-то не так?

— Нет. Но мы собираемся его использовать.

— А... когда?

— Завтра. Гражданка Волконцева под арестом. Ее отвезут в ГПУ утром.

— Одну?

— Нет. С надежным сопровождением. Возможно — с вами.

Он развернулся уходить.

— Если гражданка Волконцева под арестом, — товарищ Федоссич сгорбился заискивающе, больше, чем когда бы то ни было, — не хотите ли поставить меня охранником у ее двери?

Когда стемнело, комендант Кареев подошел к ступеням башни, хранившей беспроводную связь. На лестнице не было свечей. Не было стекол в окнах. Снег лежал на ступенях, занесенный ветром. Он мог различить окна по мерцающим звездам, стены башни сливались с небом.

Он поднимался медленно, осторожно, стараясь не скрипеть снегом под ногами. На первом пролете он увидел тень. Тень хрипло кашлянула, вздымая плоскую грудь.

— Добрый вечер, товарищ Федоссич, — сказал комендант. — Что вы здесь делаете?

— Всего лишь прогуливаюсь, как и вы, товарищ комендант.

— Хотите сигарету?

Кареев чиркнул спичкой. Его глаза ослепило на секунду небольшое дрожащее пламя. Ветер задул

его. Две красные точки оставались в темноте перед глазами.

— Сегодня ночью сильный ветер, — сказал товарищ Федоссич, — и море беспокойно. Опасно для плавания.

— Холод не для ваших легких, товарищ Федоссич. Вы должны быть осторожны, что касается того, что нехорошо для вас.

— Я никогда не забываю об этом в рамках моих обязанностей. Хороший коммунист не позволяет ничему встать на пути выполнения своих обязанностей. Хороший коммунист, как вы и я.

— Немного поздно для выполнения каких бы то ни было обязанностей, которые вы можете исполнять.

— Ваша правда, товарищ комендант. У меня нет столько обязанностей, как у вас. И, говоря об обязанностях, вам никогда не приходило в голову, что это несколько небрежно, то, что мы оставляем беспроводной доступ в пустой башне, где любой человек может добраться до него?

Комендант Кареев сделал шаг назад и приказал медленно:

— Возвращайтесь в свою комнату. И оставайтесь там.

Товарищ Федоссич заслонил лестницу своим телом, упершись руками в стены.

— Ты не пройдешь! — прошипел он.

— Прочь с моего пути! — прошептал комендант Кареев.

— Вы не получите беспроводную, вы — предатель!

Комендант Кареев схватил рукой длинное жилистое горло, другой рукой вытащил пистолет из кобуры товарища Федоссича. Пнул его, и товарищ пролетел вниз несколько ступенек. Когда он пришел в себя, то почувствовал пистолет коменданта Кареева, приставленный к его спине.

— Спускайся, крыса! Если ты откроешь рот — застрелю.

Товарищ Федоссич не проронил ни звука. Комендант Кареев повел его вниз, на двор. Он дунул в свисток.

— Гражданин Федоссич под арестом, — сказал он охране спокойно, — за нарушение субординации. Поместите его в яму.

Товарищ Федоссич не сказал ни слова. Он поперхнулся, закашлялся, его плечи конвульсивно задержались. Охрана увела его, и комендант Кареев последовал за ними.

В темной, влажной, с низким сводчатым потолком комнате охранники открыли тяжелый, как камень, люк со старым медным кольцом. Они обвязали канат вокруг талии товарища Федоссича. В свете чадающего фонаря, пламя которого покачивалось в проеме, его лицо приобрело цвет раковины с влажными, зеленоватыми жемчужинами на лбу. Охранники развернули веревку, опустив его в яму. Они слышали его кашель, доносящийся все слабее по мере того, как он опускался вниз. Комендант Кареев стоял, наблюдая.

Комната беспроводной связи находилась на верху башни. Никто не мог слышать во дворе внизу, когда радиоприбор стал трещать, разбиваемый сильными руками коменданта Кареева. Он убедился, что части больше не собрать. Он должен был разглядывать поломанные детали в свете звезд, чтобы понять это. Он не стал зажигать спичек. Ветер отбросил его волосы назад с мокрого лба.

Комендант Кареев открыл дверь в комнату Джоан бесшумно, без стука.

— Пойдем, — прошептал он. — Все готово.

Она ожидала, одетая в теплое пальто, меховой воротник плотно под подбородком, меховая шапка на светлых кудрях.

— Не шуми, — приказал он. — Мы спустимся и заберем Волконцева.

Она потянулась поцеловать его, улыбаясь. Он поцеловал ее спокойно, нежно. В его действиях не было колебаний, в его глазах не было сомнения. Он был коммунистом Кареевым, который был одним из победителей в гражданской войне.

Мишель сидел в пальто, когда дверь его камеры распахнулась. Он подпрыгнул от неожиданности. Джоан вошла первой. Следом комендант Кареев. Мишель стоял, его черные глаза молчаливо вопрошали. Кареев бросил ему подбитый мехом жакет.

— Наденьте это, — приказал он, — и не производите никакого шума. И за мной.

— Куда? — спросил Мишель.

— Вы бежите. И я тоже. Мы втроем...

Мишель не сводил широко раскрытых глаз с Джоан.

— Я полагаю, вы понимаете суть сделки, — сказал Кареев. — Ваша жизнь в обмен на вашу женщину.

— Предположим, — задал вопрос Мишель, — я не согласен на сделку?

Джоан стояла лицом к нему и спиной к Карееву. Ее голос был спокойным, безразличным, но ее глаза пытались безмолвно, отчаянно внушить нечто Мишелю.

— Есть вещи, которые ты не понимаешь, Мишель. И кое-что, что ты забыл.

— Мы втроем, — сказал Кареев, — установим договор, Волконцев. И мы сможем сделать это лучше на свободе. Ты боишься идти?

Мишель пожал плечами и медленно надел меховой жакет.

— А вы не боитесь заключать соглашение, комендант? — спросил он.

— Идемте, — сказала Джоан. — У нас нет времени на разговоры.

— Тебе лучше взять это, — сказал Кареев, вкладывая пистолет в руку Мишеля. — Он нам понабится.

Мишель смотрел на него секунду, безмолвно укрепляясь в своей доверии, затем взял пистолет.

Начальник охраны проводил ночную проверку персонала на заднем дворе монастыря в соответствии с приказом коменданта Кареева. Там не было красных фонарей, движущихся по стенам.

Сквозь грохот волн никто не мог слышать катера, как он взревел в темноте.

Волны поднимались высоко, подобно судорожно вздымающейся груди. Луна дробила длинные пятна холодного, серебряного огня в воде, и море рвало их на мерцающие тряпки. Звезды тонули в воде и бешено колотились друг о друга, волны спешили отбросить их назад в белых сверкающих брызгах.

Волны поднимались медленно и висели над лодкой неподвижно, как стена черного, отполированного стекла. Затем белая пена взрывалась на гребне, словно лопнувшая пробка, и срывалась вниз по черной стене, лодку бросало вверх, из воды, на кипящую вершину другой горы.

Комендант Кареев склонился над рулем. Его надбровья слились в одну прямую линию, и его глаза чертили одну прямую линию впереди себя в темноте. Он чувствовал каждый мускул, напрягшийся по желанию его пальцев, которые вцепились в руль, как когти. Согнутые в локтях руки, слившись с рулем, работали, как крылья, как нервы катера. Он потерял шапку. Его волосы развевались прямо по ветру, как вымпел.

— Волконцев! Держи Джоан! — однажды крикнул он.

Джоан обернулась назад, к острову. Она увидела его в последний раз как одинокую черную тень со слабым серебряным свечением на куполах, которое скатывается, исчезая под вершинами волн.

В полночь они увидели красные искры, слабо мерцающие впереди. Кареев вильнул вправо, избегая мерцающей деревни. Лодка мягко стукнулась о дно и остановилась. Кареев помог Джоан выбраться на берег.

Пустынный пляж убегал в лес из тонких сосен, тихих, спящих, ветви которых склонились под тяжестью снега. В миле, слева от них, виднелась деревня, справа, на много миль вниз по белому песку поисковые огни поста береговой охраны вращались медленно, прощупывая море.

Небольшой проход заканчивался на окраине леса. Снег покрывал все дороги. Только две глубокие колеи от колес крестьянских телег все еще оставались, похожие на рельсы, врезавшиеся в морозную землю.

Комендант Кареев шел первым, Джоан за ним. Мишель шел последним, рука на пистолете.

Они шли в тишине. Ветер сник. Луна над лесом бросала длинные черные тени сосен сквозь проход и далеко через пляж. Дальше, у воды, снег мерцал, отсвечивая колким голубым светом.

Нижние ветки напряжены под белым покрывалом, вздрогнув, осыпали их морозной пылью. Белый заяц показал свои длинные уши из-за куста и бросился в лес, скачущий бесшумный снежок.

Они выбрали одинокий дом на окраине деревни. Комендант Кареев постучал в дверь. Собака залаяла где-то, переходя на задыхающийся, долгий, тревожный вой.

Сонный крестьянин открыл дверь со страхом, тулуп дрожал на его плечах, глаза от свечи моргали.

— Кто здесь?

— Государственное дело, товарищ, — сказал Кареев. — Нам нужны две хорошие лошади и сани.

— Да поможет мне Бог, товарищ Главный. — Крестьянин заскулил, кланяясь, крестясь веснушчатой ру-

кой. — У нас нет лошадей, да поможет мне Бог. Мы бедные люди, товарищ Главный.

Одна рука товарища Кареева мяла значительно пачку бумажных денег, другая прикрывала приклад его пистолета.

— Я сказал, нам нужны две лошади и сани, — повторил он медленно. — И они нужны нам немедленно.

— Да, товарищ Главный, да, господин, как пожелаете.

Поклонившись, нервно жуя длинную рыжеватую бородку, крестьянин повел их в конюшню позади дома, свеча капала воском на его трясущуюся руку.

Комендант Кареев выбрал лошадей. Мишель собрал солому с пола в стойлах и заполнил дно саней вокруг ног Джоан, укутывая их в старый меховой полог. Товарищ Кареев прыгнул на место возницы. Он бросил пачку банкнот в красную бороду. Предупредил:

— Это секретное государственное дело, товарищ. Если ты выдохнешь хоть слово об этом — пойдешь под трибунал. Понял?

— Да, господин, товарищ Главный, благослови тебя Бог, да, господин... — бормотал, склонившись, крестьянин.

Он все еще стоял склонившись, когда сани выехали со двора в туче снега.

VII

В полночь начальник охраны прокрался бесшумно к яме, прислушался осторожно, но не услышал ни единого звука в монастыре. Он открыл люк и позвал, поднимая повыше фонарь над ямой:

— Ты здесь, Гриша?

— Здесь, — послышалось далеко снизу в порывах кашля, — ...ты, Макар?

— Он самый. Хочу узнать, как ты там, товарищ.

На дне глубокой ямы с сосульками, сверкающими в расщелинах стен, товарищ Федоссич зарылся в солому, его тонкие пальцы грели горло, глаза, как две черные ямы на багровом лице. Он зарычал, затем просипел:

— Долго же пришлось ждать, чтобы удовлетворить твое любопытство.

— Его приказ. Сказал, чтоб близко от тебя никого не было.

— Ты видел его где-нибудь в последние несколько часов?

— Нет.

— Выпусти меня!

— Ты с ума сошел, Гриша? Против его приказа?

— Ты слепой болван! Посмотри, сможешь ли найти его. Или женщину. Или катер!

— Да поможет нам Всевышний, Гриша! Ты думаешь...

— Поспеши! Иди и посмотри! Потом выпустишь меня!

Товарищ Федоссич рассмеялся, когда Макар прибежал обратно, ревя, как сумасшедший, недоверчиво:

— Он сбежал! Он сбежал! Они сбежали! Лодка исчезла!

— Теперь я главный на острове, — сказал товарищ Федоссич, он стиснул зубы, когда веревка дернула его из ямы. — И сапогом в зубы первому, кто не подчинится моим приказам!

— Привести сюда гражданку Волконцеву! — был его первый приказ.

Макар послушно удалился и вернулся с широко открытыми глазами, докладывая, что гражданка Волконцева сбежала тоже.

— Так, — рассмеялся товарищ Федоссич, — товарищ комендант еще больший глупец, чем я думал!

Вверх по старой лестнице к комнате беспроводной связи товарищ Федоссич побежал, спотыкаясь и останавливаясь, чтобы остановить кашель, тени сумасшедше метались вокруг раскачивающегося фонаря в его руке. Макар следовал за ним в недоумении. Товарищ Федоссич ударил сапогом в дверь. Свет от раскачивающегося фонаря вздрогнул и высветил разгромленные детали радиоустановки.

— Я поймаю его! — оглушил товарищ Федоссич. — Я поймаю его! Этого великого красного героя! Это высокомерное животное!

Затем он поднял фонарь, и размахивал им триумфально, и орал, указывая на темные предметы в углу:

— Смотри, Макар! Смотри! Мы дадим сигнал берегу! Мы схватим его! Подключи его и принеси на колокольню!

Шерстяной шарф товарища Федоссича захлопал в ярости, когда он вышел на площадку колокольни. Он стоял против ветра, как бы отталкивая невидимую, гигантскую руку, которая бросала его к звездам, его длинная тень прыгнула, пронесшись над парпетом.

Он поставил фонарь вниз и схватил веревку колокола. Она обожгла голые руки. Он сорвал шарф с шеи и обернул им пальцы.. Затем потянул веревку.

В ясную погоду колокола можно услышать на большой земле. Небо было чистым. Ветер дул к берегу.

Колокола издавали длинный, протяжный стон. Холодный снег засыпал плечи товарища Федоссича. Трепет пробежал по старому монастырю, с колокольни вниз, к яме.

Колокола захлебывались в агонии, медь звенела крикливыми всплесками. Яростный удар кованого, огромного металлический хлыста и гудящие раскаты грома тяжело поднимались, уплывая медленно вдаль, высоко над морем.

Товарищ Федоссич яростно перебросил веревку. Опустил шарф. Он не чувствовал голых рук, обожженных веревкой. Он смеялся безумно, заходясь кашлем. Он пересек бегом площадку и качнулся назад, обхватив веревку ногами и руками, раскачиваясь на ней, как гигантский маятник.

Макар поднялся по лестнице с прожектором, таща шуршащий по ступеням, как змея, длинный провод, который соединялся с динамо в комнате ниже. Он стоял неподвижно в ужасе. Товарищ Федоссич заорал, скручивая веревку:

— Они должны услышать! Они должны услышать!

Через море, на береговом пункте охраны, движущиеся поисковые огни вдруг замерли.

— Ты слышал? — спросил солдат, который носил остроконечную буденовку цвета хаки с красной звездой.

— Прекрасно, — сказал его помощник. — Звук, похожий на колокол.

— Разве что из ада.

— Это со Страстного острова.

И пока они стояли, прислушиваясь, вглядываясь в темноту, ярким языком загорелась лампочка далеко на горизонте, словно копье перерезая черное небо, и рана снова закрылась.

— Тревога, — сказал солдат в буденовке...

Товарищ Федоссич сигнализировал послание на большую землю. Он присел возле прожектора, прижимая его лихорадочно к груди, как ребенка, которого он должен был защитить от ветра, которого он не мог отпустить, сжимая его пальцами жесткими, как клещи. Он тер ими грудь, пытаясь согреть пальцы, разорвав рубашку, не чувствуя ветра голой шеей. Он хохотал. Его смех сливался с кашлем, в триумфе над ветром, вслед полосам света, которые вонзались, как стрелы дартса, прямо в грудь невидимого далекого врага в темноте.

Макар быстро крестился трясущейся рукой.

Солдаты охранного поста на берегу знали код. Белые полосы над морем выбивали медленно, буква за буквой, послание:

«К-О-М-Е-Н-Д-А-Н-Т Ж-Е-Н-А О-С-У-Ж-Д-Е-Н-Н-Ы-Й П-О-Б-Е-Г».

Под восьмью копытами восемь комков снега взлетели вверх, из лошадиных ноздрей пар поднимался облачками снежной пыли. Кнут в руке коменданта Кареева свистел над головами лошадей и опускался на их ребра.

Под ними белая земля бежала назад, словно потоки водопада, уходя вниз, в пропасть, под сани. Летел в стороны снег, и путь плавился, превращаясь в длинный белый пояс. Над ними огромные сосны медленно проплывали мимо, оставаясь неподвижными относительно земли.

Лошади склонились под дугой, их ноги под крупом слились, паря над землей.

Глаза Джоан остановились на кнуте, который представлялся ей орудием в руках экзекутора на Страстном острове, который бил темноту впереди. Она ощущала скорость по ветру на губах. Рука Мишеля плотно охватила ее, его пальцы тонули в ее пальто.

Через милю леса, где сосны, казалось, сомкнулись, закрывая дорогу впереди, и дорога, как белый нож, резала их на части в полете, через чистые равнины, где черное небо поглотило белый снег, превратив в один шар тьмы, и дорога казалась серым облаком, переносящим их через бездну, через рывины, и сугробы, и поваленные бревна, они летели сквозь ночь, миля за милей, и с каждым часом приближались к спасению.

— Замерзла, Джоан?

— Застегни воротник, Фрэнсис. Кнопка расстегнулась.

Когда огни деревни замелькали впереди, сквозь снежную пыль, комендант Кареев резко обернулся и направил сани в узкий проулок. Пролетая мимо деревни, они могли видеть на расстоянии блестящий крест церкви над невысокими крышами и темный флаг, красный в дневное время — над домом сельсовета. Комендант Кареев не видел флаг, только его кнут настегивал ребра лошадей.

По темным деревенским улицам точки фонарей спешили, мгновенно собираясь в группы, бросаясь прочь. Колокол звенел, как долгий, тревожный сигнал.

— Держи Джоан, Волконцев! Резкий поворот!

Луна скрылась за тучами, как за черным туманом, поплывшим вверх, поглощая звезды. Внизу свет лениво разливался по снегу.

— Посмотри на этот снег, Фрэнсис, — сказал Мишель. — Мы не сможем видеть его долго, долго. Это наше прощание с Россией.

— Это прощание, — сказал Кареев, — для нас двоих.

— Да, — ответил Мишель, — для нас двоих.

Впереди них слабый белый поток, блее, чем снег, отрезал небо от темноты земли.

— Завтра на рассвете мы будем далеко в море, — сказал Кареев, — и лодка полетит к стране, новой для Джоан.

— ...где она забудет все о Страстном острове.

— ...и все, что привело ее туда.

— Не беспокойся о будущем, — сказала Джоан. — Я никогда не забуду кое-чего из прошлого. Один из нас нуждается в этом. Я пожелаю ему это забыть.

— Одному из нас, — сказал Кареев, — это не понадобится. Другому, возможно, не захочется.

Голова Джоан склонилась. Снег падал на ее ресницы.

Она закричала, она подскочила на ноги, но сани мчались быстро, и она упала в сани.

— Там.. там... смотрите!

Они обернулись. Снежная равнина простиралась перед ними, как серый туман. Сквозь туман оттуда, откуда они приехали, по дороге к ним катилось черное пятно. Оно походило на жука с двумя длинными ногами, царапающего снег. Но двигалось так быстро для жука.

Кнут коменданта Кареева щелкнул в воздухе, сани дернулись, и он упал.

— Это ничего, — сказал он. — Какой-то крестьянин спешит в город.

— Слишком быстро для крестьянина, — заметил Мишель.

Глаза Кареева встретились с его взглядом поверх головы Джоан, и Мишель понял.

— Ничего страшного, — сказал Кареев.

Лошади были измучены. Но поводья напряглись, как струна, в руках Кареева. Они понеслись быстрее.

Две вещи выростали медленно, зловеще: белая линия впереди и черное пятно за ними.

— Не смотри на него, Джоан! — Кнут свистел в руке Кареева. — Только расстроишь себе нервы. — Удар кнута. — Ничего. Мы быстрее, чем они. — Удар кнута. — Они не смогут..

Короткий звон сквозь тишину, в которой стук копыт забарабанил, как сердце.

Мишель схватил Джоан и бросил ее жестоко вниз на колени, в солому на дно саней, склонившись над ней, прикрывая ее своим телом.

— Мишель! Дай мне встать! Дай мне встать!

Она отчаянно сопротивлялась. Он грубо удерживал ее.

— Вот так, — прокричал комендант Кареев. — Держи ее, Волконцев! Держи ее!

Комендант Кареев вскочил на ноги. Он качнулся и нагнулся вперед, его рука слилась воедино с поводья-

ми, резкий взмах кнута оставил красную полосу на боку лошади.

— Остановитесь! — издалека донесся до них крик. — Остановитесь, во имя закона!

Мишель вытащил пистолет.

— Не надо, Волконцев! — закричал Кареев. — Побереги пули! Они слишком далеко! Мы успеем оторваться!

Еще два выстрела всколыхнули мрак позади них. Прижавшуюся к своему живому щиту Джоан вырвало. Кареев прижал коленом ее спину, чтобы она не поднималась.

Дорога сперва шла прямо меж хвойного леса, а затем резко сворачивала направо. Они завернули за угол, и опасливо пригнувшийся Кареев снова выпрямился. Они потеряли белую нитку в лесу, а черная иголочка потеряла их самих.

От основной дороги отходил в сторону извилистый поворот, который пропадал в глубине леса. Даже не дорожка, а едва видимая просека, по которой могли с трудом проехать разве что сани. Стремительным движением Кареев направил двойку по этой дорожке.

Они слепо неслись вперед среди снега и высоких деревьев, прокладывая себе путь между красноватых бревен и продираясь сквозь кусты, боками врезаясь в толстые пахучие стволы и отталкиваясь от них. Одна из веток зацепил Кареева по глазу, он стряхнул с себя снег и шишки, вынул из волос охапку застрявших иголок. По его виску потекли красные капельки крови.

Лошади громко фыркали, их ребра ритмично поднимались и опускались, а ноздри трепетали от ужаса. Хлыст вонзались в их плоть, повелевая мчаться еще быстрее. Хлыст держало в своих руках Чудовище с острова Страстной.

Одна из лошадей споткнулась и упала. На мгновение они услышали, как лес замер, молчали глубокие сугробы снега и вся затерянная глушь вокруг них.

Комендант Кареев соскочил с саней, покачнувшись на отвыкших от земли ногах. Пошатываясь, подошел к лошади, на ходу смахивая волосы со лба. Он увидел на руке кровь, почувствовал, как она течет по виску, зачерпнул в ладонь снега и протер им висок. Затем стряхнул поалевшую снежную массу в сторону.

Мишель с трудом пробрался к нему, и вместе они поставили лошадь на ноги. Снова раздался звук хлыста.

— Не бойся, Джоан. Они нас не достанут. — Голос у Кареева был чистым и звенел от напряжения. — Както одной ночью, давным-давно я перевозил особо ценные документы для Красной армии. Подо мной подстрелили троих коней. И я все же доставил эти документы. А сегодня моя гонка куда важнее той.

VIII

Когда они выбрались на открытый участок, лошади уже едва могли двигаться, а хлыст коменданта Кареева был сломан. Перед ними простиралась широкая пустая равнина, покрытая белым снегом, которая тянулась вплоть до чернеющей впереди линии другого леса. Позади них облака были подернуты тускловатой розовой пеленой.

У последних деревьев на окраине леса стояла хлипкая хибара, чьи неокрашенные доски почернели от гнета времени и от непогоды. Крыша ее обрушилась, а в одном из окон не было стекла.

Комендант Кареев постучал в дверь, но ответа не последовало. Тогда он ударил по ней с ноги. Дверь была не заперта. Он вошел внутрь, а затем позвал:

— Здесь все в порядке, заходите.

Мишель вошел, неся Джоан на руках.

Внутри дома был лишь пустой каменный камин и старый деревянный стол, а со сломанной крыши свисал снег, на полу россыпью лежали иголки.

— Здесь мы какое-то время будем в безопасности, — сказал Кареев.

Двое мужчин переглянулись. Кожаная куртка коменданта Кареева была изодрана в клочья. Он потерял свой шарф. Рубашка у горла была тоже разодрана. В прядях непослушных волос Мишеля блестели иголки. Он улыбнулся, просияв зубами, молодой и энергичный, словно прекрасное здоровое животное, радующееся своему первому настоящему сражению.

— Отличная работа, комендант, — сказал Мишель.

— Да, нам это удалось, — подтвердил Кареев, — вместе.

Всего лишь на секунды, но их глаза замерзли в общем понимании нависшей над ними угрозы, и между ними впервые проскочила искорка взаимоважания. Затем они посмотрели на женщину, которая прислонилась к косяку открытой двери. Прядь ее светлых волос закрывала ей глаза, дрожа на ветру, словно зрелый колосок пшеницы на фоне белой пустыни из снега и черных ветвей хвойных деревьев в лесу, позади них. Больше они друг на друга смотреть не стали.

Комендант Кареев прикрыл за собой дверь и закрыл ее на старый деревянный засов. Он сказал:

— Дадим лошадям отдохнуть. Затем отправимся в путь. До города совсем недалеко, всего несколько часов верхом.

Мишель расстелил меховое одеяло на полу. Они молча сели на него. Джоан склонил голову на плечо Кареева. Он нежно скользнул пальцами в ее волосы и вытащил из непослушных кудрей ее светлых волос елочные иголки. Она с беспокойством отметила, как пристально темные глаза Мишеля наблюдали за Каре-

евым. Мишель снял с Джоан обувь и обернул ее ноги в шерстяные носки, которые были влажными от снега. Она внимательно наблюдала за тем, как теперь уже глаза Кареева смотрят за быстрыми движениями Мишеля, как от напряжения в уголках его глаз образуются морщины.

— Давайте пойдем прямо сейчас, — внезапно сказала она.

— Мы не можем, Джоан. И у нас еще уйма времени.

— Мне так неприятно здесь находиться.

— Ты прошла через столь многое, что было тебе ненавистно, — сказал Мишель. — И ты была храбра. Теперь все близится к концу. Подумай о том, что нас ждет.

— То, что нас ждет, — медленно произнес Кареев, — уготовано лишь двоим и только.

— Да, — согласился Мишель. — Только так. И я надеюсь, что третьему хватит смелости отступить, так же, как хватало и двигаться вперед.

— Надеюсь, что так, — сказал Кареев.

— Здесь слишком холодно, — пожаловалась Джоан.

— Я разведу костер, Фрэнсис.

— Не стоит. Они могут заметить дым.

— Позволь мне прижать тебя ближе, Джоан. Так ты согреешься.

Комендант Кареев взял ее в свои объятия.

— Убери от нее руки, — медленно произнес Мишель.

— Что?

— Я сказал: убери от нее руки.

Комендант Кареев повиновался. Он бережно усадил Джоан рядом с собой и поднялся на ноги. За ним встал и Мишель.

Джоан стояла между ними. Она смотрела на них потемневшими глазами, полными презрения.

— Молчите! — приказала она. — Кажется, будто вы оба позабыли, в каком месте мы находимся и когда.

— Но мы также можем уладить это прямо здесь и сейчас, навсегда, — сказал Кареев. — Он забывает о том, что у него на тебя больше нет никаких прав.

— А вы не забываете, комендант, — спросил Мишель, — что у вас их никогда и не было?

— Я выкупил ее у тебя взамен пятидесяти лет твоей жизни на свободе.

— Она не продавалась.

— Я бы не стоял на пути у женщины после того, как она попросила бы меня с него убраться.

— Если бы вы только вспомнили об этом, случись это с вами.

Комендант Кареев повернулся к Джоан и очень нежно сказал:

— Все это было игрой, Джоан, и она ведет к весьма дурному концу. Я знаю правду, но ты должна рассказать и ему. Ты с ним слишком жестока.

— О, пожалуйста, прошу... — она стала умолять, пытаясь от него назад, — не надо, только не сейчас, не здесь.

— Прямо здесь, Фрэнсис, — сказал Мишель, — и сейчас же.

Она выпрямилась и посмотрела им в лица. Она высоко подняла голову, ее глаза были ясны, а голос чист. Это не звучало как извинение. Она с гордым вызовом оглашала вердикт, пользуясь своим высоким правом:

— Я люблю одного из вас. Не важно, что мне пришлось делать, ведь разве вы не понимаете, что существует любовь за рамками любой справедливости?

— И кого же из нас? — спросил Мишель.

— Мы хотим доказательства, Джоан, — сказал Кареев, — того, которое разрушит все сомнения.

В дверь постучали.

— Во имя закона... откройте дверь!

Мишель подскочил к окну. Вспыхнуло дуло его пистолета, и он выстрелил. Снаружи выстрелили в ответ несколькими очередями из винтовки.

Мишель выронил пистолет. Он ухватился рукой за край окна и усилием воли поднял себя на ноги, весь дрожа, а затем снова упал — теперь уже на спину, высоко подняв в падении свои руки.

Джоан закричала нечеловеческим голосом. Она кинулась к нему, разрывая его пиджак, нащупывая его сердце. Сквозь ее пальцы потекла кровь.

— Иди сюда! — прокричала она, обращаясь к Кареву. — Помоги ему!

Кареев всем телом навалился на дверь, пытаясь сдержать ее под яростными ударами снаружи, и стрелял наугад из дыры в стене.

— Подойди сюда! — закричала она. — Помоги ему! Подойди!

Он повиновался. Голова Мишеля безжизненно рухнула на его руку. Он порвал пиджак и почувствовал под своей ладонью едва бьющееся сердце, взглянул на небольшое отверстие в груди, из которого по одежде с каждым новым ударом сердца растекалось все больше темной крови.

— С ним все будет в порядке, Джоан. Он просто без сознания. Рана несерьезная.

Она посмотрела на липкую кровь, паутинкой застывающую между ее пальцев. Она распахнула ворот своего пальто и оторвала от него кусок, приложив к ране.

Она не слышала, как дверь разлетелась в щепки под выстрелами винтовок. Она не видела, как двое солдат забрались внутрь через окна, не видела и как двое других появились на пороге дома.

— Руки вверх! — сказал вошедший первым солдат. — Вы арестованы!

Комендант Кареев медленно встал и поднял руки. Джоан кинула на него безразличный взгляд.

На солдатах были лохматые куртки, подбитые овчиной, которые пахли потом: длинная шерсть, нависавшая с их шапок, приклеивалась ко лбам; после их сапог на полу оставались ошметки снега.

—И вот так, граждане, — сказал главный среди них, — мы будем сворачивать белые шеи всем контр-революционерам.

Его живот нависал над поясом с патронами. Он широко расставил тяжелые и массивные ноги и отодвинул на затылок меховую шапку, почесывая шею и смеясь. На его лице играла широкая ухмылка, которая обнажала короткие зубы.

—Вы такие умники, правда, граждане? — Пояс с патронами затрясся вслед за его животом. — Но длань пролетарской республики простирается далеко, и у нее острые когти.

—Каковы приказы тех, кто вас послал сюда? — неторопливо спросил комендант Кареев.

—Не так быстро, гражданин. К чему спешка? У вас еще будет достаточно времени, чтобы узнать это.

—Пойдемте, — сказала Джоан и поднялась на ноги, — тут человек ранен, я отведу его к врачу.

—Он ему не понадобится.

—Их лошади здесь, за домом, — доложил один из солдат, входя внутрь.

—Выводите их... Такой конец ожидает всех, граждане, кто посмеет поднять свою руку супротив великой воли пролетариата.

—Какие приказы вам отдали? — повторил Кареев.

—Приказы заключались в том, чтобы сохранить ваши драгоценные тушки для более лучших пуль, чем наши. Заключение, мужа этой женщины, нам следует доставить на остров Страстной, чтобы там его казнили. Женщину же и предателя-коменданта отведут в зал суда Нижне-Колмыска, в КПУ. Прекрасное место, ваша светлость, прямо напротив дома торговца из Англии.

Джоан встретила взглядом с Кареевым. В доме напротив от того места, где жил торговец из Англии, двери могли оставаться открытыми, охраны могло во-

все не быть, а узники могли исчезать без следа — отправляясь либо к месту казни, либо на свободу.

Это и ожидало их. Двоим удастся спастись, если они доедут до этого дома. Последний же был обречен.

— И кстати, — поинтересовался один из них, — который из двоих ваш муж?

Джоан встала у стола. Она откинулась на него, судорожно ухватившись руками за края и вжав голову в плечи. Казалось, крепко державшиеся за крышку стола руки были тем единственным, что помогало ей держаться на ногах. Но она все же смотрела прямо на солдата, и в ее глазах не было ни тени страха, лишь последняя, отчаянная решимость загнанного в угол животного.

— Вот мой муж, — ответила она и указала пальцем на Кареева.

Комендант Кареев посмотрел на нее. Глаза его были спокойны и становились лишь еще безучастнее, рассматривая ее. В них не было мольбы, лишь гордая насмешка над своим безнадежным положением.

Он просил о доказательстве истины, о том, которое невозможно было бы подвергнуть никакому сомнению. И вот он получил его.

Комендант Кареев взглянул в сторону рассветного неба, улыбающегося лучами, словно дитя, своей первой надежде на начало новой жизни. Затем он повернулся к солдату.

— Да, — холодно подтвердил он, — я ее муж.

Руки Джоан соскользнули с края стола, и ей пришлось снова ухватиться за него. Ее глаза расширились, словно глядя на то, в осуществление чего она и не смела верить.

— Пойдемте же, — сказал солдат. — Вы настоящий безумец, гражданин заключенный. Я не понимаю, чему тут вообще можно улыбаться.

Солдаты склонились над Мишелем, который едва двигался.

— С предателем все в порядке, — сказал главный, — ему по силам поездка в Нижне-Колымск. Положите его на сани, женщину посадите туда же и отвезите их обоих в город. Я отведу заключенного обратно на побережье. Отправьте приказ на Страстной, чтобы корабль направлялся к нам.

Джоан не следила за тем, как солдаты поднимают Михаила и относят его к саням. Она не заметила никого из тех, кто проходил мимо нее. Ее взгляд застыл на Карееве.

На лице коменданта Кареева отражалась лишь безмятежность, которая будто бы сглаживала те многочисленные морщины, заработанные Чудовищем за все годы его нелегкой службы. Он словно удивленно смотрел на что-то такое, что осознал впервые в жизни. Он не улыбался, но лицо его выглядело так, как если бы улыбка все равно блуждала по нему.

— Ну же, пойдете, — поторапливал солдат, — в чем дело, гражданка? Перестаньте на него так смотреть.

— Можно я, — спросил Кареев, — попрощаюсь... со своей женой?

— Валяйте. Только быстро.

Комендант Кареев повернулся и встретился с ней взглядом. Затем он мягко улыбнулся и взял ее руки в свои.

— Прощай, Джоан.

Она не отвечала, лишь смотрела на него.

— Существует любовь за рамками любой справедливости, Джоан, я понимаю.

Она, казалось, даже не слышала его. Он добавил:

— И есть любовь за границами любой печали. Потому не беспокойся обо мне.

— Я не могу отпустить тебя, — почти беззвучно прошептали ее губы.

— Ты была моей. Ты подарила мне жизнь. У тебя есть и право отнять ее.

— Я бы лучше...

— Лучше бы ты молчала... Ты теперь передо мной в долгу. И потому я велю тебе быть счастливой — ради меня же.

— Я буду... счастлива, — прошептала она.

— Ты ведь не плачешь, правда, Джоан? Все это не так плохо, как кажется. Я не хочу быть призраком, который погубит ожидающую тебя жизнь. Достаточно ли ты сильна, чтобы пообещать мне всегда улыбаться при мысли обо мне?

— Я... улыбаюсь... дорогой...

— Вспоминай обо мне, когда в тех странах, куда тебя пошлют... в доме напротив торговца из Англии... ты увидишь... пляшущие огоньки.

Она подняла голову, стояла прямо, как солдат, вся во внимании. Она медленно сказала, торжественно выверяя каждое слово, будто поднимаясь на эшафот:

— Я не могу благодарить тебя. Я просто хочу, чтобы ты знал, что из всех поступков, которые я совершала, именно этот совершить мне тяжелее всего.

Он обнял ее и поцеловал. Поцелуй этот длился долго, словно он пытался им подвести итог всей своей жизни.

Они вышли на улицу вместе, рука об руку. Солнце радостно приветствовало их, выкатываясь из-за горизонта над лесом. Оно медленно поднималось все выше, протягивая свои лучи к ним с торжественным благословением. Далеко в лесу на ветках голых деревьев белый снег блестел слезами от опаляющего рассвета, и слезы эти капали повсюду, переполняя лес тихой печалью. Но высокие старые деревья возвышались под светлой лазурью неба, словно почтенно приветствуя вновь зарождающуюся жизнь, как в первый раз. И по всей равнине снег блестел под солнечными лучами, переливаясь всеми цветами радуги.

— Во славу мировой революции! — рявкнул солдат и вытер нос рукавом куртки.

Их ожидали двое саней, лошади которых были повернуты в разные стороны. На одних санях сидели двое солдат, ожидавших своего заключенного. На других лежал Мишель, который стонал от жара, все еще без сознания. Рядом с ним сидел солдат, державший в руках поводья.

Джоан остановилась. У нее не было сил идти дальше. Комендант Кареев спокойно улыбнулся. Он заметил, что ворот ее пальто распахнут, и пристегнул его обратно. Главный среди солдат подтолкнул ее к саням.

Она остановилась и обернулась, встретившись лицом к лицу с Кареевым. Он стоял с прямой спиной, словно тянулся навстречу рассвету, его волосы отливали золотом на свету. Она гордо и храбро улыбнулась, возвышенно одобряя открывшееся ее взору новое проявление жизни.

Кареев без всякого приказа со стороны пошел к своим саням, спокойно сел на них между двух солдат.

Грубая рука усадила Джоан на ее сани. Она обняла Мишеля и прижала к себе, положив его голову на плечо.

Солдат щелкнул кнутом, и лошадь рванула вперед, навстречу рассвету. Их упряжь скрипела, а снег взметался под копытами лошади.

Джоан обернулась посмотреть на другие сани. Комендант не повернулся в сторону помчавшейся вперед лошади. Она смотрела, как ветер играет его волосами над четко очерченной линией лба. Комендант Кареев по-прежнему высоко держал голову.

Около 1931–1932 г.

МЫ ЖИВЫЕ ¹

Предисловие редактора

Айн Рэнд вернулась к написанию романа «Мы живые» в 1932-м, но уже в следующем году вновь прервала работу над ним ради своей первой постановки под названием «Ночь 16-го января», продюсерами которой впоследствии выступали как Голливуд (1934), так и Бродвей (1935). (Эту пьесу также в особом порядке опубликовала New American Library.) В конечном счете роман был завершен к марту 1934 г., но до 1936 г. Айн Рэнд не могла найти издателя, готового опубликовать его. После выпуска первого тиража размером в 3 тысячи экземпляров издательский дом решил отказаться от дальнейших переизданий книги несмотря на то, что все показатели свидетельствовали о возрастании читательского интереса к произведению писательницы. Таким образом, большинство читающей

¹ Здесь представлены отрывки, не вошедшие в окончательную версию романа «Мы живые».

публики не могло добраться до этой книги Айн Рэнд почти четверть века. В 1959 г. издательством Random House было принято решение о перепечатке романа, а в 1960 г. New American Library издала его в мягком переплете. С того самого времени было продано еще около трех миллионов копий романа «Мы живые».

Мнение самой Айн Рэнд относительно темы, заявленной в этом произведении, ее значимости и того места, которое занимает роман «Мы живые» среди прочих ее работ, можно отыскать во вступлении к данной переизданной версии.

Во время поиска оригинальной рукописи романа я обнаружил несколько отрывков, вырезанных из финальной версии произведения. Айн Рэнд была настоящим чемпионом в плане того, что касалось литературной экономии; она вырезала из своих произведений все без исключения отрывки, которые казались ей незначительными. Она сама любила заявлять, что в цельном авторском творении нет места ни одной лишней сцене и ни одному лишнему слову; судить о любой составляющей части творения можно лишь только с точки зрения того, какой вклад она вносит в общее дело, а не по тому, сколь она интересна сама по себе.

И тем не менее некоторые из вырезанных отрывков оказались вполне самостоятельными произведениями, более чем достойными публикации, пускай и не являющимися, по мнению миссис Рэнд, частями общего произведения. Для данного сборника я выбрал два таких отрывка, написанных, вероятно, в самом начале ее работы над романом, приблизительно в 1931 г. Ни одно из них не было удостоено привычной для Айн Рэнд редакции и шлифовки. Сами названия произведений были придуманы мной.

В рассказе «Нет» ярко выражена вся гамма эмоций, преобладавших в жизни людей в Советской России после революции. Он представляет своего рода взгляд на

то существование, которое приходилось терпеть самой писательнице до того, как она смогла уехать в Америку. Некоторые характерные детали этого бытописания находят отражение в рассказе в виде отдельных кратких абзацев, умело внедренных в общую сюжетную линию. Очевидно, Айн Рэнд полагала, что иначе образы, заявленные в произведении, окажутся слишком статичными. Возможно также и то, что более частое использование таких деталей, по мнению миссис Рэнд, могло показаться избыточным, поскольку их тема неоднократно обыгрывается во всей книге.

Фраза «месяц ожидания», звучащая из уст Киры, героини другого неопубликованного отрывка, частично отражает главную тему истории о том, как юная девушка томится в ожидании любимого человека, которого она не увидит еще до 28 октября.

В романе есть небольшой абзац, описывающий то, как юная Кира прочитала историю о Викинге, впоследствии ставшем для нее олицетворением настоящего героя, таким, каким должен быть мужчина. Мне всегда нравилась эта краткая отсылка, и я был крайне рад узнать, что на самом деле она вела к полноценному, пускай и небольшому, но все-таки рассказу.

Можно воспринимать «Викинга Киры» как красочную романтическую сказку, предназначенную как для взрослых, так и для детей. Язык у этого произведения простой и запоминающийся, почти библейский по силе слова и ритмике. Поклонники творчества Айн Рэнд наверняка найдут в нем сходство с языком, который она использовала в более поздних произведениях, таких, как повесть «Гимн» и в легендах о Джоне Голте из романа «Атлант расправил плечи». Айн Рэнд была настоящим мастером, умело создающим и передающим настрой подобных запоминающихся легенд, над которыми не властно время. Разумеется, я не мог пройти

мимо и оставить один из подобных ярчайших примеров прозябать в неизвестности. Ко всему прочему, на моей памяти это единственная сказка с ярко выраженным мнением касательно отношений между экономикой, контролируемой государством и религией.

Вероятно, история была вырезана из-за того, что исчезла необходимость в дополнительном развитии личности Киры как персонажа романа в целом.

Последний абзац я решил опубликовать отдельно от всего текста, поскольку и в романе он появился лишь в самом конце, в описании смерти Киры. Он также был вырезан из финального издания вслед за самой историей.

«Нет» — это то самое слово, от которого сбежала Айн Рэнд. А «Викинг Киры» объясняет причину этого побега и указывает на то, что она хотела отыскать в этом мире для себя вместо него.

Леонард Пейкофф

НЕТ

Месяц ожидания равен двум неделям в Париже, неделе в Нью-Йорке. И году — в Советской России.

— Нет, — отрезала продавщица в книжном магазине, — у нас не продаются зарубежные издания, гражданка. Какие зарубежные издания? Должно быть, вы к нам в Петроград приехали совсем недавно. Если вы ищете заграничные публикации, то я могу вам предложить разве что сводку с Марса, гражданка. Неподобающая идеология, вы же знаете. Чего хорошего ждать от этих буржуазных стран?.. Вот вам на ваш взыскательный вкус, гражданка: *Юный коммунист*, *Красные выходные*, *Красный урожай*... Не хотите?.. Гражданин, стойте! У нас и замечательные романы есть. *Голый год* — все о гражданской войне. *Серп и молот* — о пробуждении рабочего класса в деревнях, достаточно фантастический сюжет. но такой проникновенный!

На полках всюду сияли белые обложки книг с красными заголовками, красные обложки книг с белыми заголовками. Все они были напечатаны на дешевой коричневатой бумаге, а по соседству с ними находились какие-то абстрактные рисунки, кривые линии.

круги, квадраты — все в бешеном вальсе рвалось через дыру в непроницаемой стене, из мира за ее пределами, в бесполезном отчаянии пытаюсь донести хоть крупицу своего смысла до маленького склада, где под портретом Ленина, лукаво улыбающегося Кире, висела большая надпись «Государственный издательский дом».

— Нет, — сказала Галина Петровна, — у нас нет денег на билеты в театр. Ты радоваться должна, что у нас есть хоть немного на билеты на трамвай.

На улицах висели большие плакаты, на которых маленькими голубыми буквами объявлялось об открытии нового сезона в «Государственных академических театрах» — в тех трех театральных гигантах Петрограда, которые еще пять лет назад назывались Императорскими театрами: Александринский — с колесницей на крыше и лошадьми, вздымающими свои могучие копыта над величественным городом, с пятью рядами балкончиков золотисто-красных цветов, откуда можно было наблюдать за лучшими в России драматическими постановками; Мариинский — в серебристо-голубых тонах, торжественный и величественный, настоящий храм для певцов оперы и балерин в воздушных пачках; Михайловский — серебристо-оранжевый, нахальный и в то же время дружелюбный, подмигивающий двум своим серьезным братьям своими дерзкими новыми постановками и веселыми опереттами.

— Нет, — сказала кассирша, — у нас нет билетов ценой ниже трехсот пятидесяти рублей. Правда, у нас бывают вечера для членов профсоюзов — в таком случае билеты вам бесплатно выдают ваши организации... Но если вы не являетесь членом профсоюза, гражданка, то кому какая разница, что вы не попадете на постановку?

— Нет, — сказала Ирина Дунаева, — я тоже не получу этой зимой новой одежды. Так что тебе не придется волноваться, Кира. Мы будем выглядеть точь-в-точь одинаково... Да, у меня есть пудра. Советская. Не очень-то и хорошо держится. Но ты ведь знаешь Ваву Милославски, которая сейчас еще девушка Виктора? Так вот, ее отец хоть и врач, но они называют это «свободной профессией». Пока он не «подрывает трудовую деятельность», они его не трогают, а он в это время зарабатывает настоящие деньги. Только никому не рассказывай, но у Вавы теперь есть коробочка пудры от Коти... да, французская! Да, настоящая. *Зарубежная*. Контрабандой провезли. Десять тысяч рублей за коробочку... Я думаю, Вава использует помаду. Знаешь, я думаю, это станет модным. Смело, не правда ли? Но, говорят, за *границей* ее используют... А еще у Вавы пара шелковых чулок. Не говори, что это я тебе рассказала. Она их обожает демонстрировать, а я не хочу, чтобы она тут удовольствие от этого получала!

— Нет! — кричали красные буквы с плаката. — Пролетарское Сознание не заразишь Жалкой Буржуазной Идеологией! Товарищи! Сплотим наши Крепкие Ряды!

На плакате были изображены тысячи рабочих размером с муравья каждый, в тени огромного колеса.

— Нет, — запротестовал студент с красной косынкой, — вам придется стоять в очереди за хлебом, гражданка, как и нам всем. Конечно, это может занять два часа, а то и три. Но к чему спешка, гражданка? Вы все равно не найдете этому времени лучшего применения. Вероятно, ожидаете каких-то привилегий? Слишком хороши собой, чтобы стоять в очереди рядом с нами, пролетариями? Не качайте ногой, гражданка. Конеч-

но. Я тоже замерз... Да, вы пропустите лекцию. А я пропущу встречу со своими братьями по партии. Но это ведь Хлебный День.

У каждого студента была карточка на провизию. Пол в университетском магазинчике был устлан опилками. Продавец за прилавком живо совал булки сухого хлеба в руки медленнодвигающейся мимо него толпы, запускал руки в бочку за солеными огурцами, а потом вытирал их о хлеб. Постепенно хлеб и огурцы исчезали в недрах рюкзаков, переполненных книгами.

— Нет, — гласило начало статьи в газете *Правда*, — новая экономическая политика — отнюдь не провал революционной идеологии. Это временное примирение с исторической необходимостью. Борьба не окончена. Ну же, товарищи, покажем толстобрюхим иностранным империалистам, сколь сплоченны наши ряды во благо восстановления нашей экономики! Настал день фабрик и тракторов вместо штыков! День, когда мы покажем красный порядок во всей красе каждодневного труда и рутины! Настало время красных трудовых будней!

— Нет, — сказала Галина Петровна, — я не сломала керосинку, там просто не осталось керосина. А если ты смешаешь муку с холодной водой, то на вкус это будет как самая настоящая каша.

— Нет, — сказал милиционер, — вы не можете переходить здесь улицу, гражданка. К чему такая спешка? Не видите что ль, тут демонстрация ударников труда!

Вереницей тянулись женщины вниз по Невскому, шагая неторопливо и вынуждая остановиться грузовики и трамваи, ошметки грязи летели из-под их обуви. Красное знамя, которое они гордо держали высоко над головой, провозглашало:

«Женщины Первой Красной Пищевой Фабрики Выражают Протест Против Алчности Англии и Лорда Чемберлена!»

Женщины прятали свои руки под мышки, чтобы согреть их, и пели:

Мы красная стража,
И наша цель ясна.
Нам говорят: не вешать нос,
Нам буржуазия не страшна...

— Нет! — рявкнул мертвецки пьяный матрос под темным окном на одной из улиц города. — Я не перестану. Я свободный гражданин! Подите к черту со своим сном!

И дунул в губную гармонику с такой силой, что она была готова треснуть пополам, пронзительно взвизгнув. Он прислонился к фонарному столбу и запел, а ветер нес звук его хриплого голоса вверх по крышам:

Втюрились Машка и Ванька друг в друга,
В верности клялась ему та подруга,
Он обещал до смерти ее беречь и хранить,
Сам так норовил ее в лес заманить.
Машка-краса румянцем залилась,
Больно уж Ваньку ублажить торопилась,
Ламца-дримца-дри-ца-ца!..

— Нет, — сказал управдом, — вы не можете быть исключением из правил, гражданка. Даже если вы сту-

дентка. Гражданский долг — в первую очередь! Все жильцы дома должны присутствовать на собрании.

Итак, Кира уселась в длинной пустой комнате, самой большой в доме, в квартире, которая принадлежала кондуктору трамвая. Позади нее разместились Галина Петровна в своем старом платье и Александр Дмитриевич, вытянувший вперед ноги в изношенных ботинках, а также Лидия, подрагивающая в рваной шали. Все жильцы дома тоже были на месте. В квартире была электропроводка, и на потолке в центре комнаты горела одинокая лампочка. Жильцы жевали семечки подсолнуха.

— Являясь управдомом, — зачем-то подтвердил это еще раз управдом, — я объявляю заседание жильцов этого дома... на улице Мойка... открытым. На повестке дня стоит вопрос о дымоходе. Теперь, товарищи граждане, будучи ответственными жителями своего города, прекрасно осознающими ценности истинного классового сознания, мы должны понять, что сейчас все совсем не так, как было, когда домовладельцы не заботились о домах, в которых мы с вами проживаем! Теперь все иначе, товарищи. Вследствие установления нового режима и диктатуры пролетариата, а также не забывая о том, как забываются наши дымоходы, мы должны как-то решать этот вопрос, ведь теперь мы сами — владельцы этого дома! Теперь если дымоходы будут забиты, то печи не будут гореть, а ежели они не будут гореть, то весь дом задымится, а если он задымится, то это будет выглядеть неряшливо, а если мы будем выглядеть неряшливо — то мы будем нарушать пролетарскую дисциплину. И потому, товарищи граждане...

Из кухни стал доноситься запах подгорающей еды, и домохозяйка нервно засутилась, поглядывая на часы. Грузный человек в красной рубашке стал заламывать пальцы. Молодой мужчина с бледным лицом си-

дел и чесал голову, приоткрыв рот, время от времени роняя что-то из своих рук на пол с характерным звуком.

— ...и общая стоимость этого будет поделена пропорционально, на всех по... Товарищ Аргунова, это вы тут пытаетесь ускользнуть от нас? Лучше бы вы этого не делали. Вы же знаете, что мы думаем о людях, которые саботируют свои гражданские обязанности. Вам бы следовало научить своего отпрыска пролетарскому стилю мышления, гражданка Аргунова... И общая стоимость этого будет поделена пропорционально, на всех по возможностям. Рабочие платят три процента, представители свободных профессий по десять, а торговцы — все остальное... Кто «за» — поднимите руки... Товарищ секретарь, подсчитайте общее количество поднятых рук... Кто «против» — тоже поднимите... Товарищ Михлюк, вы не можете голосовать одновременно «за» и «против» по одному и тому же вопросу...

По утрам было просо и запах керосина, когда не было дров, и дым — когда не было керосина.

По вечерам — снова просо, а Лидия качалась на дряхлом стуле, едва слышно стеноя:

— Безбожники! Святотатцы! Изменники! Они забирают иконы и золотые крестики из церквей. Чтобы все это скормить голодомору не пойми где, прости Господи! Ни к чему святому никакого уважения. Куда мы катимся?

А Галина Петровна вопила:

— Чего же ждет Европа? Сколько еще этот беспредел будет продолжаться?

Александр Дмитриевич же робко спрашивал:

— Можно, Галина? Хотя бы еще ложечку?

А иногда приходила Марина Петровна и дрожала у печи от кашля, сотрясающего ее грудь, будто она уже рвется на части, с трудом выговаривая слова:

— ...а Вася снова подрался с Виктором... это все из-за политики... а Ирине досталась только сухая рыбешка в университете... на этой неделе... нет хлеба... а я сделала сегодня ночную рубашку из старой скатерти... старой... рвется, стоит на нее подуть... а Асе нужны га-лоши... а Вася не хочет устраиваться на советскую ра-боту, даже слышать не желает... Да, я принимаю ле-карства от кашля... А вы слышали о Борисе Куликове? Спешил, попытался запрыгнуть на переполненный трамвай... на полной скорости... отсекло обе ноги... Ася учится читать в школе, и знаете, какие слова они сейчас учат? Марксизм, пролетариат и электризация.

На полу валялось издание газеты «Правда», примя-тое чьей-то ногой:

«Товарищи! У настоящих пролетариев есть лишь коллективная воля. Железная воля пролетариата, клас-са победителей, который поведет человечество в...»

А Кира стояла у окна, прижав ладонь к холодному темному стеклу, и всеми фибрами души чувствовала, сколь юна она еще была, крепка и тверда волей, как это самое стекло. Она думала, что вынести можно мно-гое, забыть можно многое, если всегда твердо помнить об одной главной цели и причине. Она не знала даже, в чем заключается эта самая цель, но и не думала зада-ваться таким вопросом, ведь цель была бесспорна и не терпела сомнений. Она знала лишь, что ждала, когда она сбудется. Наверное, это было двадцать восьмое ок-тября.

ВИКИНГ КИРЫ

Кира помнила сюжет лишь одной книги. Ей было десять, когда она ее прочла. Это была история о Викинге, написанная на английском языке, которую ей подарила гувернантка. Позже она узнала, что автор книги умер в молодом возрасте. Но, даже повзрослев, сколько она ни пыталась, все равно не могла вспомнить его имени.

Она не помнила, какие книги она читала до этой, и не хотела помнить о том, какие читала после нее.

У Викинга было крепкое тело, о которое, как о скалы, разбивались ветра. Шаг Викинга был столь могуч, сколь прибой морской, волнами ударяющийся о каменный берег, — уверенный и неумолимый. Взгляд Викинга никогда не блуждал дальше кончика его собственного клинка, но сталь его благородного клинка сама не знала границ.

У корабля Викинга были сшитые из лоскутов паруса и потрепанная в боях корма, а его флаг никогда и ни перед кем не опускался. На корабле всегда была команда из моряков, каждый из которых горой стоял считал его своим домом, и ни один из этих храбрых воинов не преклонялся ни перед чьим другим голосом.

кроме голоса Викинга. Корабль был сокрыт в тени высоких северных скал, в тайной гавани, куда не смела ступить нога простого человека.

Корабль приходилось прятать потому, что высоко в горах находился город, окруженный серыми стенами, где по ночам у запертых ворот дымила одинокая лампа, а по этим самым старым стенам бродил кот. В этом городе жил Король, и, когда он проходил по улицам, люди кланялись ему так низко, что на их морщинистых лбах оставались следы пыли с мостовой. Король ненавидел Викинга.

Король ненавидел его, ведь когда мирные огоньки загорались в городских окнах, а над домиками начинал клубиться дым от материнской стряпни, Викинг наблюдал за городом с высокой скалы. И как бы высоко ветер ни уносил дым, он никогда не мог поднять его на ту высоту, где нес свой дозор Викинг. Король ненавидел его, ибо от могучих рук викинга могли рушиться несокрушимые стены, а солнце становилось его короной, когда он шел посреди руин, невозмутимый и бесстрастный.

И потому Король назначил награду за голову Викинга. И на узких улочках города, у порогов, скользких от луковых очисток, люди ждали и надеялись на эту награду, чтобы хоть раз приготовить себе достойный ужин.

А где-то там, в глубине долины, возвышался храм, который освещался лучами солнца каждый день лишь на час. И в том месте, куда били лучи света в это самое время, находилось высокое окно из темного стекла. Когда солнце освещало это окно, огромная тень святого мученика простиралась над спинами тех, кто стоял на коленях и молился. И золотой свет солнца превращался в кроваво-красный, предвещая жуткие страдания. Жрец этого храма ненавидел Викинга.

Жрец ненавидел его, ведь Викинг смеялся под толщей холодных черных склепов, и его смех был подобен треску разбивающего стекла. Жрец ненавидел его, ведь Викинг поднимал свой взгляд к небесам, только когда склонялся испить воды из горного ручья, и там, затмевая само небо, видел он лишь свой образ.

И потому Жрец пообещал простить все грехи тому, кто принесет ему голову Викинга. И стирая кожу на коленях, люди молились на ступенях храма и надеялись на то, что тогда они смогут без опаски возлежать с женами своих соседей.

Далеко в северных морях, где безмолвные полярные сияния соединяли меж собой бурные волны и дикие облака и ни один корабль не смел прерывать эту глубокую связь, возвышался священный город. Издали моряки любовались его белыми стенами, достающими до заснеженных гор. Но ни один из путешественников не смел взглянуть на этот город весной, ведь в это время солнце с такой силой отражалось от блестящих белых стен, что оставляло слепцом всякого, кто на них посмотрит.

На рассвете многие наблюдали с далеких расстояний, как королева-жрица медленно поднималась на вершину белой башни. Ее золотистые волосы ниспадали на длинную белую робу, достающую до самой земли. Она шла с гордо выпрямленной спиной, воздев руки высоко к бледно-розовому утреннему небу. А на безмятежной водной глади отражалась та же стройная фигура жрицы, тянувшей свои руки в морские пучины.

Именно весной Викинг сказал, что отправляется завоевать этот священный город.

Люди заперлись в своих домах и закрыли ставни на окнах. Но Король улыбнулся и предложил ему помило-

вание, а также свое личное знамя для похода в столь рискованное путешествие.

— За твоего Короля, — сказал он.

Жрец улыбнулся и предложил ему всепрощение, а также знамя храма.

— За твою Веру, — сказал он.

Но Викинг не принял дары ни того ни другого. Разрезая волны, его корабль мчался вперед к далекой белой точке, а на мачте реяло его собственное знамя, которые никогда и ни перед кем не опускалось.

Впереди были долгие дни плавания и жуткие бури. Когда волны вздымались особенно высоко, Викинг вставал на нос корабля и крепко держал свой темный плащ, который ветер грозил сорвать, и смотрел только вперед.

Когда корабль Викинга подплыл вплотную к священному городу, его стены мерцали голубоватым свечением во тьме ночных звезд.

Когда одна за другой пропали звезды и рассвет озарил небо, от некогда крепких стен города остались лишь белые камни, медленно рушащиеся один за другим в бездонную синеву моря. Ворота города были распахнуты, и у входа гордо реяло знамя Викинга.

Один во всем городе, Викинг стоял на вершине белой башни в изорванной в клочья одежде. Огромная рана рассекала его грудь, и капли крови медленно падали к его ногам.

С разрушенных улиц за ним наблюдали как завоеватели, так и завоеванные. В их взглядах было искреннее удивление, но ни намек на ненависть. Они подняли свои головы, но не встали с колен.

Прямо у ног Викинга лежала королева-жрица священного города. Она так низко согнулась, что ее золотистые волосы разметались по ступеням башни. Он видел, как тяжело вздымается ее грудь, почти касаю-

щаяся земли. Руки ее неподвижно и беспомощно лежали на ступенях, а ладони были обернуты ввысь в немой мольбе. Но не о пощаде молила она его.

Солнце не поднялось над линией горизонта. Тусклое небо глядело в тусклую, спокойную водную гладь. За городом разгорался зловещий красный свет, всплывая из самого сердца земли к небу как победное знамя. Но фигура Викинга была неподвижна, и даже этому свету не по силам было ее сдвинуть с места.

Слабые морские волны бились о подножье лежащего в руинах города. Эти волны повидали неведомые берега и побывали в богом забытых странах; далеко за гранью тех мест, где линия горизонта скрывается в переплетении неба и водной глади, находилась еще никем не открытая земля, сулящая своим покорителям больше, чем они могли бы себе вообразить. И земля эта пребывала в тишине и благоговейном напряжении, будто сама ее сущность и само ее сердце сейчас торжественно всплывали над горизонтом, устремляясь высоко к утреннему небу, словно замершему в трепетном ожидании грядущей песни, которая вот-вот должна начаться.

Викинг улыбнулся так, как улыбаются люди, когда смотрят на небо; однако же он смотрел вниз. Его правая рука была вытянута вдоль опущенного меча, а левой он поднял к небу кубок, наполненный вином. Первые лучи солнца, по-прежнему невидимые для земли, ударили в кристальный кубок. И он запылал, словно белый факел, осветив лица всех тех, кто был внизу.

— За жизнь, — сказал Викинг, — что есть причина и следствие самой себя.

Жил Викинг, смеявшийся над Королями, смеявшийся над Жрецами, смеявшийся над Людьми, ко-

торый превыше всех храмов и всего того, пред чем преклонялись люди, чтит святость лишь одного — самой жизни. Он это знал, и она знала. Сражался он, сражалась и она. Он открыл ей этот путь. За знамя жизни можно отдать все, что потребуется, даже саму жизнь.

1931 г.

Литературно-художественное издание

Айн Рэнд

МУЖ, КОТОРОГО Я КУПИЛА

Ответственный редактор *М.А. Котова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная вёрстка *Н.Н. Пуненковой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. За

При участии ООО «Издательство АСТ»

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

АЙН РЭНД

Айн Рэнд (1905—1982) родилась в Санкт-Петербурге, но в юности эмигрировала в Америку, где к ней пришел оглушительный успех. Айн Рэнд — автор бестселлеров «Гимн», «Мы живые», «Атлант расправил плечи», «Источник», а также создатель философского направления объективизма, в основе которого лежит мысль о величии человека, находящего опору в собственном разуме.

В далеком 1926 году, двадцати одного года от роду, Айн Рэнд приехала в Америку как обычная эмигрантка из России, она едва могла говорить по-английски, и вряд ли кто-то мог поверить, что спустя незначительное время она напишет свои лучшие книги, демонстрируя великолепное владение языком и умение донести до читателя сложнейшие философские идеи.

Какие темы волновали юную Айн Рэнд, когда она только училась писательскому мастерству?

Книга «Муж, которого я купила» — это сборник произведений писательницы, расположенных в хронологическом порядке с самого раннего периода ее творчества. Они публикуются впервые. Среди них рассказы «Ночной король», «Муж, которого я купила», «Ее вторая карьера», а также отрывки из первоначальной версии романа «Мы живые».

Книга позволяет проследить путь становления и развития литературного таланта Айн Рэнд от первых опытов до работ, позднее принесших ей славу.

www.ast.ru

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-38484-4

9 785271 384844